

100 ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК МИРА

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Афанасий Фрезер

100 волшебных сказок мира (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17362342
100 волшебных сказок мира (сборник): Клуб Семейного Досуга; Харьков; 2013
ISBN 978-966-14-6900-5

Аннотация

Здесь собраны самые лучшие творения величайших детских писателей мира: Ханса Кристиана Андерсена, Вильгельма Гауфа, Шарля Перро, братьев Гримм, Джозефа Джекобса, Редьярда Кипплинга, Владимира Даля и др.

Интересные сказки перенесут юного читателя в волшебный мир, где есть заколдованный замок и хрустальный мост, городок в табакерке и пряничный домик. Здесь живут отважные богатыри и прекрасные принцессы, коварные волшебники и мудрые короли.

Вперед, навстречу приключениям!

Содержание

Ханс Кристиан Андерсен	5
Огниво	5
Гадкий утенок	8
Русалочка	12
Оле-Лукойе	19
Сундук-самолет	24
Принцесса на горошине	27
Свинопас	28
Новый наряд короля	30
Маленький Тук	32
Воротничок	34
Мотылек	36
Прекраснейшая роза мира	37
Стойкий оловянный солдатик	39
Вильгельм Гауф	42
Маленький Мук	42
Калиф-аист	48
Карлик Нос	52
Принц-самозванец	61
Шарль Перро	65
Золушка	65
Мальчик-с-пальчик	68
Спящая красавица	72
Ослиная шкура	75
Пряничный домик	79
Смешные желания	81
Зеленая змея	82
Хрустальный мост	89
Братья Гримм	90
Белоснежка	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

100 волшебных сказок мира

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2013

* * *

Ханс Кристиан Андерсен

Огниво

Шел солдат домой с войны. Встретилась ему старая ведьма.

– Здравствуй, солдат! – сказала она ему. – Ты получишь сколько захочешь денег, только окажи мне услугу. Видишь старое дерево? Я обвяжу тебя веревкой, а ты залезь в дупло! Когда доберешься до самого низа, увидишь подземный коридор; там совсем светло, потому что горят сотни факелов. Ты увидишь три двери; ключи торчат снаружи. Войди в первую комнату и увидишь большой сундук, а на нем собаку: глаза у нее размером с чашки! Но ты не бойся, а расстели на полу мой синий клетчатый передник, подойди и схвати собаку, посади ее на передник, открой сундук и бери из него медяков сколько душе угодно. А если захочешь серебра, ступай в другую комнату; там сидит собака, у которой глаза размером с мельничные колеса! Но ты не бойся, а посади и ее на мой передник – и набирай денег вволю! А если уж захочешь золота, пойди в третью комнату. Там на сундуке сидит собака, а глаза у нее как круглые башни. Но ты не бойся, а посади и ее на мой передник и бери золота, сколько сможешь унести! Как, солдат, согласен?

– А что ты хочешь за это, старая ведьма? – спросил солдат.

– Ничего, кроме старого огнива! – сказала ведьма. – Его забыла там моя бабушка.

– Так и быть, согласен!

– Вот и хорошо! Бери же передник! – сказала ведьма.

Солдат влез на дерево, спустился в дупло и очутился в подземном коридоре, где горели сотни факелов.

Он открыл первую дверь и увидел собаку, глаза у которой были размером с чашки.

– Вот так собачка! – сказал солдат, но не испугался, а, как и говорила ведьма, посадил собаку на передник и набрал полные карманы медяков, набил ими ранец, потом опять посадил на сундук собаку и пошел в другую комнату.

Там сидела собака, глаза которой были размером с мельничные колеса.

– Ой, как тарашится! – сказал солдат.

Он посадил собаку на передник, открыл сундук – и набил полные карманы и ранец серебром, правда, пришлось выбросить все медяки, ну да ладно! Затем солдат посадил собаку обратно и пошел в третью комнату.

– Такой собаки я еще не видел! – сказал солдат, и правда, ведь глаза у нее были, как две огромные круглые башни.

Но и этой собаки солдат не испугался, а посадил на передник и открыл сундук. Сколько же тут было золота! Солдат, недолго думая, выбросил все серебро и набил свои карманы, ранец, шапку и сапоги золотом так, что и двинуться не мог. Он посадил собаку на сундук и пошел искать огниво. Взял его и закричал:

– Тащи меня, ведьма!

Ведьма вытащила его, и он очутился на дороге.

– Скажи, зачем тебе огниво? – спросил солдат.

– А тебе какое дело?! – ответила ведьма. – Ты же получил деньги! Давай огниво!

– Сейчас же говори, зачем тебе оно, или я отрублю тебе голову! – закричал солдат.

– Не скажу! – закричала и ведьма.

Солдат и отрубил ей голову. Потом завязал золото в передник, сунул огниво в карман и пошел в город.

Солдат остановился в самом дорогом трактире, в самой большой комнате, и потребовал все самые лучшие и вкусные блюда. На следующий день он купил себе новые сапоги и богатую одежду.

В трактире ему рассказали обо всем, что только было в городе, обо всех диковинах, о короле и его прекрасной дочери.

– Она живет в огромном медном замке, за высокими стенами с башнями, – говорили люди. – Королю предсказали, что принцесса выйдет замуж за простого солдата, а он не хочет, чтобы это случилось!

Солдат жил весело и приобрел очень много друзей, а еще он много помогал бедным. Только вот он тратил и тратил деньги, и наступил день, когда у него осталось всего две золотые монеты. Пришлось ему перебираться в бедную квартирку, сапоги пришли в негодность, одежда истрепалась...

Как-то вечером, когда совсем стемнело, а даже свечу зажечь было нельзя, потому что и свечи-то не было, солдат вспомнил об огниве. Только он ударил по кремню, чтобы высечь искру, – видит: сидит перед ним собака из подземелья, с глазами размером с чашки.

– Что пожелаете, хозяин? – спросила собака.

– Вот как! – сказал солдат. – Выходит, с помощью огнива я могу получить что угодно! Принеси мне денег!

Собака в мгновение ока исчезла, а еще через миг вернулась, а в зубах у нее был большой кошелек, полный медных монет!

Солдат ударил по кремню дважды – и перед ним явилась собака с глазами, как мельничные колеса, и принесла ему большой кошелек, набитый серебром! Солдат ударил по кремню три раза – появилась собака, глаза у которой как две круглые башни, и принесла кошелек с золотыми монетами.

Солдат обрадовался такой удаче. Он опять поселился в дорогих комнатах и купил себе новую одежду и сапоги. Теперь он и вовсе горя не знал и ни в чем себе не отказывал.

Как-то ему до смерти захотелось увидеть наконец прелестную принцессу. «Что толку от ее красоты, если даже не поглядеть на нее?» – подумал солдат и ударил один раз по кремню. Вмиг перед ним появилась собака с глазами размером с чашки.

– Хочу видеть принцессу! – сказал ей солдат.

Не успел он и моргнуть, а собака снова явилась перед ним. Принцесса, юная и прелестная, спала у нее на спине, и солдат не смог удержаться от того, чтобы поцеловать ее.

После этого собака отнесла принцессу обратно в башню, и утром та рассказала королю с королевой, какой она видела странный сон: она ехала на собаке, а солдат целовал ее.

На следующую ночь к постели принцессы приставили старую фрейлину, которой поручили разузнать, был ли это и в самом деле сон.

Солдат же опять захотел увидеть принцессу. Ночью собака схватила ее и помчалась вместе с ней к солдату, но старуха не спала и бросилась вдогонку. Она увидела, в какой из домов побежала собака, и куском мела нарисовала на воротах крест, а затем отправилась спать. Но собака, когда понесла принцессу назад, увидела этот крест, разгадала хитрость фрейлины и нарисовала кресты на всех воротах в городе!

Рано поутру король, королева и фрейлина решили посмотреть, куда же ездила принцесса. Но кресты были на всех воротах, и все поняли, что ничего так не добьются.

Но королева была очень умной и хитрой: она сшила маленький мешочек, насыпала в него крупы, привязала его на спину принцессе и проделала в мешочке дырочку, чтобы крупа могла сыпаться на дорогу.

Ночью собака снова понесла принцессу к солдату, но не заметила, что крупа все время сыпалась из мешочка на дорогу и просыпалась даже на окно солдата. Утром король и коро-

лева узнали, куда ездила принцесса. Они сильно разгневались, и солдата посадили в тюрьму, решив на следующий день его повесить.

Утром солдат подошел к маленькому зарешеченному окошку. Все спешили за город, смотреть, как его будут казнить.

– Эй, ты! – крикнул солдат мальчишке-сапожнику. – Сбегай-ка и принеси мое огниво, только живо! Получишь четыре монеты!

Услышав про четыре монеты, мальчишка бегом бросился за огнивом и отдал его солдату.

И вот наступил час казни. Солдату уже собирались накинуть веревку на шею, но он сказал, что ему очень хотелось бы выкурить трубочку перед смертью. А ведь перед тем, как казнить приговоренного, нужно выполнить его последнее желание!

Король согласился, и солдат вытащил огниво. Он ударил по кремню один раз, потом дважды, потом трижды – и перед ним появились все три собаки!

– Помогите мне! – приказал солдат.

Собаки бросились на судей, на короля и королеву. Солдаты испугались, а все люди закричали:

– Солдат, не губи! Будь нашим королем!

Солдата торжественно усадили в королевскую карету и повезли во дворец. Все три собаки бежали рядом. Солдат женился на прекрасной принцессе, и свадебный пир длился целую неделю, а собаки тоже сидели за столом!

Гадкий утенок

Как-то летом, когда уже пожелтела рожь, под лопухом на яйцах сидела утка. Высиживала она яйца уже давно, и ей это порядком надоело.

Наконец яичные скорлупки затрещали и из них появились утята. Они кое-как выкарабкались и начали озиаться по сторонам. Им нравился мир – конечно, ведь здесь было куда лучше, чем в тесной скорлупе!

– Ах, самое большое яйцо целехонько! – сказала утка со вздохом и снова уселась на него.

– Как дела? – спросила ее старая утка, проходившая мимо.

– Еще одно яйцо осталось! – сказала молодая утка. – Но посмотри на других! Просто прелесть! Ужасно похожи на отца!

– Погоди-ка, а вдруг это индюшачье яйцо? – сказала старая утка. – Мне когда-то подкинули чужое. Ну и мороки с индюшатами, скажу я тебе! Они боятся воды, не идут, да и все! Так и есть! Индюшачье! Брось его!

– Да нет, посижу еще! – сказала молодая утка.

– Ну, как хочешь! – сказала старая утка и ушла.

Наконец затрещала скорлупка и из самого большого яйца появился огромный некрасивый птенец.

– Какой он большой! – сказала утка, внимательно оглядывая его. – И совсем не похож на других! Неужели и правда индюшонок?

На другой день была отличная погода, и все утиное семейство отправилось к канаве. В мгновение ока утка оказалась в воде.

– Идите за мной! – позвала она утят, и те тоже бросились в воду, быстро вынырнули и поплыли. Некрасивый утенок не отставал от них.

– Какой же это индюшонок? – сказала утка. – Нет, это мой сын! И не так уж он некрасив, по правде говоря! Быстрее, быстрее, идемте на птичий двор! Держитесь возле меня да смотрите внимательно – поблизости могут быть кошки!

– Поклонитесь старой утке! – приказала утятам мать, когда они добрались до птичьего двора. – Она здесь самая знатная, потому что испанской породы! У нее на лапке красный лоскуток, это знак высшего отличия. Повязывая его, люди дают понять, что не желают потерять ее; по этому лоскутку ее все узнают. Не держите лапки вместе! Воспитанные утята должны держать лапки врозь и выворачивать их наружу! Молодцы! Ну же! Кланяйтесь и крикайте!

Утята так и сделали.

Утки осматривали их и ворчали:

– Ну вот, пришли, как будто нас здесь и так мало! А этот какой гадкий!

Одна утка даже клюнула его в шею.

– Оставьте его в покое! – сказала утка-мать.

– Он такой огромный и некрасивый! – отвечала обидчица. – Он очень странный!

– Все очень милы, кроме одного... – сказала старая утка с красным лоскутком на лапке. – Хорошо бы его переделать!

– Да, – ответила утка-мать, – может быть, он некрасив, но зато у него доброе сердце, и плавает он даже лучше других. Я думаю, что он вырастет, похорошеет или станет со временем поменьше. – И она ласково провела носом по перышкам большого утенка. – Кроме того, он селезень, а для селезня красота не так уж важна.

– Остальные утята милы! – сказала старая утка.

Всех утят полюбили на постоялом дворе. Только бедного гадкого утенка постоянно клевали и толкали. Над ним насмехались все – и утки, и куры.

– Он слишком велик! – говорили все, а индейский петух, который родился со шпорами на ногах и потому считал себя особенным, надулся и, подлетев к утенку, сердито залопотал; а его гребешок налился кровью. Бедный утенок растерялся: он ведь не виноват, что такой безобразный, а стал посмешищем для всего птичьего двора!

Дальше было еще хуже. Все прогоняли утенка, даже родные братья и сестры зло говорили ему:

– Хоть бы уж кошка тебя утащила!

И даже мать добавляла:

– Глаза бы мои тебя не видели!

Утки клевали его, куры щипали, а девушка, которая давала птицам корм, каждый раз толкала ногой.

Однажды утенок не выдержал, перебежал двор и махнул через забор! Птички испуганно вспорхнули из кустов. «Вот какой я безобразный, даже птички испугались меня!» – горько подумал утенок и пустился наутек. Он бежал до самого болота и здесь просидел всю ночь, усталый и одинокий.

В этом болоте жили дикие утки. Утром они все вылетели из гнезд и увидели утенка.

– Ты кто? – спросили они.

Утенок раскланивался на все стороны.

– Ты ужасно безобразный! – сказали дикие утки. – Даже не думай породниться с нами!

Где уж было бедному утенку и думать об этом! Он мечтал об одном: чтобы ему позволили спокойно посидеть в камышах и попить болотной воды.

Два дня он жил на болоте, а на третий день появились два очень гордых диких гуся, только недавно вылупившихся из яиц.

– Послушай! – сказали они. – Ты очень, очень безобразен! Хочешь летать с нами и быть вольной птицей? Недалеко, в другом болоте, живут милые дикие гусыни. Право, они очень милы! Ты так уродлив, что, пожалуй, будешь иметь у них большой успех!

Вдруг над болотом раздался странный звук, и оба гусака упали в камыши, а вода окрасилась их кровью. Звук повторился, потом снова и снова. Охотники окружили болото, вокруг бегали охотничьи собаки, все застилал голубой дым. Утенок был ни жив ни мертв от страха. Только он хотел спрятать голову под крыло, как перед ним оказалась охотничья собака, язык ее был высунут, а злые глаза сверкали. Она пристально посмотрела на утенка, оскалила острые зубы и побежала дальше.

– Слава богу! – перевел дух утенок. – Значит, я так безобразен, что даже собака не хочет укусить меня!

И он притаился в камышах и сидел тихо-тихо до вечера.

Пальба угасла только к ночи, но прошло еще много времени, прежде чем утенок осмелился встать, огляделся и пустился бежать по полям и лугам. Дул такой сильный ветер, что утенок еле-еле держался на лапках. К ночи он добежал до избушки, которая так обветшала, что держалась только чудом, а ей давно пора было упасть. Ветер все крепчал, сбивал утенка с ног – приходилось упираться в землю хвостом!

Что было делать? К счастью, утенок заметил, что дверь избушки висит совсем криво и через щель можно попасть внутрь. Так он и сделал.

В избушке жила старушка с котом, который умел выгибать спинку и мурлыкать, и с курицей, которая хорошо несла яйца, – старушка очень ее любила.

Утром утенка заметили: кот начал мурлыкать, а курица кудахтать.

– Что случилось? – спросила старушка, осмотрелась и заметила утенка, но приняла его за взрослую утку.

– Вот это находка! – сказала старушка. – Теперь у меня будут утиные яйца! Или это селезень? Ну, посмотрим!

Прошло недели три, но яиц не было. А кот и курица считали себя половиной всего света, причем лучшей половиной. Утенок был с этим не вполне согласен. Конечно же, курице и коту это не понравилось.

– Умеешь ли ты нести яйца? – спросила курица утенка.

– Нет, не умею...

– Вот и держи язык за зубами!

– Умеешь ли ты выгибать спинку и мурлыкать? – спросил кот.

– Нет...

– Вот и помалкивай, когда слышишь умные речи!

И утенок молча сидел в своем уголке. Вдруг он вспомнил свежий воздух и теплое солнышко, и ему очень захотелось поплавать. Он сказал об этом курице.

– Да что это с тобой?! – спросила она. – Видно, от безделья в голову лезут одни глупости! Нес бы лучше яйца или мурлыкал!

– Но ведь плавать так приятно! – сказал утенок. – А что за удовольствие нырять глубоко-глубоко!

– Да ты сошел с ума! – сказала курица. – Кому может нравиться плавать и нырять?! Ни коту, ни мне это не по душе! Да и наша хозяйка этого не любит, а уж она умнее всех на свете!

– Вы меня совсем не понимаете! – сказал утенок.

– Да кто же тебя может понять? Ты ведь хочешь быть самым умным! Ты совсем не ценишь, что попал в избранное общество, что тебе дали приют и пищу и хотят научить хоть чему-то полезному! Поверь, я ругаю тебя только потому, что желаю тебе добра, а значит, я и есть твой настоящий друг!

– Я думаю, мне лучше уйти отсюда! – сказал утенок.

– Ну и скатертью дорога! – ответила курица.

И утенок ушел. Теперь он мог сколько угодно плавать и нырять, но все звери и птицы по-прежнему издевались и насмехались над ним.

Наконец наступила осень; листья и трава пожелтели; дул сильный ветер, шел снег, сыпался град, и стало очень холодно. Бедному утенку приходилось тяжело.

Однажды вечером, когда солнце уже садилось, из кустов взлетели чудесные большие птицы. Утенок еще никогда в жизни не видел таких красивых птиц: они были белые как снег, и у них были такие длинные гибкие шеи! Это были лебеди. Они издали какой-то странный крик, взмахнули прекрасными крыльями и улетели в теплые края, далеко за синее море. Они уже поднялись высоко, а бедный утенок завертелся в воде, как юла, вытянул шею и вдруг тоже испустил такой громкий крик, что и сам испугался. Эти птицы не выходили у него из головы, и, когда они совсем скрылись из виду, он нырнул на самое дно, вынырнул и был словно вне себя, его охватило незнакомое чувство. Утенок не знал, ни как называются эти птицы, ни куда они летят, но с первого мгновения он полюбил их так, как никого до сих пор не любил. Он не завидовал их красоте, ведь ему даже в голову не могло прийти, что он мог бы быть хоть чуть-чуть похожим на них...

Пришла холодная зима. Утенок плавал без отдыха, чтобы вода не замерзла совсем, но каждую ночь свободное ото льда пространство все уменьшалось и уменьшалось. Морозы были такие, что ледяная кора трещала. Утенок без усталости работал лапками, но все-таки обессилел, остановился и обмерз.

Рано утром мимо проходил крестьянин, увидел утенка, разбил лед своим деревянным башмаком и принес птицу домой, к жене. Утенка отогрели.

Но дети захотели поиграть с ним, а он подумал, что они хотят обидеть его, и шараясь от страха прямо в подойник с молоком – все молоко расплескалось. Жена крестьянина вскрикнула и всплеснула руками; утенок тем временем влетел в бочонок с маслом, а оттуда –

в мешок с мукой. Боже, на кого он был похож! Хозяйка кричала и бегала за ним с угольными щипцами, дети сшибали друг друга с ног, хохотали и визжали. Но дверь была открыта, и утенок выбежал, бросился в кусты, прямо в глубокий снег, и очень долго лежал там неподвижно, почти без чувств.

Много выпало печальных приключений на долю утенка в эту суровую зиму. Когда солнышко снова пригрело землю, он лежал в болоте, в камышах. Запели жаворонки, и пришла весна.

Утенок взмахнул крыльями и полетел; теперь его крылья были гораздо крепче. Не успел он опомниться, как очутился в большом саду. Яблони цвели; душистая сирень склонялась ветвями над рекой.

Как же тут было хорошо, как пахло весной! И вдруг из камышей выплыли три прекрасные птицы. Они плыли легко и плавно, точно скользили по воде. Утенок узнал их, и его снова охватила уже знакомая странная грусть.

«Полечу-ка я к этим чудесным птицам! Они, наверное, убьют меня за то, что я, такой безобразный, осмелился приблизиться к ним! Но лучше быть убитым ими, чем терпеть насмешки и щипки уток и кур, сносить зимний холод и голод!» – подумал утенок.

Тотчас он слетел на воду и поплыл навстречу красавцам лебедям, которые, увидев его, устремились навстречу.

– Убейте меня! – сказал им утенок и опустил голову, готовясь к смерти.

Но в чистой, прозрачной как зеркало воде он вдруг увидел свое отражение... А лебеди окружили его, ласкали, гладили клювами, и никто из них не собирался его убивать...

Он уже не был огромным безобразным птенцом! Его крылья стали мощными, шея – длинной и гибкой, перья – белыми и блестящими. Он стал лебедем!

Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца! Теперь он был рад, что перенес столько горя – ведь он мог лучше оценить свое счастье...

В сад прибежали маленькие дети; они стали бросать лебедям хлебные крошки, а самый младший закричал:

– Новый, новый!

И все остальные подхватили:

– Новый, новый!

Дети хлопали в ладоши и танцевали от радости, а потом побежали за отцом и матерью и опять стали бросать в воду крошки хлеба и пирожных. И все говорили, что новый лебедь красивее всех.

Старые лебеди склонили перед ним головы. А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он был слишком счастлив, но ничуть не загордился – ведь доброе сердце не ведает гордости, а он помнил время, когда все его презирали и гнали. Теперь же все решили, что он прекраснейший из прекрасных птиц! В воду склонялись душистые ветви сирени, солнышко светило особенно ярко... И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

– Мог ли я мечтать о таком счастье, когда был еще гадким утенком!

Русалочка

В море вода синяя-синяя, прозрачная и очень глубокая. На морском дне белый песок. Там растут невиданные деревья и цветы. А между ветвями снуют рыбы, совсем как птицы в воздухе... В самом глубоком месте стоит дворец морского царя – стены его из кораллов, высокие стрельчатые окна из самого чистого янтаря, а крыша сплошь раковины; они то открываются, то закрываются, смотря по тому, прилив или отлив, и это очень красиво, ведь в каждой лежат сияющие жемчужины...

Морской царь давным-давно овдовел, и хозяйством у него заправляла старуха мать: на хвосте она носила целых двенадцать устриц, тогда как прочим вельможам полагалось только шесть. Она души не чаяла в своих внучках-принцессах. Их было шестеро, все прехорошенькие, но милее всех самая младшая. Только у них вместо ног был хвост, как у рыб.

Возле дворца был большой сад; там росло много огненно-красных и темно-голубых деревьев. Земля была усыпана мелким голубоватым песком. В безветрие можно было видеть солнце; оно казалось пурпурным цветком, из чашечки которого лился свет.

У каждой принцессы было в саду свое местечко; тут они могли копать и сажать что хотели. Одна сделала себе цветочную грядку в виде кита, другой захотелось, чтобы ее грядка была похожа на русалочку, а самая младшая сделала себе грядку круглую, как солнце, и засадила ее ярко-красными цветами. Странное дитя была эта русалочка; такая тихая, задумчивая... Другие сестры украшали свои садики разными разностями, которые доставались им с затонувших кораблей, а она любила только свои яркие, как солнце, цветы да прекрасного белого мраморного мальчика, упавшего на дно моря с какого-то погибшего корабля. Русалочка посадила у статуи красную плакучую иву, которая чудесно разрослась; ветви ее навешивались через статую и клонились к голубому песку...

Больше всего любила русалочка слушать рассказы о людях, живущих наверху на земле. Особенно занимало и удивляло русалочку то, что цветы на земле пахли – не то что тут в море! – что леса там были зеленые, а рыбки, которые жили в ветвях, звонко пели. Бабушка называла рыбками птичек, иначе внуки не поняли бы ее; ведь они никогда не видели птиц.

– Когда вам исполнится пятнадцать лет, – говорила бабушка, – вам тоже можно будет всплывать на поверхность моря, сидеть при свете месяца на скалах и смотреть на плывущие мимо огромные корабли, на леса и города!

В этот год старшей принцессе как раз должно было исполниться пятнадцать лет, но другим сестрам – а они все были погодки – приходилось еще ждать, и дольше всех – самой младшей. Но каждая обещала рассказать остальным сестрам о том, что ей больше всего понравится в первый день.

Никого не тянуло на поверхность моря так, как самую младшую, тихую, задумчивую русалочку, которой приходилось ждать дольше всех.

Сколько ночей провела она у открытого окна, вглядываясь в синеву моря, где шевелили своими плавниками и хвостами целые стаи рыбок! Она могла разглядеть сквозь воду месяц и звезды. Случалось, что над ней проплывал кит или проходил корабль с сотнями людей; они и не думали о хорошенькой русалочке, что стояла там, в глубине моря...

Но вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей позволили всплыть на поверхность моря. Вот было рассказов, когда она вернулась назад! Лучше всего, по ее словам, было лежать в тихую погоду на песчаной отмели и нежиться при свете месяца, любясь раскинувшимся по берегу городом; там, точно сотни звездочек, горели огни, слышалась музыка, шум и грохот экипажей, виднелись башни со шпилями, звонили колокола...

Через год и вторая сестра получила позволение подниматься на поверхность моря. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось. Небо сияло, как рас-

плавленное золото, рассказывала она, а пурпурные и фиолетовые облака быстро неслись по небу, но еще быстрее их несла к солнцу, точно длинная белая вуаль, стая лебедей; русалочка тоже поплыла к солнцу, но оно опустилось в море, и по небу и воде разлилась розовая вечерняя заря.

Еще через год всплыла на поверхность моря третья принцесса; эта была смелее всех и проплыла в широкую реку, которая впадала в море. Тут она увидела зеленые холмы, покрытые виноградниками, дворцы и дома, окруженные чудесными рощами, где пели птицы; солнце светило и грело... В маленькой бухте она увидела целую толпу голеньких человечков, которые плескались в воде; она хотела было поиграть с ними, но они испугались ее и убежали, а вместо них появился какой-то черный зверек и так страшно принялся на нее тявкать, что русалка перепугалась и уплыла назад в море; это была собака, но русалка ведь никогда еще не видела собак.

Четвертая сестра держалась больше в открытом море и рассказывала, что это было лучше всего; куда ни оглянешь, на много-много миль вокруг одна вода да небо; вдали, как морские чайки, виднелись большие корабли, играли и кувыркались веселые дельфины, и огромные киты пускали из ноздрей сотни фонтанов.

Потом пришла очередь предпоследней сестры; день ее рождения был зимой, и поэтому она увидела то, чего не видели другие: море было зеленоватого цвета, повсюду плавали большие ледяные горы! Она уселась на самую большую, ветер развеивал ее длинные волосы, а моряки испуганно обходили гору подальше. К вечеру небо покрылось тучами, засверкала молния, загредел гром, и темное море стало бросать ледяные глыбы из стороны в сторону, а они так и сверкали при блеске молнии. На кораблях убрали паруса, люди метались в страхе и ужасе, а она спокойно плыла себе на ледяной горе и смотрела, как огненные зигзаги молний, прорезав небо, падали в море.

Часто по вечерам все пять сестер, взявшись за руки, подымались на поверхность воды. Младшая же русалочка оставалась одна-одинешенька и смотрела им вслед, готовая заплакать, но русалки не могут плакать, и от этого ей было еще тяжелей.

— Ах, когда же мне будет пятнадцать лет? — говорила она. — Я знаю, что очень люблю и тот мир и людей, которые там живут!

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет.

Бабушка надела русалочке на голову венец из белых жемчужных лилий — каждый лепесток был половинкой жемчужины, — потом, для обозначения высокого сана принцессы, приказала прицепиться к ее хвосту восьмерым устрицам.

— Прощайте! — сказала русалочка и легко и плавно поднялась на поверхность.

Солнце только что село, но облака еще сияли пурпуром и золотом, тогда как в красноватом небе уже зажглась ясная вечерняя звезда; воздух был мягок и свеж, а море неподвижно, как зеркало. Неподалеку от того места, где вынырнула русалочка, стоял трехмачтовый корабль всего лишь с одним поднятым парусом, — не было ведь ни малейшего ветерка; на вантах и реях сидели матросы, с палубы неслись звуки музыки и песен; когда же совсем стемнело, корабль осветился сотнями разноцветных фонариков. Русалочка подплыла к самым окнам каюты, и, когда волны слегка приподнимали ее, она могла туда заглянуть. Внутри было множество разодетых людей, но лучше всех был молодой принц с большими черными глазами.

Русалочка не могла отвести взгляд от корабля и от красавца принца. Она качалась на волнах рядом с кораблем и все заглядывала в каюту, а корабль несясь все быстрее и быстрее, паруса развертывались один за другим, ветер крепчал, заходили волны, облака сгустились и засверкали молнии. Начиналась буря! Матросы принялись убирать паруса; огромный корабль страшно качало, а ветер так и мчал его по бушующим волнам; вокруг корабля вставали высокие водяные горы... Русалочку буря только забавляла, а морякам приходи-

лось плохо. Корабль трещал, толстые бревна разлетались в щепки, волны перекашивались через палубу; грот-мачта переломилась, как тростинка, корабль перевернулся набок, и вода хлынула в трюм. На минуту сделалось так темно, что хоть глаз выколи; но вот опять блеснула молния, и русалочка вновь увидела всех бывших на корабле людей; каждый спасался, как умел. Русалочка отыскиала глазами принца и увидела, как он погрузился в воду, когда корабль разбился на части. Нет, нет, он не должен умирать! И русалочка поплыла между бревнами и досками, совсем забыв, что они всякую минуту могут раздавить и ее. Она подняла над водой голову принца и предоставила волнам нести их обоих куда угодно.

К утру непогода стихла; от корабля не осталось и щепки; солнце опять засияло над водой. Русалочка откинула со лба принца волосы и поцеловала его в высокий, красивый лоб.

Наконец она увидела твердую землю и высокие, уходящие в небо горы, на вершинах которых белели снега. У самого берега зеленела чудная роща, а повыше стояло какое-то здание вроде церкви или монастыря.

Море врезалось в белый песчаный берег небольшим заливом, где вода была очень тиха, но глубока; сюда-то, к утесу, и приплыла русалочка и положила принца, позаботившись о том, чтобы голова лежала повыше.

В это время в высоком белом здании зазвонили в колокола, и в сад высыпали молодые девушки. Русалочка отплыла подальше и стала ждать: не придет ли кто на помощь бедному принцу.

Ждать пришлось недолго: к принцу подошла одна из девушек и сначала очень испугалась, но скоро собралась с духом и позвала на помощь людей. Затем русалочка увидела, что принц ожил и улыбнулся всем, кто был возле него. А ей он не улыбнулся, он даже не знал, что она спасла ему жизнь! Грустно стало русалочке, и, когда принца увели в большое белое здание, она печально нырнула в воду и уплыла домой. Теперь она стала еще тише, еще задумчивее. Сестры спрашивали ее, что она видела на поверхности моря, но она не рассказала им ничего.

Часто и вечером, и утром приплывала она к тому месту, где оставила принца, но так его и не видела и возвращалась домой с каждым разом все печальнее и печальнее. Наконец она не выдержала и рассказала обо всем одной из своих сестер; за ней узнали и все остальные сестры.

– Поплыли с нами, сестрица! – сказали русалочке сестры и рука об руку поднялись все вместе на поверхность моря близ того места, где стоял дворец принца.

Дворец был из светло-желтого блестящего камня, с большими мраморными лестницами; одна из них спускалась прямо в море. Великолепные вызолоченные купола высились над крышей, а в нишах, между колоннами, окружавшими все здание, стояли мраморные статуи, совсем как живые.

Теперь русалочка знала, где живет принц, и стала приплывать ко дворцу почти каждый вечер или каждую ночь. Ни одна из сестер не осмеливалась подплывать к земле так близко, как она; она же заплывала и в узкий канал, который протекал как раз под великолепным мраморным балконом, бросавшим на воду длинную тень. Тут она останавливалась и подолгу смотрела на молодого принца.

Все больше и больше начинала русалочка любить людей, все сильнее и сильнее тянуло ее к ним; их земной мир казался ей куда больше, нежели ее подводный; они ведь могли переплывать на своих кораблях море, взбираться на высокие горы к самым облакам, а бывшие в их владениях пространства земли с лесами и полями тянулись далеко-далеко! Русалочке очень хотелось побольше узнать о людях и об их жизни, и она обращалась к бабушке.

– Если люди не тонут, – спрашивала русалочка, – тогда они живут вечно, не умирают, как мы?

– Как же! – отвечала старуха. – Они тоже умирают, их век даже короче нашего. Мы живем триста лет, зато, когда нам приходит конец, от нас остается одна пена морская. Нам не дано бессмертной души! У людей, напротив, есть бессмертная душа, которая живет вечно!

– А почему у нас нет бессмертной души? – грустно спросила русалочка. – Я бы отдала все свои триста лет за один день человеческой жизни.

– Вздор! Нечего и думать об этом! – сказала старуха. – Нам тут живется куда лучше, чем людям на земле!

– Значит, и я умру, стану морской пеной, не буду больше слышать музыки волн, не увижу чудесных цветов и красного солнышка! Неужели же я никак не могу обрести бессмертную душу?

– Можешь, – сказала бабушка, – пусть только кто-нибудь из людей полюбит тебя всем сердцем и велит священнику соединить ваши руки в знак вечной верности друг другу; тогда частица его души сообщится тебе. Но этому не бывать никогда! Ведь то, что у нас считается красивым, твой рыбий хвост, люди находят безобразным; они нисколько не смыслят в красоте...

Глубоко вздохнула русалочка и печально посмотрела на свой рыбий хвост.

«Вот он опять катается на лодке! – думала русалочка, слушая звуки валторн, доносившиеся с поверхности моря. – Как я люблю его! Я принадлежу ему всем сердцем! На все бы я пошла ради него и ради бессмертной души! Я поплыву к морской ведьме; может быть, она что-нибудь посоветует или как-нибудь поможет мне!»

И русалочка поплыла из своего садика к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Тут не было ни цветов, ни даже травы – один только голый серый песок. Русалочке пришлось плыть между бурлящими водоворотами; затем на пути к жилищу ведьмы лежало еще большее пространство, покрытое горячим, пузырившимся илом, это место ведьма называла своим торфяным болотом. За ним уже показалось и само жилище ведьмы, окруженное диковинным лесом: деревья и кусты были полипами – полуживотными-полурастениями, похожими на стоголовых змей, росших прямо из песка; полипы ни на минуту не переставали шевелить всеми своими суставами, от корня до самой верхушки, они хватали гибкими пальцами все, что только им попадалось, и уже никогда не выпускали обратно.

Но вот русалочка очутилась на скользкой поляне, где кувыркались большие, жирные водяные ужи. Посреди поляны был выстроен дом из белых человеческих костей; тут же сидела и сама морская ведьма и кормила жабу.

– Знаю, знаю, зачем ты пришла! – сказала морская ведьма. – Ты хочешь получить вместо своего рыбьего хвоста две подпорки, чтобы ходить, как люди; хочешь, чтобы молодой принц полюбил тебя, а ты получила бы свою бессмертную душу!

И ведьма захохотала.

– Ну ладно, ты пришла в самое время! – продолжала ведьма. – Приди ты завтра поутру, было бы поздно и я не могла бы помочь тебе раньше будущего года. Я изготовлю для тебя питье, ты возьмешь его, поплывешь с ним на берег еще до восхода солнца, сядешь там и выпьешь все до капли; тогда твой хвост раздвоится и превратится в пару чудных, как скажут люди, ножек. Но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят насквозь острым мечом. Зато все, кто увидит тебя, скажут, что такой прелестной девушки они еще не встречали! Ты сохранишь свою плавную скользкую походку – ни одна танцовщица не сравнится с тобой; но помни, что каждый шаг будет причинять тебе нестерпимую боль, так как изранишь свои ножки в кровь. Согласна ли ты?

– Да! – сказала русалочка.

– Помни, – сказала ведьма, – что, если ты примешь человеческий образ, тебе уже не сделаться вновь русалкой! Не видать тебе больше ни морского дна, ни отцовского дома, ни сестер! А если принц не полюбит тебя, ты не получишь бессмертной души. С первой же зарей после его женитьбы на другой твое сердце разорвется на части и ты станешь пеной морской!

– Пусть! – сказала русалочка и побледнела как смерть.

– Ты должна заплатить мне за помощь, – сказала ведьма. – А я недешево возьму! У тебя чудный голос, и им ты думаешь обворожить принца, но ты должна отдать свой голос мне. Я возьму за свой драгоценный напиток самое лучшее, что есть у тебя: я ведь должна примешать к напитку свою собственную кровь, для того чтобы он стал острым, как лезвие меча.

– Что же останется у меня? – спросила русалочка.

– Твое прелестное личико, твоя скользкая походка и твои глаза – довольно, чтобы покорить человеческое сердце! Ну полно, не бойся; высунешь язычок, и я отрежу его в уплату за волшебный напиток!

– Хорошо! – сказала русалочка, и ведьма поставила на огонь котел, чтобы сварить питье.

Ведьма обтерла котел связкой живых ужей, а потом расцарапала себе грудь; в котел закапала черная кровь, от которой стали подниматься клубы пара. Ведьма добавляла в котел новых и новых снадобий. Наконец напиток был готов и имел вид прозрачайшей ключевой воды!

– Вот! – сказала ведьма, отдавая русалочке напиток; потом отрезала ей язычок, и русалочка стала немая – не могла больше ни петь, ни говорить!

Русалочка не посмела войти в отцовский дворец – она была немая и собиралась покинуть отцовский дом навсегда. Сердце ее было готово разорваться от тоски и печали. Она проскользнула в сад, взяла по цветку с грядки каждой сестры, послала родным тысячу воздушных поцелуев и поднялась на темно-голубую поверхность моря.

Солнце еще не вставало, когда она увидела перед собой дворец принца и присела на великолепную мраморную лестницу. Месяц озарял ее своим чудесным голубым сиянием. Русалочка выпила сверкающий острый напиток, и ей показалось, будто ее пронзили мечом, она потеряла сознание. Когда она очнулась, над морем уже сияло солнце; во всем теле она чувствовала жгучую боль, зато перед ней стоял красавец принц и смотрел на нее черными, как ночь, глазами; она увидела, что вместо рыбьего хвоста у нее две чудесные ножки. Принц спросил, кто она такая и как сюда попала, но она только кротко и грустно смотрела на него темно-голубыми глазами; говорить ведь она не могла. Тогда он взял ее за руку и повел во дворец. С каждым шагом русалочка как будто ступала на острые ножи и иголки; но она терпеливо переносила боль и шла об руку с принцем легкая, воздушная, как водяной пузырек; принц и все окружающие только дивились ее чудной, скользкой походке.

Русалочка стала первой красавицей при дворе, но оставалась по-прежнему немой, не могла ни петь, ни говорить. Красивые рабыни, все в шелку и золоте, появились перед принцем и его царственными родителями и стали петь. Одна из них пела особенно хорошо, и принц хлопал в ладоши и улыбался ей; русалочке стало очень грустно: когда-то и она могла петь, и несравненно лучше! «Ах, если бы он знал, что я навсегда рассталась со своим голосом, чтобы только быть возле него!» Потом рабыни стали танцевать под звуки чудеснейшей музыки; тут и русалочка подняла свои хорошенькие ручки, стала на цыпочки и понеслась в легком, воздушном танце; так не танцевал еще никто! Каждое движение лишь увеличивало ее красоту, одни глаза говорили сердцу больше, чем пение всех рабынь.

День ото дня принц привязывался к русалочке все сильнее и сильнее, но он любил ее только как милое, доброе дитя, сделать же ее своей женой и королевой ему и в голову не приходило.

«Любишь ли ты меня больше всех на свете?» – казалось, спрашивали ее глаза, в то время как принц обнимал ее и целовал в лоб.

– Да, я люблю тебя! – говорил принц. – У тебя доброе сердце, ты предана мне больше всех и похожа на молодую девушку, которую я видел однажды и, верно, больше уж не увижу! Я плыл на корабле, корабль разбился, волны выбросили меня на берег вблизи чудного храма, где служат Богу молодые девушки; самая младшая из них нашла меня на берегу и спасла мне жизнь; я видел ее всего два раза, но ее одну в целом мире мог бы я полюбить! Ты похожа на нее и почти вытеснила из моего сердца ее образ. Она принадлежит святому храму, и вот моя счастливая звезда послала мне тебя, никогда я не расстанусь с тобой!

«Увы! Он не знает, что это я спасла ему жизнь!» – думала русалочка.

Но вот стали поговаривать, что принц женится на прелестной дочери соседнего короля и потому снаряжает свой великолепный корабль в плавание. Принц поедет к соседнему королю как будто для того, чтобы ознакомиться с его страной, а на самом деле, чтобы увидеть принцессу; с ним отправится большое посольство. Русалочка на эти речи только покачивала головой и смеялась – она ведь лучше всех знала мысли принца.

– Я должен ехать! – говорил он ей. – Мне надо увидеть прекрасную принцессу; этого требуют мои родители, но они не станут принуждать меня жениться на ней, я же никогда не люблю ее!

И вот корабль вошел в гавань великолепной столицы соседнего королевства. Начались празднества, балы следовали за балами, но принцессы не было, – она воспитывалась где-то далеко в монастыре, куда ее отдали учиться всем королевским добродетелям. Наконец прибыла и она. Русалочка жадно смотрела на нее и не могла не признать, что лица милее и прекраснее она еще не видала. Кожа на лице принцессы была такая нежная, прозрачная, а из-за длинных темных ресниц улыбались темно-синие кроткие глаза.

– Это ты! – сказал принц. – Ты спасла мне жизнь, когда я лежал на берегу моря!

И он крепко прижал к сердцу свою невесту.

– Ах, как я счастлив! – сказал он русалочке. – То, о чем я не смел и мечтать, сбылось! Ты порадуешься моему счастью, ты ведь так любишь меня!

Русалочке показалось, что сердце ее вот-вот разорвется от боли...

Колокола в церкви звонили, по улицам разъезжали герольды, оповещая народ о помолвке принцессы. Жених и невеста подали друг другу руки и получили благословение епископа.

В тот же вечер жених с невестой должны были отплыть на родину принца; на палубе корабля был раскинут шатер из золота и пурпура; в шатре возвышалось чудное ложе для новобрачных. Корабль легко и плавно скользнул по волнам и понесся вперед.

Как только смерклось, на корабле зажглись сотни разноцветных фонариков, а матросы стали весело плясать на палубе. Русалочка вспомнила, как она впервые всплыла на поверхность моря и увидела то же великолепие и веселье на корабле. И вот она понеслась в быстром воздушном танце, точно ласточка, преследуемая коршуном. Никогда еще она не танцевала так чудесно! Ее нежные ножки резало, как ножами, но она не чувствовала боли – сердцу ее было еще больнее. Принц же целовал красавицу невесту, а она играла его черными волосами; наконец рука об руку удалились они в свой великолепный шатер.

На корабле все стихло, один рулевой остался у руля. Русалочка оперлась белыми руками о борт и, обернувшись лицом к востоку, стала ждать первого луча солнца, который,

как она знала, должен был убить ее. И вдруг она увидела, как из моря поднялись ее сестры; их длинные роскошные волосы не развевались больше по ветру – они были обрезаны.

– Мы отдали наши волосы ведьме, чтобы она помогла нам избавить тебя от смерти! Она дала нам вот этот нож – видишь, какой он острый? Прежде чем взойдет солнце, ты должна вонзить его в сердце принца, и когда кровь его брызнет тебе на ноги, они опять срастутся в рыбий хвост и ты опять станешь русалкой, спустишься к нам в море и проживешь свои триста лет, прежде чем сделаешься соленой морской пеной. Но спеши! Или он, или ты – один из вас должен умереть до восхода солнца!

С этими словами они глубоко вздохнули и погрузились в море.

Русалочка приподняла пурпурную занавесь шатра и увидела, что головка прелестной невесты покоится на груди принца. Русалочка наклонилась и поцеловала его в прекрасный лоб, посмотрела на небо, где разгоралась утренняя заря, потом посмотрела на острый нож и опять устремила взор на принца, который во сне произнес имя своей невесты – она одна была в его мыслях! – и нож дрогнул в руках русалочки. Еще минута – она бросила его в волны, которые покраснели, точно окрасились кровью, в том месте, где он упал. Еще раз посмотрела она на принца, бросилась с корабля в море и почувствовала, как ее тело расплывается пеной. Над морем поднялось солнце; русалочка не чувствовала смерти: она видела ясное солнышко и каких-то прозрачных чудных созданий, сотнями реявших над ней. Голоса их звучали как музыка. У них не было крыльев, и они носились по воздуху только благодаря своей собственной легкости. Русалочка увидела, что и у нее такое же тело, как у них, и что она все больше и больше отделяется от морской пены.

– К кому я иду? – спросила она, поднимаясь на воздух, и ее голос звучал такой же дивною неземною музыкой, какой не в силах передать никакие земные звуки.

– К дочерям воздуха! – ответили ей воздушные создания. – У русалки нет бессмертной души, и обрести ее она не может иначе, как благодаря любви человека. У дочерей воздуха тоже нет бессмертной души, но они сами могут приобрести ее себе добрыми делами. Мы прилетели в жаркие страны, где люди гибнут от знойного, зачумленного воздуха, и навеем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и приносим с собой людям исцеление и отраду. По прошествии же трехсот лет, во время которых мы творим посильное добро, мы получаем в награду бессмертную душу. Ты, бедная русалочка, всем сердцем стремилась к тому же, что и мы, ты любила и страдала, подымись же вместе с нами в заоблачный мир. Теперь ты сама сможешь обрести себе бессмертную душу.

И русалочка потянула свои прозрачные руки к солнцу и в первый раз почувствовала у себя на глазах слезы.

На корабле за это время все опять пришло в движение, и русалочка увидела, как принц с невестой искали ее. Печально смотрели они на волнующуюся морскую пену, точно знали, что русалочка бросилась в волны. Невидимо поцеловала русалочка красавицу невесту в лоб, улыбнулась принцу и поднялась вместе с другими детьми воздуха к розовым облакам, плавающим в небе.

Оле-Лукойе

Никто не знает столько историй, сколько Оле-Лукойе.

Вечером Оле-Лукойе в одних чулках поднимается по лестнице, потом неслышно заходит в комнату и слегка брызгает детям в глаза сладким молоком. Веки у детей начинают слипаться, а он подкрадывается сзади и начинает легонько дуть им в затылок. Это совсем не больно – Оле-Лукойе хочет только уложить детей в постель! А потом он начинает рассказывать истории.

На Оле-Лукойе шелковый кафтан, который отливает то голубым, то зеленым, то красным; под мышками у него зонтики: один с картинками – его он раскрывает над хорошими детьми, и тогда им снятся волшебные сказки, другой совсем простой – его он раскрывает над нехорошими детьми, и они ничего не видят во сне!

Понедельник

– Теперь украсим комнату! – сказал Оле-Лукойе, уложив Яльмара в постель.

Все комнатные цветы превратились в большие деревья, а комната – в беседку. Ветви деревьев были усеяны цветами, а плоды блестели, как золотые.

Вдруг в ящике стола раздались ужасные стоны.

– Что такое? – сказал Оле-Лукойе и выдвинул ящик.

Оказывается, сердилась аспидная доска: в решение написанной на ней задачи вкралась ошибка, и все вычисления готовы были рассыпаться; грифель очень хотел помочь, но не мог. Стонала и тетрадь Яльмара! На каждой странице стояли большие буквы, а с ними рядом маленькие, это была пропись; сбоку же были другие буквы, воображавшие, что держатся так же твердо. Их писал Яльмар, и они, казалось, спотыкались об линейки, на которых должны были стоять.

– Вот как надо держаться! – говорила пропись. – Вот так, с легким наклоном вправо!

– Ах, мы не можем, – отвечали буквы Яльмара.

– Так вас надо немного подтянуть! – сказал Оле-Лукойе.

– Ой, нет! – закричали буквы и выпрямились так, что приятно было смотреть.

– Теперь нам не до историй! – сказал Оле-Лукойе. – Будем учиться писать!

И он дописал все буквы Яльмара так, что они стояли уже ровно и бодро, как и пропись. Но утром, когда Яльмар проснулся, они выглядели такими же жалкими, как прежде.

Вторник

Оле-Лукойе дотронулся своей волшебной брызгалкой до мебели, и все вещи сейчас же начали болтать. Оле-Лукойе дотронулся до картины, и нарисованные на ней птицы запели, ветви деревьев зашевелились, а облака понеслись по небу.

Оле приподнял Яльмара к раме, и мальчик стал прямо в высокую траву на картине. Он побежал к воде и уселся в лодку. Она была выкрашена в красное с белым, паруса блестели, и лебеди с золотыми коронами повлекли ее вдоль зеленых лесов. Рыбы с серебряной и золотой чешуей плыли за лодкой, птицы летели за Яльмаром, комары танцевали, майские жуки гудели.

По берегам реки высились хрустальные и мраморные дворцы; на балконах их стояли принцессы – знакомые Яльмару девочки, с которыми он часто играл.

Каждая держала в правой руке обсахаренного пряничного поросенка. Яльмар, проплывая мимо, хватался за один конец пряника, принцесса крепко держалась за другой, и пряник разламывался пополам, каждый получал свою долю. На часах стояли маленькие принцы. Они отдавали Яльмару честь золотыми саблями и осыпали его изюмом и оловянными солдатами!

Проплыл он и через город, где жила его старая няня. Она кланялась и посылала ему воздушные поцелуи.

Цветы танцевали, а ивы кивали...

Среда

Ну и дождь лил! Когда Оле-Лукойе открыл окно, оказалось, что вода стоит вровень с подоконником, а к самому дому причалил корабль.

– Хочешь прогуляться, Яльмар? – спросил Оле. – Побываешь ночью в чужих землях, а к утру – опять дома!

И вот Яльмар очутился на корабле. Погода сейчас же прояснилась. Они уплыли так далеко, что земля совсем скрылась из глаз. Аисты летели в чужие теплые края длинной вереницей, один за другим. Они были в пути уже много-много дней, и один из них так устал, что крылья отказывались ему служить. Он летел позади всех, потом отстал и начал опускаться все ниже и ниже... Скоро он задел за мачту корабля, скользнул по снастям и упал прямо на палубу.

Юнга посадил его в птичник к курам, уткам и индейкам. Бедняга аист уныло озирался кругом.

Индейский петух надулся, утки пятились...

Аист рассказал им про жаркую Африку, про пирамиды и страусов, которые носятся по пустыне с быстротой диких лошадей, но утки ничего не поняли:

– Ну не дурак ли?

Аист замолчал и стал думать об Африке.

Но Яльмар открыл дверцу, поманил аиста, и тот выпрыгнул к нему на палубу – он уже успел отдохнуть. Аист как будто поклонился Яльмару в знак благодарности, взмахнул широкими крыльями и полетел в теплые края. Куры закудахтали, утки закричали, а индейский петух так надулся, что гребешок у него весь налился кровью.

– Завтра из вас сварят суп! – сказал Яльмар и проснулся опять в своей маленькой кровати.

Четверг

– Только не пугайся! – сказал Оле-Лукойе. – Я сейчас покажу тебе мышку! – И правда, в руке у него была хорошенькая мышка. – Она пришла пригласить тебя на свадьбу! Две мышки собираются сегодня ночью пожениться. Живут они под полом в кладовой твоей матери.

– А как же я пролезу сквозь маленькую дырочку в полу? – спросил Яльмар.

Оле-Лукойе дотронулся до мальчика своей волшебной брызгалкой, и Яльмар вдруг сделался ростом с палец.

– Теперь можно одолжить мундир у оловянного солдата. Мундир ведь так красит, а ты идешь в гости!

Яльмар переоделся и стал похож на оловянного солдата.

– Прошу, садитесь в наперсток вашей матушки, – сказала Яльмару мышка. – Я имею честь отвезти вас.

И они поехали на мышиную свадьбу.

Проскользнув в дыру, прогрызенную мышами в полу, они попали в длинный узкий коридор, где только и можно было проехать в наперстке. Коридор был ярко освещен гнилушками.

– Правда, чудный запах? – спросила мышка. – Весь коридор смазан салом!

Наконец они добрались до зала, где праздновали свадьбу. Справа стояли мышки-дамы, слева – мышки-кавалеры, а посередине, на выеденной корке сыра, – жених с невестой.

Гости все прибывали. Мыши чуть не давили друг друга, и счастливую парочку оттеснили к самым дверям, так что никто больше не мог ни войти, ни выйти. Зал тоже был смазан салом, другого угощения не было. На десерт гостей обносили горошиной, на которой одна родственница новобрачных выгрызла их имена, то есть, конечно, только первые буквы!

Все мыши сказали, что свадьба была великолепна и что они очень приятно провели время.

Яльмар поехал домой. Он побывал в знатном обществе, хоть и пришлось съежиться и надеть мундир оловянного солдата.

Пятница

– Даже не верится, сколько пожилых людей хотят залучить меня к себе! – сказал Оле-Лукойе. – Особенно те, кто сделал что-нибудь плохое. «Миленький Оле, – говорят они мне, – мы не можем сомкнуть глаз, лежим без сна всю ночь напролет и видим вокруг себя все свои дурные дела. Они, точно гадкие маленькие тролли, сидят по краям постели и брызжут на нас кипятком. Хоть бы ты пришел и прогнал их. Мы бы с удовольствием заплатили тебе, Оле! Спокойной ночи! Деньги на окне!» Что мне деньги?! Я ни к кому не прихожу за деньгами!

– А что мы будем делать сегодня ночью? – спросил Яльмар.

– Не хочешь ли опять побывать на свадьбе? Большая кукла твоей сестры, та, что зовется Германом, хочет повенчаться с куклой Бертой; а еще сегодня день рождения куклы, и потому готовится много подарков!

– Знаю, знаю! – сказал Яльмар. – Как только куклам нужно новое платье, сестра празднует их день рождения или свадьбу.

– А сегодня ночью будет сто первый и, значит, последний! Оттого и готовится что-то необыкновенное.

На столе был домик из картона, окна его были освещены, и все оловянные солдатики держали ружья на караул. Жених с невестой задумчиво сидели на полу, прислонившись к ножке стола. Оле-Лукойе, нарядившись в бабушкину черную юбку, обвенчал их. Затем молодые получили подарки.

– Поедем теперь на дачу или отправимся за границу? – спросил молодой.

На совет пригласили ласточку и старую курицу. Ласточка рассказала о теплых краях, где зреют сочные, тяжелые кисти винограда, где воздух мягок, а горы расцвечены такими красками, о каких здесь и понятия не имеют.

– Зато там нет капусты! – сказала курица. – Ах, какая она зеленая! Что может быть красивее?!

– Да ведь кочаны похожи как две капли воды! – сказала ласточка. – К тому же здесь так часто бывает дурная погода.

– Ну, к этому можно привыкнуть! – сказала курица.

– А какой тут холод! Того и гляди замерзнешь!

– И хорошо для капусты! – сказала курица. – К тому же и у нас бывает тепло! Вот четыре года тому назад лето стояло у нас целых пять недель! Да какая жарница-то была! Все задыхались! И у нас нет ядовитых тварей, как там! И разбойников! – Курица заплакала. –

Я ведь тоже путешествовала! Целых двенадцать миль проехала в бочонке! И никакого удовольствия нет в путешествии!

– Да, курица – особа вполне достойная! – сказала новобрачная. – Мне тоже не нравится ездить по горам – то вверх, то вниз! Лучше мы поедem в деревню и будем гулять в огороде с капустой.

На том и порешили.

Суббота

– Взгляни на этих китайцев! – сказал Оле и раскрыл над Яльмаром свой красивый зонтик.

Зонтик был похож на большую китайскую чашу, расписанную голубыми деревьями и узенькими мостиками, на которых стояли маленькие китайцы и кивали головами.

– Сегодня надо будет принарядить весь мир! – продолжал Оле. – Завтра ведь праздник, воскресенье! Сейчас я пойду на колокольню – посмотрю, вычистили ли церковные карлики все колокола, иначе они плохо будут звонить завтра; потом в поле – посмотрю, смел ли ветер пыль с травы и листьев. Самое же трудное – снять с неба и почистить все звезды. Приходится нумеровать каждую звезду и каждую дырочку, где она сидела, чтобы потом каждую поставить на свое место, иначе они не будут держаться и посыплются с неба одна за другой!

– Послушайте! – сказал вдруг висевший на стене старый портрет. – Я прадедушка Яльмара и очень вам признателен за то, что вы рассказываете мальчику сказки, но звезды нельзя снимать с неба и чистить. Звезды – такие же небесные тела, как наша Земля!

– Спасибо тебе, прадедушка! – отвечал Оле-Лукойе. – Ты – глава семьи, но я все-таки старше тебя! Римляне и греки звали меня богом сновидений! Я всегда был вхож в знатнейшие дома и знаю, как обходиться и с большими, и с малыми. Можешь теперь рассказывать сам!

И Оле-Лукойе ушел, взяв под мышку свой зонтик.

– Ну, уж нельзя и высказать своего мнения! – сказал старый портрет.

Тут Яльмар проснулся.

Воскресенье

– Добрый вечер! – сказал Оле-Лукойе.

Яльмар кивнул ему, вскочил и повернул прадедушкин портрет лицом к стене, чтобы он опять не вмешался в разговор.

– Я покажу тебе своего брата, его тоже зовут Оле-Лукойе, – сказал Оле-Лукойе. – Но он знает только две сказки: одна бесподобно хороша, а другая так ужасна, что... да нет, невозможно даже и сказать как!

Оле-Лукойе приподнял Яльмара, поднес его к окну и сказал:

– Сейчас ты увидишь моего брата, другого Оле-Лукойе. Кафтан на нем расшит серебром, за плечами развевается черный бархатный плащ! Смотри!

И Яльмар увидел, как мчится во весь опор другой Оле-Лукойе и сажает к себе на лошадь и старых, и малых. Тех, у кого были отличные или хорошие отметки, он сажал впереди себя и рассказывал им чудесную сказку, а тех, у кого были плохие, – позади себя, и они должны были слушать страшную сказку. Они тряслись от страха, плакали и хотели спрыгнуть с лошади, но не могли, потому что сразу крепко прирастали к седлу.

– А я не боюсь его! – сказал Яльмар.

– И нечего бояться! – ответил Оле. – Смотри только, чтобы у тебя всегда были хорошие отметки!

– Вот это поучительно! – пробурчал прадедушкин портрет. – Все-таки не мешает иногда высказать свое мнение.

Он был очень доволен.

Вот и вся история об Оле-Лукойе! А вечером пусть он сам расскажет тебе что-нибудь.

Сундук-самолет

Жил-был очень богатый купец. Но он внезапно умер, и все деньги достались его сыну. Тот зажил очень весело, и скоро осталось у него только четыре скиллинга, старый халат да пара туфель-шлепанцев. Друзья и знать его больше не хотели, но один из них, человек добрый, прислал ему старый сундук! Отлично, но укладывать в сундук было нечего, вот он и уселся в сундук сам! А сундук был не простой. Стоило нажать на замок – и сундук взвился в воздух.

Купеческий сын так и сделал. Сундук вылетел с ним в трубу и понесся под самыми облаками! Купеческий сын прилетел в Турцию, зарыл сундук в лесу в кучу сухих листьев, а сам отправился в город – тут он не стеснялся своего наряда, ведь в Турции все ходят в халатах и туфлях.

На улице встретила ему женщина с ребенком, и он сказал ей:

– Послушай, женщина! Что это за большой дворец тут, у самого города, еще окна так высоко от земли?

– Тут живет принцесса! – ответила та. – Ей предсказано, что она будет несчастна по милости своего жениха, вот к ней и не смеет являться никто иначе, как в присутствии самих короля с королевой.

– Спасибо! – сказал купеческий сын.

Он пошел в лес, уселся в свой сундук, прилетел прямо на крышу дворца и влез к принцессе в окно. Принцесса спала на диване и была так хороша, что он не удержался и поцеловал ее. Она проснулась и очень испугалась, но купеческий сын сказал, что он турецкий бог, прилетевший к ней по воздуху. Они уселись рядом, и он стал рассказывать ей сказки. А потом он посватался, и принцесса согласилась выйти за него.

– Но вы должны здесь быть в субботу! – сказала она. – Ко мне придут король с королевой. Они будут очень польщены тем, что я выхожу замуж за турецкого бога, но вы постарайтесь рассказать им сказку получше. Мать любит слушать что-нибудь поучительное и серьезное, а отец – веселое.

Принцесса подарила ему саблю, выложенную червонцами, а их-то ему недоставало. Он купил себе новый халат, а затем уселся в лесу сочинять сказку. В субботу король и королева пришли к принцессе, и купеческого сына приняли очень хорошо.

– Расскажите что-нибудь серьезное, поучительное, – сказала королева.

– Но чтобы и посмеяться можно было! – добавил король.

– Хорошо! – ответил купеческий сын и стал рассказывать. – Жила-была пачка серных спичек, очень гордых своим высоким происхождением: глава их семьи, сосна, была крупнейшим и старейшим деревом в лесу. Теперь спички лежали на полке между огнивом и старым железным котелком и рассказывали о своем детстве. «Да, хорошо нам жилось, – говорили они. – Но вот пришли как-то дровосеки, и погибла вся наша семья! Ствол получил место грот-мачты на великолепном корабле, ветви разбредлись кто куда, а нам вот выпало служить свечками для черни. Вот ради чего очутились на кухне такие важные господа, как мы!»

«С самого появления на свет меня беспрестанно чистят, скребут и ставят на огонь, – сказал котелок. – Я занимаю в доме первое место. Все мы здесь домоседы, только ведро иногда бывает во дворе, а новости мы узнаем от корзинки для провизии – она часто ходит на рынок, но у нее уж чересчур резкий язык».

«Что ты разболтался?!» – сказала вдруг огниво.

«Побеседуем о том, кто из нас важнее!» – сказали спички.

«Нет, я не люблю говорить о себе, – сказала глиняная миска. – Будем просто беседовать! Я расскажу кое-что, что будет понятно всем и каждому. На берегу родного моря, под тенью буков...»

«Чудесно!» – сказали тарелки.

«Там в одной семье провела я свою молодость. Вся мебель была полированная, пол чисто вымыт, а занавески на окнах сменялись каждые две недели».

«Как вы интересно рассказываете! – сказала метла. – В вашем рассказе так и слышна женщина, чувствуется какая-то особенная чистоплотность!»

«Да, да!» – сказала ведро.

Глиняная миска продолжала свой рассказ, и конец был не хуже начала. Тарелки загремели от восторга, а метла достала из ящика зелень петрушки и увенчала ею миску.

«Теперь мы потанцуем!» – сказали угольные щипцы и пустились в пляс. Старая обивка на стуле, что стоял в углу, не выдержала такого зрелища и лопнула!

«А нас увенчают?» – спросили щипцы, и их тоже увенчали.

«Все это чернь!» – думали спички.

Теперь самовар должен был спеть. Но он важничал и хотел петь, только стоя на столе у господ.

«Что ж, если самовар не хочет петь, не надо! – сказала старое гусиное перо. – За окном висит клетка, а в ней – соловей. Пусть он споет!»

«Это неприлично – слушать какую-то пришлую птицу! – сказал большой медный чайник. – Пусть рассудит корзинка для провизии!»

«Разве так следует проводить вечера? – сказала корзинка. – Неужели нельзя поставить дом на надлежащую ногу? Каждый бы тогда знал свое место, и я руководила бы всеми! Тогда дело пошло бы совсем иначе».

«Давайте шуметь!» – закричали все.

Вдруг дверь отворилась, вошла служанка, и все присмирели. Но не было ни единого горшка, который не мечтал про себя о своей знатности и о том, что он мог бы сделать. «Уж если бы взялся за дело я, пошло бы веселье!» – думал каждый. Служанка взяла спички и зажгла ими свечку. Как они зафыркали, загораясь! «Теперь все видят, что мы здесь самые знатные!» – думали они. – Сколько от нас блеска и света!» Но тут они сгорели.

– Чудесная сказка! – сказала королева. – Я точно сама была в кухне вместе со спичками! Да, ты достоин нашей дочери.

– Конечно! – сказал король. – Свадьба состоится в понедельник!

Вечером в городе устроили иллюминацию. Уличные мальчишки кричали «ура!» и свистели. «Надо и мне придумать что-нибудь!» – подумал купеческий сын. Он купил ракет, хлопушек, сложил все это в свой сундук и взвился в воздух. Никогда еще турки не видели такого фейерверка. Теперь все поверили, что на принцессе женится сам турецкий бог. Вернувшись в лес, купеческий сын подумал: «Надо пойти в город послушать, что там говорят обо мне!» Сколько рассказов ходило по городу! Каждый рассказывал об увиденном по-своему, но все твердили, что это было дивное зрелище.

– Я видел бога! – говорил один. – Глаза у него были как звезды, а борода – как морская пена!

– Бог летел в огненном плаще! – рассказывал другой. – А из складок выглядывали ангелочки...

На другой день должна была состояться свадьба. Купеческий сын вернулся в лес, чтобы сесть в сундук, но не нашел его. Сундук сгорел! В него попала искра от фейерверка, сундук тлел и наконец вспыхнул, и от него осталась только зола.

Купеческий сын так и не смог прилететь к своей невесте. Она целый день стояла на крыше, дожидаясь его, и ждет до сих пор! А он ходит по свету и рассказывает сказки, но не такие веселые, какой была его первая сказка о спичках.

Принцесса на горошине

Жил-был принц. Он хотел жениться на принцессе, но только на настоящей. В поисках настоящей принцессы он объехал уже весь мир, но никак не мог понять, настоящие ли принцессы ему встречаются. Пришлось ему ни с чем вернуться домой.

Как-то вечером поднялась буря. В городские ворота постучали, и старый король пошел открывать.

У ворот стояла девушка. Вода стекала с ее волос и платья, а она уверяла, что настоящая принцесса.

«Ну, это мы узнаем!» – подумала старая королева, но ничего не сказала.

Она пошла в опочивальню, сняла с кровати все тюфяки и подушки, положила на доски горошину, а потом взяла двадцать тюфяков и положила их на горошину, а на тюфяки еще двадцать пуховых перин. На эту кровать уложили на ночь принцессу.

Утром ее спросили, как ей спалось.

– Ужасно! – воскликнула принцесса. – Я всю ночь не могла уснуть. Я лежала на чем-то твердом, и теперь у меня все тело в синяках!

Так все и поняли, что она – настоящая принцесса. Ведь она почувствовала горошину через двадцать тюфяков и двадцать пуховых перин! Такой нежной может быть только настоящая принцесса. И принц взял ее в жены.

А горошину отдали в кунсткамеру.

Свинопас

Жил-был принц. Королевство у него было очень маленькое, а сам он был очень беден. Все, что у него было, – это славное имя. Но все-таки он решил жениться не на ком-нибудь, а на императорской дочери.

На могиле у отца принца вырос розовый куст. Он цвел один раз в пять лет, и на нем распускалась всего одна роза. Но она была так прекрасна и аромат ее был таким тонким и нежным, что каждый, кому довелось увидеть ее, забывал о своих бедах.

А еще у принца был соловей, и пел он так, как будто знал все мелодии на свете, и песни его были удивительной усладой для слуха.

Принц решил подарить розу и соловья принцессе. Слуги положили их в серебряные ларцы и отправили во дворец.

Увидев подарки, принцесса радостно захлопала в ладоши. Открыли первый ларец, и появилась прекрасная роза.

– Как она прелестна! – сказали фрейлины и император. – Какая чудесная работа!

Принцесса прикоснулась к розе и чуть не разрыдалась.

– Какой ужас! – сказала она. – Роза не искусственная, а настоящая!

– Какой ужас! – повторили за ней фрейлины.

Открыли второй ларец, и соловей тут же запел.

– Но это же не искусственная, а настоящая птица! – воскликнула принцесса. – Ужасно! Пусть она улетит!

Тогда принц вымазал себе лицо черной краской, надвинул шапку на самые брови и пришел в императорский дворец.

– Не дадите ли вы мне работу? – спросил он императора.

– Много вас таких! – был ответ. – Но, пожалуй, оставайся: мне как раз нужен свинопас!

Принц поселился в жалкой каморке рядом со свинарником. К вечеру он смастерил горшочек и украсил его бубенчиками. Когда в нем варили еду, бубенчики названивали песенку. А если подержать над паром руку, можно было узнать, что любой из жителей города готовит сегодня на обед!

Однажды принцесса вместе с фрейлинами отправилась на прогулку и услышала чудесную музыку. Она даже остановилась: ведь только одну эту мелодию она и умела наигрывать на фортепиано!

– Как хорошо образован свинопас! – сказала она. – Спросите у него, сколько стоит этот инструмент!

Одна из фрейлин отправилась на задний двор.

– Сколько ты хочешь за горшочек? – спросила она свинопаса.

– Десять поцелуев принцессы! – ответил тот.

– Это невозможно! – возмутилась фрейлина.

– Дешевле не выйдет!

– Сколько он просит? – с нетерпением спросила принцесса, когда фрейлина вернулась.

– О, это ужасно! – воскликнула фрейлина.

И шепотом передала принцессе слова свинопаса.

Принцесса разгневалась, но тут опять послышался звон бубенчиков, и играли они так чудесно!

– Не возьмешь ли ты десять поцелуев моих фрейлин? – обратилась принцесса к свинопасу.

– Нет уж! – ответил свинопас. – Горшочек стоит ровно десять поцелуев принцессы!

– Невежа! – сказала принцесса. – Станьте вокруг, чтобы нас никто не увидел! – велела она фрейлинам.

Фрейлины обступили ее, свинопас получил десять поцелуев принцессы, а принцесса – горшочек.

Целый вечер и следующий день горшочек был на огне, и вскоре принцесса и фрейлины узнали, что готовится на каждой кухне города. Фрейлины прыгали от радости:

– Мы знаем, у кого сегодня суп и блинчики! Мы знаем, у кого каша и котлеты!

А свинопас тем временем смастерил трещотку, которая могла играть все танцы, какие только есть.

– Я никогда не слышала ничего лучше! – заметила принцесса, прогуливаясь по саду. – Спросите свинопаса, сколько он хочет за этот инструмент.

– Сто поцелуев принцессы! – ответил свинопас.

– Он ужасен! – сказала принцесса и пошла по дорожке прочь, но передумала.

– Хорошо! – сказала она. – Я дам ему десять поцелуев, как и вчера!

Однако свинопас не согласился.

– Сто поцелуев принцессы! – повторил он фрейлине. – Если нет – трещотка останется у меня.

И снова фрейлины обступили принцессу, а свинопас стал ее целовать.

– А это что такое возле свинарника? – спросил император, выйдя на балкон. – Что-то опять фрейлины выдумали! Не пойти ли посмотреть?

Он спустился в сад, подкрался к фрейлинам, но они считали поцелуи и поэтому его не заметили.

– Это что такое?! – закричал император, увидев, что свинопас целует принцессу. – Что за шутки?! – И швырнул в них туфлей. – Вон! – закричал он рассерженно и выгнал и дочь, и свинопаса из своей страны.

– Какая же я несчастная! – плакала принцесса.

А свинопас зашел за дерево, стер с лица черную краску, сбросил грязную одежду и шапку и появился перед принцессой.

– Ты не захотела выйти замуж за честного принца! – сказал он. – Ты не поняла, как прекрасны соловей и роза, а свинопаса целовала, чтобы получить глупые игрушки! Поделом тебе!

И он ушел в свое королевство.

Новый наряд короля

Жил-был король, который больше всего на свете любил новые наряды.

Случилось так, что в город, где жил король, приехали двое мошенников. Они назвали себя ткачами и объявили, что могут соткать лучшую в мире ткань. Они говорили, что наряд, сшитый из нее, становится невидимым для любого человека, который ужасно глуп или сидит не на своем месте.

Король обрадовался и велел очень хорошо заплатить мошенникам за то, чтобы они поскорее соткали чудесную ткань.

Мошенники делали вид, что работают до поздней ночи, требовали самый тонкий шелк и чистейшее золото, но на станках у них ничего не было. Они только притворялись, что ткут несуществующие нити.

Король хотел посмотреть на их работу, но тут же испугался, что не увидит замечательной ткани. А показаться глупцом или не годящимся для своего места ему не хотелось, вот он и послал к мошенникам своего честного старого министра.

Министр пришел к мошенникам и ничегошеньки не увидел!

«Неужели я не гожусь для своего места? Неужели я глупец? – испуганно подумал он. – Нет, нельзя признаваться!»

– Как это прекрасно! – сказал старый министр.

Посылал король к мошенникам и других министров, но все они уверяли, что прекраснее ткани и искуснее мастеров никогда не видели.

Скоро весь город говорил о чудесной ткани. И вот сам король решился наконец посмотреть на нее.

На станках не было ни одной нитки, а мошенники изо всех сил делали вид, что работают!

«Неужели я не гожусь для своего места?» – испугался король.

– Как красиво! – сказал он.

И все придворные закивали головами и сказали:

– Эта ткань прекрасна, ваше величество! Сшейте из нее наряд к завтрашнему шествию!

И король удостоил каждого из мошенников звания придворного ткача.

Всю ночь мошенники делали вид, что снимают ткань со станков, режут ее ножницами, шьют иглой без нитки, и наконец сказали, что наряд готов!

– Примерьте наряд, ваше величество! – сказали мошенники.

Король разделся, и обманщики сделали вид, будто надевают на него новую одежду, застегивают камзол, поправляют мантию...

– Как вам идет! Как замечательно сидит! – в один голос сказали придворные.

А король вертелся перед зеркалом.

– Я готов к шествию, – сказал король.

Король шел во главе процессии, а люди на улицах города говорили:

– Новый наряд короля и вправду бесподобен!

Никто не хотел признаться, что ничего не видит, ведь это означало бы, что он или глупец, или сидит не на своем месте!

– А король-то голый! – крикнул вдруг какой-то ребенок.

– Послушайте-ка, что он говорит! Это говорит невинный младенец! – сказал его отец.

И от одного к другому люди стали передавать:

– Король голый! Ребенок говорит, что король голый!

– Король голый! – закричали наконец все люди.

Королю стало не по себе: ему казалось, что люди правы. Но он шел еще величавее, а камергеры несли за ним шлейф, которого не было.

Маленький Тук

Жил-был маленький Тук. Звали-то его вовсе не Туком, он сам прозвал себя так, когда еще не умел хорошенько говорить: «Тук» должно было значить на его языке «Карл». Туку приходилось нянчить свою сестренку Густаву, которая была намного меньше его, и в то же время учить уроки, а эти два дела никак не ладились одновременно. Бедняга малец держал сестрицу на коленях и пел ей песенки, пытаясь выучить задание по географии. На завтра задано было выучить все города в Зеландии и знать о них все, что только можно.

Наконец вернулась его мать, которая уходила куда-то, и взяла Густаву. Тук – живо к окну да за книгу, и читал, читал чуть не до слепоты: в комнате становилось все темнее и темнее, а матери не на что было купить свечку.

– Вон идет старая прачка, – промолвила мать, глядя в окно. – Она и сама-то еле ходит, а тут еще приходится тянуть ведро с водой. Будь хорошим мальчиком, Тук, выбеги да помоги бабушке!

Тук сейчас же выбежал и помог, но, когда вернулся в комнату, было уже совсем темно. Пришлось ему ложиться спать. Постелью Туку служила старая деревянная скамья со спинкой и с ящиком под сиденьем. Он лег, но все не переставал думать о своем уроке: о городах Зеландии и обо всем, что рассказывал о них учитель. Следовало бы ему еще раз прочесть урок, да было уже поздно, и мальчик сунул книгу себе под подушку: он слышал, что это отличное средство для того, чтобы запомнить урок, но особенно-то полагаться на него, конечно, нельзя.

И вот Тук лежал в постели и все думал, думал. Вдруг кто-то поцеловал его в глаза и в губы – он в это время и спал и как будто бы не спал, – и он увидел перед собою старушку прачку. Она ласково поглядела на него и сказала:

– Грешно было бы, если бы ты не знал завтра своего урока. Ты помог мне, теперь и я помогу тебе. Господь же не оставит тебя своею помощью никогда!

В ту же минуту страницы книжки, что лежала под головой Тука, зашелестели и стали перевертываться. Затем раздалось:

– Куд-кудах!

Это была курица, да еще из города Кёге!

– Я курица из Кёге! – И она сказала Туку, сколько в Кёге жителей, а потом рассказала про битву, которая тут происходила, – это было даже лишнее: Тук и без того знал об этом.

– Коррамба! – и что-то свалилось; это упал на постель деревянный попугай, служивший мишенью в обществе стрелков города Преете. Птица сказала мальчику, что в этом городе столько же жителей, сколько у нее рубцов на теле, и похвалилась, что Торвальдсен был одно время ее соседом. – Буме! Я славлюсь чудеснейшим местоположением!

Но маленький Тук уже не лежал в постели, а вдруг очутился верхом на жеребце, который рванул в галоп. Он сидел позади разодетого рыцаря в блестящем топхельме с развевающимся султаном. Они проехали лес и очутились в старинном городе Вордипгборге. Это был большой и оживленный город; на холме города возвышался королевский замок, в окнах которого ярко светились огни. В замке давали бал. Король Вальдемар танцевал в кругу роскошных молодых фрейлин.

Но вот настало утро, и едва взошло солнце, город с королевским замком растаял, башни исчезли одна за другой, и под конец на холме осталась всего одна башенка, а сам городок стал маленьким, бедным; школьники, спешившие в школу с книжками под мышками, говорили: «У нас в городе две тысячи жителей!» – но на самом деле и того не было.

Маленький Тук опять очутился в постели; ему казалось, что он грезит наяву; кто-то опять стоял возле него.

– Маленький Тук! Маленький Тук! – слышалось ему. Это говорил маленький морячок, как будто бы юнга, а все-таки не юнга. – Я привез тебе привет из Корсёра. Вот город с будущим! У него свои почтовые кареты и пароходы. Когда-то его считали жалким городишкой, но это мнение уже устарело. «Я лежу на море! – говорит Корсёр. – У меня есть шоссе, железные дороги и парк! Я произвел на свет поэта, да еще какого веселого, а ведь не все поэты веселы! Я даже собирался послать один из своих кораблей в плавание вокруг всего земного шара!.. И как чудно я пахну, от самых городских ворот! Всюду цветут чудеснейшие розы!»

Маленький Тук взглянул на них, и в глазах у него зарябило красно-зеленым. Когда же волны красок улеглись, он увидел поросший лесом обрыв над невидимым фиордом. Над обрывом возвышался старый монастырь с высокими острыми башнями и шпилями. Вниз с журчанием сбегали струи источников. Возле источника сидел старый король; седая голова его с длинными кудрями была увенчана золотой короной. Это был король Роар, именем которого и назван был источник, а по источнику и близлежащий город Роскилле. По тропинке, ведущей к монастырю, шли держась за руки все короли и королевы Дании, увенчанные золотыми коронами. Орган играл, струйки источника вторили ему в напеве. Маленький Тук смотрел и внимал.

– Не забудь о сословиях! – сказал король Роар.

Вдруг все исчезло. Да куда же все это пропало? Словно перевернули страницу в книжке! Перед мальчиком стояла старушка полольщица, она пришла из города Соре, – там трава растет даже на площади. Она нагнула на голову и на спину свой серый холщовый передник; передник был весь мокрый – должно быть, шел дождь.

– Да! – сказала она и поведала ему о забавных комедиях Хольберга, о короле Вальдемаре и епископе Абсалоне, потом вдруг вся съезжилась, замотала головой, точно собираясь прыгнуть, и заквакала. – Ква! Ква! Ква! Как сыро, мокро и тихо в Соре! Ква! – Она превратилась в лягушку. – Ква! – И она опять стала женщиной. – Надо одеваться по погоде! – сказала она. – Тут сыро-сыро! Мой город похож на бутылку: войдешь в горлышко, оттуда же надо и выйти. Прежде он славился чудеснейшими рыбами, а теперь на дне «бутылки» – краснощекие юноши; они учатся тут разной премудрости: греческому, еврейскому... Ква!

Мальчику слышалось не то кваканье лягушек, не то шлепанье сапогами по болоту: все тот же самый звук, однообразный и скучный, под который Тук и заснул крепким сном, да и хорошо сделал.

Но и тут ему приснился сон, – иначе что же все это было? Голубоглазая, белокурая и кудрявая сестрица его, Густава, вдруг стала взрослою прелестною девушкой, и, хотя ни у нее, ни у него не было крыльев, они понеслись вместе по воздуху над Зеландией, над зелеными лесами и голубыми водами.

– Слышишь ты крик петуха, маленький Тук? Кукареку! Вот из бухты Кёге полетели куры! У тебя будет птичий двор, огромный-преогромный! Тебе не придется терпеть нужды! Ты, как говорится, убьешь бобра и станешь богачом, счастливым человеком! Твой дом будет возвышаться, как башня короля Вальдемара, будет богато разукрашен такими же мраморными статуями, как те, что изваяны близ Преете. Ты понимаешь меня? Твое имя облетит весь мир, как корабль, который хотели отправить из Корсёра, а в Роскилле – «Помни про сословия!» – сказал король Роар – ты будешь говорить хорошо и умно, маленький Тук! Когда же наконец сойдешь в могилу, будешь спать в ней тихо...

– Как в Соре! – добавил Тук и проснулся. Было ясное утро, он ровно ничего не помнил из своих снов, да и не нужно было – нечего заглядывать вперед.

Он вскочил с постели, взялся за книгу и живо выучил свой урок. А старая прачка просунула в дверь голову, кивнула ему и сказала:

– Спасибо за вчерашнее, голубчик! Господь да исполнит лучший твой сон.

А маленький Тук и не знал, что ему снилось, зато знает это Господь Бог!

Воротничок

Воротничок уже давно достиг брачного возраста, но невесты у него не было. Однажды его бросили в стирку вместе с чулочной подвязкой.

– Как вы грациозны и милы! – рассыпался в комплиментах воротничок. – С такой красотой я сталкиваюсь впервые. Давайте же знакомиться.

– Не стоит! – отрезала подвязка.

– А где вы живете?

– Я прошу вас, не нужно со мной заговаривать! – лепетала подвязка.

– Но лицеизреть такую прелестницу и молчать – невозможно! – любезничал воротничок.

– Ах, вы не могли остаться в стороне? – воскликнула подвязка. – Вы ведь совсем как настоящий мужчина!

– Я еще и денди! – ввернул воротничок. – У меня сапожная подставка и гребенка имеются!

И хотя счастливым обладателем этих аксессуаров был не он, а его хозяин, воротничок бахвалиться не переставал.

– В стороночку! – направляла подвязка.

– Недотрога! – отозвался воротничок.

Тут его вынули из таза, накрахмалили, а высушив, отправили на гладильную доску, взяли горячий утюг...

– Вдовушка! – переключился воротничок на утюжную плитку. – Я весь горю от вашего прикосновения. Будьте моей женой!

– Ах ты, оборванец! – Утюжная плитка высокомерно прошла по воротничку.

Воротничок слегка износился по краям. Ножницы были призваны подровнять их.

– Вы, уверен, известная балерина? Чудо как вытягиваете ножки! Люди вам в подметки не годятся, о несравненная! – приветствовал воротничок новый объект вожделения.

– Так и есть! – ответили ножницы.

– Вам под стать быть графией! – разошелся воротничок. – Я могу предложить вам лишь хозяина-денди, сапожную подставку и гребенку, но как бы я хотел дать вам графство...

– Сватов засылаете?! – разгневались ножницы и изрезали его.

– Из невест осталась одна гребенка! – подытожил воротничок. – Миледи, в каком отличном состоянии ваши зубки!.. Входил ли в ваши планы законный брак?

– Еще бы! – ответила гребенка. – Я помолвлена с сапожной подставкой!

– Помолвлены? – вскипел воротничок. Лишившись последней претендентки, он презрел институт брака.

Со временем воротничок вместе с другой ветошью оказался на бумажной фабрике. Это был настоящий салон для разнотканого общества; тонкое полотно традиционно держалось в стороне от грубого. У каждой тряпки была уйма историй, не говоря уже о хвастливом воротничке.

– Сколько же у меня было невест! – нагло лгал он. – Проходу не давали, ведь подкрахмаленный я казался записным денди! В моем распоряжении были личные сапожная подставка и гребенка. О, моя первая любовь завязка: тонкая, нежная, мягкая! Бедняжка бросилась из-за меня в таз! А одну вдовушку я довел прямо-таки до точки кипения... Стоило ее бросить – и она почернела от горя! А балетная прима... она нанесла мне глубокую рану, чертовка! Моя милая гребенка так сохла по мне, что осталась без зубов! Мне действительно есть что вспомнить!.. Но ближе всего к сердцу я принял поступок подвязки, то есть завязки,

бросившейся из-за меня в таз. Да, я не без греха!.. Самое время мне начать жизнь с чистого листа!

Воля его была исполнена: вся ветошь превратилась в белую бумагу, а воротничок, как записной хвостун, – в этот самый лист, на котором напечатана его биография. Как бы и нам не попасть в утиль и не превратиться в чистые листы, на котором напечатают наши истинные биографии без прикрас!

Мотылек

Собрался мотылек жениться. Естественно, на самом миленьком цветочке.

Он осмотрелся: цветы держались на своих стебельках скромно, как настоящие невесты. Но как выбрать из этого многообразия?

Устав ломать над этим голову, мотылек подлетел к полевой ромашке. Французы называют ее Маргаритой. Считается, что она пригодна для гадания. Так и есть. Влюбленные обрывают ее лепестки: «Любит? Не любит?»

– Матушка Маргарита, полевая ромашка! – обратился к ней мотылек. – Вы известная гадалка! Кто моя суженая?

Но ромашка сжала лепестки и ничего не сказала: будучи сама невестой, не стерпела «матушки». Мотылек так и упорхнул ни с чем с твердым намерением самому искать идеальный цветок.

Этой весной удались пролески и крокусы.

– Красивые, – похвалил мотылек, – но их красоте не хватает зрелости!

Мотылек, как и прочие отроки, предпочитал барышень постарше.

Разглядывая анемоны, он счел их горьковатыми. Фиалки показались ему не в меру сентиментальными. Тюльпаны были слишком расфранчены. Нарциссы – простушки. Липовый цвет чересчур обременен родственниками. Яблоневого цвета слишком ветрены – не для брака. Зато горошек ему приглянулся: бело-розовый, полнокровный и утонченный одновременно, он несомненно станет украшением кухни. Мотылек почти уже сделал предложение, когда заметил рядом с невестой стручок с засохшим цветком.

– Кто это? – поинтересовался мотылек.

– Моя сестра, – признался горошек.

– Значит, и вы в будущем, – сказал мотылек, и только его и видели.

Следующими на ярмарке невест были цветки жимолости. Но их удлиненные желтые лица только отпугнули жениха.

Времена года сменяли друг друга, а поиски мотылька так и не увенчались успехом. Осень подарила ему новые цветы в шикарных нарядах, но утомленное годами сердце больше льнет к весенней свежести, жадно ловит запахи юности. Этого не найти у осенних георгинов и штокров. И мотылек остановил свой выбор на кудрявой мяте.

– Она не может похвастать цветами, но она – само благоухание.

Но мята отвергла его сватовство:

– Останемся друзьями. Мы ведь немолоды. Кто же женится на склоне лет?!

Как знать, если бы мотылек не перебирал невестами, может, и не остался бы бобылем.

Дожди и заморозки не заставили себя ждать. Поднялся промозглый ветер. Погода не для прогулок в летнем наряде. Мотылек залетел в натопленную комнату и там ждал лета. Но долго он не выдержал!

– Я жажду солнца, свободы. Я душу дьяволу продам за самый невзрачный цветок! – молвил мотылек, расправил крылья и шмякнулся об оконное стекло.

Его сразу же заметили, ахнули от восхищения и на булавке посадили в коробочку с другими диговинками.

– Отныне я сижу на стебельке, подобно цветам! – размышлял вслух мотылек. – Об этом ли я мечтал? Но есть иллюзия статуса женатого: тоже крепко сидишь.

– Жалкое утешение! – склонили головки комнатные цветы.

«Комнатным цветам доверять нельзя! – решил мотылек. – Они слишком многое переняли у людей».

Прекраснейшая роза мира

В саду одной могущественной королевы были собраны цветы всех времен года, всех частей света; особенно же много было роз, любимых цветов королевы, роз всех сортов и видов – от дикого и колючего шиповника с душистыми листьями до красивейших роз Прованса. Они вились по стенам дворца, обвивая колонны и окна, пробиваясь в коридоры, и тянулись к самым потолкам дворцовых покоев. Что за дивное разнообразие запахов, форм и красок было в саду королевы!

Но в самом дворце царили печаль и горе. Королева лежала на смертном одре; врачи пророчили близкую смерть.

– Единственное средство спасти королеву, – сказал один из врачей, – принести ей прекраснейшую розу мира, эмблему чистейшей любви. Королева не умрет, если увидит эту розу до того, как закроет свои глаза навеки.

И вот все от мала до велика ринулись к смертному одру королевы с самыми разными розами, но, к сожалению, среди них не было той, которая бы даровала исцеление королеве. Та роза цвела в садах любви! Но что же именно была за эмблема высшей, чистейшей любви?

И певцы пели о прекраснейшей розе мира, но каждый пел о своей. Тогда кликнули клич по всей стране, воззвали ко всем сердцам, бьющимся любовью.

– Никто еще не назвал настоящей розы! – сказал мудрец. – Никто не указал, где она цветет. Не из гроба Ромео и Джульетты, не из могилы Вальборги выросла она, – хотя розы с их могил вечно будут дарить сладчайший аромат в преданиях и песнях, – не из окровавленных мечей Винкельрида, не из священной крови, брызнувшей из груди героя, умершего за родину свою, – хотя и нет смерти слаще этой, нет розы краснее пролитой за отечество крови! И не ей посвящает свою молодую жизнь человек, проводящий годы за годами, целые дни и долгие бессонные ночи, ухаживая за магической розой науки!

– Я знаю, где цветет та роза! – сказала счастливая мать, явившаяся к одру королевы с крошечным ребенком на руках. – Я знаю, где надо искать прекраснейшую розу мира – эмблему высшей, чистейшей любви. Она цветет на румяных щечках моего милого крошки, когда он, подкрепившись сном, открывает веселые глазки и с любовью и нежностью улыбается мне!

– Прекрасна эта роза, но есть еще прекраснее! – сказал мудрец.

– Да, куда прекраснее! – сказала одна из женщин. – Я видела ее. Священное этой розы нет на свете, но она была бледна, как лепестки чайной розы. Я видела ее на щеках королевы; она сняла свою королевскую корону и ходила всю долгую, томительную ночь, баюкая свое больное дитя, плача над ним, целуя его и молясь за него, как только может молиться мать в часы страха за своего ребенка!

– Священна белая роза скорби, велика власть ее, но все же это не та роза!

– Я видел ее, прекраснейшую розу мира, видел перед алтарем Господним! – сказал благочестивый старик епископ. – Она сияла, как светлый лик ангела. Молодые девушки шли к причастию, возобновить обет, данный при крещении, и на их свежих щеках цвели алые и белые розы. И вот перед алтарем стояла одна молодая девушка; всею душою, полною небесной чистоты и любви, возносила она к Богу. Вот она – чистейшая, высшая любовь!

– Благословенна такая любовь, но все же никто не назвал еще прекраснейшей розы мира! – сказал мудрец.

Вдруг в комнату вошел маленький сынок королевы; в глазах его стояли слезы, щеки были влажны; он нес в руках большую раскрытую книгу в бархатном переплете с серебряными застежками.

– Мама! – сказал ребенок. – Послушай, что я сейчас прочел!

И дитя присело у постели больной и прочло из книги о том, кто добровольно умер на кресте ради спасения всех людей, даже ради не родившихся еще поколений!

– Нет выше этой любви!

И щеки королевы окрасились румянцем, глаза широко раскрылись: она увидела, что из листов книги выросла вдруг великолепнейшая роза мира, живое подобие той, что выросла из крови Христа, пролитой на кресте!

– Я вижу ее! – сказала она. – И вовеки не умрет тот, кто видел эту розу, прекраснейшую розу мира!

Стойкий оловянный солдатик

Были когда-то двадцать пять оловянных солдатиков. Ружье на плече, грудь колесом, мундир красный, отвороты синие, пуговицы блестят... Чудесные солдатики! Их подарили маленькому мальчику на день рождения. Мальчик захлопал в ладоши и принялся расставлять их на столе.

Двадцать четыре были совершенно одинаковые, а двадцать пятый солдатик оказался одноногим. Его отливали последним, и олова немного не хватило. Впрочем, он и на одной ноге стоял так же твердо, как другие на двух.

На столе было много игрушек. Но лучше всех был картонный дворец. Через его окошки можно было заглянуть внутрь и увидеть все комнаты. Перед дворцом лежало круглое зеркальце – оно было как настоящее озеро, и вокруг него стояли маленькие зеленые деревья. По озеру плавали восковые лебеди.

Самой красивой была хозяйка дворца. Она тоже была вырезана из картона. На ней была батистовая юбочка, голубой шарф, а на груди – блестящая брошка.

Красавица стояла на одной ножке, вытянув вперед руки, – она была танцовщицей. Другую ножку она подняла так высоко, что оловянный солдатик решил, будто красавица тоже одноногая.

«Вот бы мне такую жену!» – подумал он и притаился за табакеркой, стоявшей на столе.

Отсюда солдатик отлично видел прелестную танцовщицу, которая все время стояла на одной ножке и ни разу даже не покачнулась!

Ночью, когда все люди легли спать и в доме стало тихо, игрушки устроили бал. Даже щелкунчик принялся кувыркаться, а грифель танцевал на доске, оставляя на ней белые следы! Поднялся такой шум, что в клетке проснулась канарейка и начала болтать на своем языке так быстро, как только могла, да еще и стихами.

Только одноногий солдатик и танцовщица не двигались.

Она стояла на одной ножке, а он застыл с ружьем, как часовой, и не сводил с красавицы глаз.

Пробило двенадцать. И вдруг открылась табакерка.

В этой табакерке сидел маленький злой тролль. Он выскочил из табакерки и огляделся кругом.

– Эй ты! – крикнул тролль оловянному солдатику. – Танцовщица слишком хороша для тебя!

Но оловянный солдатик притворился, будто ничего не слышит.

– Ладно, ты меня еще вспомнишь! – сказал тролль.

Утром, когда дети проснулись, они нашли одноногого солдата за табакеркой и поставили его на окно.

Вдруг окно распахнулось, и солдатик полетел с третьего этажа вниз головой. В ушах у него засвистело. Минуты не прошло – и он уже торчал из земли вверх ногами. Мальчик и служанка сейчас же бросились искать солдата, но сколько ни шарили по земле, так и не нашли. Конечно, если бы солдатик крикнул: «Я тут!» – его бы сразу отыскали. Но он считал недостойным кричать на улице – ведь он носил мундир и был солдатом.

И тут хлынул ливень! По улице расползли широкие лужи, потекли быстрые ручьи. А когда наконец дождь кончился, прибежали двое уличных мальчишек.

– Смотри, – сказал один из них, – это оловянный солдатик!.. Давай отправим его в плавание!

Они сделали из газеты лодочку, посадили в нее оловянного солдата и спустили в канавку.

Лодочка поплыла, а мальчики бежали рядом, подпрыгивая и хлопая в ладоши.

Вода в канаве так и бурлила после ливня! Лодочка то ныряла, то взлетала на волну, то ее кружило, то несло течением.

Оловянный солдатик весь дрожал, но держался стойко, как и положено настоящему солдату.

Лодочку занесло под широкий мост, и стало очень темно.

И тут из-под моста выскочила большая водяная крыса.

– Ты кто такой? – закричала она. – Предъяви паспорт!

Но оловянный солдатик молчал и крепко сжимал ружье. Крыса плыла за ним вдогонку. Она свирепо щелкала зубами и кричала плывущим навстречу щепкам и соломинкам:

– Держите его! У него нет паспорта!

И она изо всех сил загребала лапами, чтобы догнать солдатика. Но лодку несло так быстро, что даже крыса не могла угнаться за ней. Наконец оловянный солдатик увидел впереди свет. Мост кончился.

«Я спасен!» – подумал солдатик.

Но тут послышался такой грохот, что любой бы испугался. За мостом вода с шумом падала вниз – прямо в широкий бурный канал!

Остановиться было невозможно. Лодку с оловянным солдатиком вынесло в канал. Волны бросали ее то вверх, то вниз, но солдатик по-прежнему держался храбро и даже глазом не моргнул.

Вдруг лодочка завертелась на месте, зачерпнула воду бортом и скоро наполнилась водой до самых краев.

И наконец вода накрыла солдатика с головой.

Погружаясь на дно, он с грустью подумал о красавице танцовщице. Не придется увидеть ее больше никогда!

Он приготовился достойно встретить смерть.

Но тут откуда ни возьмись из воды вынырнула большая рыба и проглотила солдатика вместе с ружьем.

Темно было в желудке у рыбы, темнее, чем под мостом! Но оловянный солдатик держался стойко и еще крепче сжал ружье. Так он пролежал довольно долго.

Вдруг рыба заметалась из стороны в сторону, стала нырять, извиваться, прыгать и наконец замерла.

И вдруг словно молния блеснула в темноте.

Потом стало совсем светло, и кто-то закричал:

– Вот так штука! Оловянный солдатик!

Оказывается, рыбу поймали, отвезли на рынок, потом она попала на кухню. Кухарка распоролa ей брюхо, увидела оловянного солдатика и понесла его в комнату.

Весь дом сбежался посмотреть на путешественника. Солдатика поставили на стол, и – о чудо! – он увидел ту же комнату, того же мальчика... На столе все так же возвышался картонный дворец, на пороге которого стояла красавица танцовщица...

Оловянный солдатик, не мигая, смотрел на танцовщицу, танцовщица смотрела на него, и оба молчали.

Вдруг самый маленький мальчик схватил его и ни с того ни с сего швырнул прямо в камин. Наверно, это были козни злого тролля из табакерки.

В камине пылали дрова, и оловянному солдатiku стало очень жарко. Он чувствовал, что горит. Краска сбежала с его лица, он весь полинял...

Но и в огне он держался прямо, крепко сжимал ружье и не сводил глаз со своей красавицы. А танцовщица смотрела на него. Солдатик чувствовал, что тает...

Дверь в комнату распахнулась, сквозняк подхватил прекрасную танцовщицу, и она порхнула прямо в камин к оловянному солдатику. Пламя охватило ее – и конец. И оловянный солдатик совсем расплавился.

На другой день служанка выгребала из камина золу и нашла комочек олова, похожий на сердечко, и обгорелую брошку.

Вот и все, что осталось от стойкого оловянного солдата и красавицы танцовщицы.

Вильгельм Гауф

Маленький Мук

В Никее, моем родном городе, жил человек по имени Маленький Мук. Его рост составлял всего каких-нибудь три, может, четыре фута, и на его туловище, хотя оно было маленькое и хрупкое, сидела голова куда более крупная, чем у прочих людей. Он жил совершенно один в большом доме. Выходил он только раз в месяц. По вечерам часто видели, как он прогуливается по своей крыше. Каждый выход Маленького Мука был для меня и моих товарищей праздником. Мы собирались перед его домом и ждали, когда он появится. Когда отворялась дверь и показывалась большая голова с еще большим тюрбаном, а уж затем остальная фигурка, облаченная в потертый халатик, просторные шаровары и широкий пояс, на котором висел длинный кинжал, мы бросали вверх шапки и плясали вокруг него как бешеные. А Маленький Мук степенно кивал нам головой в знак приветствия и шел по улице медленным шагом. При этом он шаркал ногами, так как у него были большие, просторные туфли, каких я еще никогда не видел. Мы, мальчишки, всегда бежали за ним и кричали: «Клопик Мук, клопик Мук!»

К стыду своему, должен признаться, что я безобразничал больше других. Я часто дергал его за халатик, а однажды наступил сзади на его большие туфли, так что он даже упал. Но мне стало не до смеха, когда я увидел, что Маленький Мук направился к дому моего отца. Он пробыл там некоторое время. Я притаился за дверью и увидел, как Мук вышел из дому в сопровождении моего отца, который почтительно поддерживал его за руку и простился с ним у двери со множеством поклонов. На душе у меня было беспокойно. Поэтому я долго оставался в своем укрытии. Наконец голод, которого я боялся больше побоев, заставил меня выйти оттуда.

– Ты, я слышал, обидел доброго Мука? – сказал отец очень строго. – Я расскажу тебе историю этого Мука, и ты наверняка больше не будешь издеваться над ним. Но сперва и потом ты получишь обычную порцию.

Обычную же порцию составляли двадцать пять ударов. Отсчитав их, отец рассказал мне о Маленьком Муке.

Отец Маленького Мука был здесь, в Никее, человеком уважаемым, но бедным. Сына он недолюбливал, стыдась его внешности.

Но однажды старик упал, расшибся и умер, оставив Маленького Мука в бедности и невежестве. Жестокие родственники, которым умерший был должен больше, чем смог заплатить, выгнали мальчика из дома. Маленький Мук попросил лишь платье своего отца, и оно было ему отдано. Отец его был рослый, сильный человек, поэтому его одежды не пришлось впору. Мук обрезал то, что было чересчур длинно, и все надел на себя. Но он забыл, что одежды надо и сузить, и отсюда-то и странность его наряда. Большой тюрбан, широкий пояс, просторные шаровары, синий халатик – все это отцовские вещи, которые он с тех пор и носит. Заткнув за пояс дамаский кинжал отца и взяв палку, он вышел из ворот.

Если он видел на земле блестящее на солнце стеклышко, он непременно подбирал его, веря, что оно превратится в алмаз. Если он видел вдали сверкавший купол мечети или озеро, он спешил к ним, думая, что очутился в волшебной стране. Но вблизи миражи исчезали, и скоро его усталость и урчащий от голода желудок напоминали ему, что он все еще находится в стране смертных. Так шел он два дня. Полевые плоды были его единственной пищей, жесткая земля – постелью. На третье утро он увидел с холма большой город. Но хотя казалось, что город совсем близко, он достиг его только к полудню. Его маленькие ножки почти

вовсе отказывались служить ему, и он часто присаживался в тени пальмы, чтобы отдохнуть. Наконец он добрался до ворот города. Он поправил халатик, повязал покрасивей тюрбан, опоясался еще шире и заткнул за кушак длинный кинжал еще более косо. Затем он стряхнул пыль с башмаков, взял свою палочку и храбро вошел в ворота. Он прошагал уже несколько улиц. Но ни одна дверь не отворялась, никто не кричал, как он это представлял себе: «Маленький Мук, входи, ешь и пей и дай отдохнуть своим ножкам!»

Он с тоской глядел не на первый уже большой и красивый дом, как вдруг одно его окно распахнулось и какая-то старуха, выглянув, нараспев закричала:

– Каша поспела!

Дверь дома открылась, и Мук увидел, что туда направилось много собак и кошек. Он постоял, не зная, принять ли ему это приглашение. Наконец он собрался с духом и вошел в дом.

Поднявшись по лестнице, Мук встретил старуху. Она угрюмо посмотрела на него и спросила, что ему нужно.

– Ты ведь приглашала всех на свою кашу, – отвечал Маленький Мук, – и я тоже пришел. Старуха громко засмеялась.

– Откуда ты явился? Весь город знает, что я стряпаю только для кошек.

Маленький Мук рассказал ей, как туго пришлось ему после смерти отца, и попросил разрешить ему поесть сегодня с ее кошками. Старуха позволила ему быть ее гостем, накормила и напоила его. Когда он насытился, она сказала:

– Маленький Мук, оставайся служить у меня! Работа будет нетрудная, а житье хорошее.

Маленький Мук согласился и стал работником госпожи Ахавзи. Служба у него была легкая, но странная. У госпожи Ахавзи было два кота и четыре кошки. Каждое утро Маленький Мук должен был расчесывать им шерсть и умащать ее дорогими мазями. Когда хозяйка уходила из дому, он должен был присматривать за кошками и несколькими собачками. Мук вел такую же одинокую жизнь, как в доме отца. Кроме хозяйки, он весь день видел только собак и кошек. Он был всегда сыт и не перетруждался, и старуха была вполне довольна. Но постепенно кошки стали озорничать. Когда старуха уходила из дому, они как бешеные носились по комнатам, опрокидывали все вверх дном и разбивали порой прекрасную посуду, которая оказывалась у них на пути. Но, услышав, что хозяйка поднимается по лестнице, они забирались на свои подстилки и размахивали хвостами, приветствуя ее как ни в чем не бывало. Госпожа Ахавзи приходила в гнев, видя такой разгром в своих комнатах, и сваливала все на Мука.

Маленький Мук был очень огорчен и решил бросить службу у госпожи Ахавзи. Но он решил каким-нибудь способом получить жалованье, которое его повелительница всегда обещала, но никогда не платила. В доме госпожи Ахавзи была одна комната, всегда стоявшая запертой, куда он ни разу не заглядывал. Но ему очень хотелось узнать, что она там прячет. И ему пришло в голову, что там спрятаны сокровища старухи.

Как-то утром, когда госпожа Ахавзи ушла из дому, один из песиков, с которым хозяйка всегда обращалась очень неласково, но расположение которого Мук завоевал всяческими услугами, потянул его за широкую штанину, как бы приглашая Мука следовать за собой. Мук последовал за ним, и песик повел его в спальню госпожи Ахавзи, к маленькой двери, которой Мук никогда прежде не замечал там. Дверь была полуоткрыта. Песик вошел в нее, и Мук следом, и каково же было его удивление, когда он увидел, что находится в той комнате, которая давно уже была предметом его желаний. Кругом были только старые платья да сосуды диковинной формы. Один из этих сосудов был хрустальный, и на нем были вырезаны прекрасные фигуры. Мук поднял его и повертел во все стороны. Но он не заметил крышки, едва державшейся сверху. Крышка упала и разбилась на тысячу осколков.

Долго стоял Маленький Мук, оцепенев от ужаса. Теперь ничего не оставалось, как пуститься наутек. Тут взгляд его упал на пару очень больших туфель. Красивыми их нельзя было назвать, но его собственные уже не выдержали бы никаких путешествий. Кроме того, туфли эти привлекали его своим размером: надень он их на ноги, все сразу увидишь, что он вышел из детского возраста. Поэтому он быстро снял свои туфельки и обулся в большие, прихватил тросточку с красивым резным набалдашником в виде львиной головы и поспешил прочь. Он быстро прошел в свою каморку, надел свой халатик, отцовский тюрбан, засунул за кушак кинжал и помчался прочь.

Никогда в жизни он не бегал так быстро, и ему показалось даже, что он просто не может остановиться. Его несла, казалось, какая-то невидимая сила. Наконец он заметил, что с туфлями творится что-то странное: они все время стремились вперед и тащили его с собой. Он пытался остановиться, но это никак не удавалось. Тогда в отчаянии он крикнул самому себе, как кричал лошадям:

– Эй, эй, тпру, эй!

И тут туфли остановились, и Мук в изнеможении повалился на землю. Все-таки он нажил своим трудом что-то, что могло помочь ему в мире, в поисках счастья. Он уснул от усталости. Ему приснился песик и сказал: «Мук, ты еще не совсем разобрался в том, как пользоваться этими туфлями. Если ты в них трижды повернешься на каблуке, ты сможешь полететь куда тебе вздумается, а тросточкой можно находить клады. Где зарыто золото, тросточка ударит о землю трижды, а где серебро – дважды».

Проснувшись, Мук надел туфли, приподнял одну ногу и начал вертеться на каблуке. Он пожелал очутиться в ближайшем большом городе, и тотчас же туфли взмыли вверх, и не успел Маленький Мук опомниться, как очутился на большой рыночной площади. Он потолкался в толпе, но вскоре подался в более тихую улицу. Ведь на рынке одни наступали ему на туфли, а других он задевал своим кинжалом.

Маленький Мук задумался, как заработать немного денег. У него, правда, была тросточка, указывавшая на спрятанные сокровища, но как мог он сразу найти место, где зарыто золото или серебро? Наконец он решил наняться к королю скороходом. В воротах дворца стояла стража. Когда он сказал, что ищет службы, его направили к надсмотрщику над рабами. Мук попросил себе места среди королевских гонцов. Надсмотрщик смерил его глазами с головы до ног и сказал:

– Это с твоими-то ножками, которые чуть ли не короче пяди, ты хочешь стать королевским скороходом? Убирайся прочь!

Маленький Мук заверил его, что не шутит, и согласился потягаться с самым быстрым гонцом.

Надсмотрщику это показалось забавным. Он отвел Мука на кухню, чтобы его как следует накормили и напоили, а сам отправился к королю и рассказал ему о Маленьком Муке. Королю пришлось по душе, что надсмотрщик задержал Маленького Мука потехи ради. Он приказал надсмотрщику приготовить все на большой лужайке за дворцом таким образом, чтобы весь двор мог с удобством наблюдать за этим состязанием, и еще раз наказал ему окружить карлика величайшей заботой.

Когда король, его сыновья и дочери, а также все слуги и придворные заняли места на помосте вокруг лужайки, где должно было проводиться состязание, Маленький Мук отвесил изящный поклон. Крошечное туловище с могучей головой, халатик и широкие шаровары, длинный кинжал за широким поясом, маленькие ножки в просторных туфлях – нет, все это было слишком забавно, чтобы не расхохотаться! Но хохот не обескуражил Маленького Мука. Он принял гордую позу и стал ждать своего противника. Надсмотрщик выбрал, как того пожелал Мук, самого лучшего бегуна. И вот этот бегун вышел, стал рядом с карли-

ком, и оба замерли в ожидании знака. Тогда принцесса Амарза взмахнула покрывалом, и оба бегуна полетели вперед.

Сперва противник Мука заметно ушел вперед. Но, пустившись за ним в своих самоходных туфлях, Мук догнал его, потом перегнал и давно уже стоял у цели, когда тот только подбегал к ней, тяжело дыша. На миг зрители оцепенели от неожиданности и удивления. Но когда король первым захлопал в ладоши, все стали кричать:

– Да здравствует Маленький Мук!

– Ты станешь моим личным скороходом и находиться будешь всегда при моей особе, дорогой Мук, – сказал король.

Король поручал ему самые срочные и самые тайные послания. Но слугам короля было неприятно, что к какому-то карлику их повелитель благоволил теперь больше, чем к ним. Поэтому они строили козни, чтобы его свалить. Мук знал об их происках, но о мести не помышлял.

Мук всегда брал с собой свою тросточку, надеясь найти золото. Как-то вечером в отдаленной части дворцового сада он вдруг почувствовал, что тросточка в его руке задрожала и трижды ударилась о землю. Он вытащил кинжал, сделал зарубки на ближайших деревьях и вернулся во дворец. Мук дождался ночи и принялся за дело. Он вырыл яму глубиной в несколько футов и наткнулся на что-то твердое, а вскоре увидел большую железную крышку. В яме был большой горшок с золотыми монетами! Но поднять горшок у Мука не хватило сил. Поэтому он насовал в шаровары, халатик и пояс столько монет, сколько мог донести, а остальное закрыл крышкой. Незаметно пробравшись к себе в комнату, он спрятал золото под подушками дивана.

Золото, которое Маленький Мук отныне раздавал налево и направо, вызвало зависть. Его враги сговорились между собой и заронили в короле подозрение, что Мук украл деньги из казны. Король велел тайно следить за каждым шагом Маленького Мука, чтобы застичь его на месте преступления. И когда однажды Маленький Мук схватил лопату и шмыгнул в дворцовый сад, чтобы взять там новый запас золота, за ним последовали караульщики во главе с главным поваром и казначеем, и, когда он стал перекладывать золото из горшка в свой халатик, они набросились на него, связали и отвели к королю. Горшок был целиком выкопан из земли и вместе с лопатой и полным золота халатиком принесен к ногам короля. Казначей доложил, что он со своими караульщиками застал Мука врасплох, когда тот зарывал в землю этот горшок.

Маленький Мук сказал, что нашел этот горшок в саду и что он его не закапывал, а откапывал. Король, разгневанный его мнимой наглостью, вскричал:

– Ты глупо и гнусно лжешь своему королю, после того как его обокрал!

Король велел заковать Маленького Мука и отвести в башню.

Маленький Мук знал, что кража королевского добра карается смертной казнью, и все-таки не хотел выдавать королю тайну своей тросточки, боясь, что ее отнимут у него вместе с туфлями. От туфель его, к сожалению, помощи не было: прикованный к стене короткими цепями, он, сколько ни мучился, никак не мог повернуться на каблуке. Но когда ему на следующий день объявили смертный приговор, он, решив все-таки, что лучше жить без волшебной палочки, чем умереть с нею, попросил, чтобы король выслушал его без свидетелей, и открыл ему свою тайну. Сначала король не поверил, но Маленький Мук вызвался продемонстрировать опыт, если король пообещает ему, что его не убьют. Король дал Муку честное слово и, велев тайком от него зарыть немного золота, приказал ему поискать зарытое своей тросточкой. Через несколько мгновений тросточка явственно трижды ударилась о землю. Теперь король понял, что его казначей обманщик, но Маленькому Муку сказал:

– Я обещал сохранить тебе жизнь, но ты владеешь не только этой тайной. Поэтому ты останешься в вечном заточении, если не признаешься, в чем тайна твоего быстрого бега.

И Маленький Мук признался, что все его искусство заключено в туфлях, но не открыл тайны поворотов на каблуке. Король сам обул туфли и стал как безумный носиться по саду. Он не знал, как остановить туфли, и Маленький Мук, который не мог отказать себе в этой маленькой мести, предоставил королю бегать, пока тот не упал в обморок.

Когда король пришел в себя, он был страшно зол на Маленького Мука.

– Я дал слово даровать тебе свободу и жизнь. Но в течение двенадцати часов ты должен покинуть мою страну, иначе я велю повесить тебя!

А туфли и посошок король приказал отправить в свою сокровищницу.

Страна, откуда выгнали Мука, была, к счастью, невелика. Поэтому он скоро оказался на границе, хотя без волшебных туфель идти ему было очень несладко.

В густом лесу он набрел на прозрачный ручей, защищенный большими тенистыми смоковницами. Превосходные спелые смоквы висели на деревьях. Мук влез на дерево, чтобы сорвать несколько штук, с удовольствием поел, а потом спустился к ручью, чтобы утолить жажду. Но вода показала ему его голову украшенной двумя огромными ушами и толстым, длинным носом!

Он стал бродить под деревьями и, когда снова проголодался, вынужден был опять есть смоквы, так как больше ничего съедобного не было, и почувствовал, что его уши исчезли. Он побежал к ручью – и правда, уши его приняли прежний вид, а длинного безобразного носа как не бывало. Но теперь он заметил, как это получилось: от первой смоковницы он получил длинные нос и уши, а вторая исцелила его. Он сорвал с каждого дерева столько плодов, сколько мог унести, и отправился обратно в страну, которую недавно покинул. Там он, переодевшись, изменил до неузнаваемости свою внешность, а затем пошел дальше в город, где жил король.

Маленький Мук уселся под воротами дворца: он знал, что здесь такие редкие лакомства покупает для королевского стола главный повар. Недолго посидев, Мук увидел, как через двор к воротам шагает главный повар. Тот стал осматривать товары торговцев, собравшихся у ворот дворца. Наконец его взгляд упал на корзиночку Мука.

– Сколько хочешь за всю корзинку? – спросил он.

Маленький Мук назвал умеренную цену, и они вскоре пришли к согласию. Главный повар передал корзинку рабу и пошел дальше. Маленький же Мук поскорей улизнул.

Король пребывал за едой в очень веселом настроении и то и дело восхвалял своего главного повара за его славную кухню и за старательность, с какой тот всегда отыскивает для него самое редкое. А когда повар велел подать прекрасные смоквы, из уст присутствующих вырвалось одно общее «ах!».

– Какие спелые, какие аппетитные! – воскликнул король.

С этими словами король собственноручно распределил смоквы между обедавшими. Каждый принц и каждая принцесса получили по две, придворные дамы и визири – по одной, а остальные смоквы он поставил перед собой и принялся поглощать их в свое удовольствие.

– Боже мой, какой у тебя чудной вид, отец! – воскликнула вдруг принцесса Амарза.

Все удивленно взглянули на короля. С головы у него свисали огромные уши, а предлинный нос спускался ниже подбородка. Да и все присутствующие были украшены таким странным убранством.

Тотчас же послали за всеми врачами города. Они пришли толпой, назначили таблетки и микстуры. Но уши и носы не исчезали.

Услышав эту историю, Мук решил, что пора действовать. На деньги, вырученные за смоквы, он приобрел себе одежду, которая могла выдать его за ученого, и приклеил длинную бороду из козьей шерсти. Он явился во дворец и, назвавшись чужеземным врачом, предложил свою помощь. Маленький Мук дал одному из принцев съесть смокву и тем самым вернул его уши и нос в прежнее состояние. Тогда король отвел его в сокровищницу.

– Вот мои сокровища, – сказал король, – выбери себе что угодно, только избавь от напасти.

Войдя, Маленький Мук сразу увидел, что на полу стоят его туфли, а рядом с ними лежит тросточка. Он стал обходить зал, делая вид, что любит сокровищами. Но как только он дошел до своих туфель, он поспешно сунул в них ноги, схватил свою тросточку и сорвал с себя накладную бороду.

– Вероломный король, – сказал он, – ты отплатил неблагодарностью за верную службу, так будет тебе наказанием уродливый облик. Я оставляю тебя с этими ушами, чтобы они каждый день напоминали тебе о Маленьком Муке.

Сказав это, он быстро повернулся на каблуке, пожелал унести далеко-далеко, и, прежде чем король успел позвать на помощь, Маленького Мука и след простыл.

С тех пор Маленький Мук живет в большом достатке, но одиноко. Он стал мудрым человеком, который, несмотря на несколько странную внешность, заслуживает восхищения.

Вот что рассказал мне мой отец. Я выразил ему свое раскаяние, и отец освободил меня от второй половины назначенного мне наказания. Я рассказал своим товарищам о чудесных приключениях карлика, и мы так полюбили его, что никому уже и в голову не приходило его дразнить.

Калиф-аист

Однажды багдадского калифа Хасида посетил великий визирь Манзор. Вид у него был очень задумчивый.

– Почему у тебя такое задумчивое лицо, великий визирь? – спросил калиф.

Великий визирь скрестил на груди руки, поклонился своему повелителю и ответил:

– Не знаю, задумчивое ли у меня лицо, но там, внизу у дворца, стоит мелочной торговец, и у него такие чудесные вещи, что мне досадно: отчего у меня столь мало лишних денег!

Калиф, давно уже хотевший порадовать своего великого визиря, послал раба за торговцем. Тот принес ларь со всяческими товарами. Калиф купил себе и Манзору пистолеты, а жене визиря гребень. Когда торговец уже закрывал свой ларь, калиф увидел выдвижной ящичек и спросил, нет ли там еще какого-нибудь товара. Торговец выдвинул ящик и извлек оттуда коробочку с черноватым порошком и листок бумаги со странными письменами.

– Мне досталось это от одного купца, который нашел их в Мекке на улице, – сказал торговец. – Не знаю, что в них таится.

Калиф, охотно приобретающий для своей библиотеки старинные рукописи, купил грамотку и коробочку и спросил визиря, не знает ли тот кого-нибудь, кто мог бы разобрать, что здесь написано.

– У мечети живет Селим, он знает все языки, – отвечал визирь.

И Селим был вскоре доставлен.

– Селим, – сказал ему калиф, – говорят, что ты человек очень ученый. Взгляни-ка на эту грамотку. Если сумеешь прочесть ее, то получишь от меня новую праздничную одежду, а если нет – двенадцать оплеух и двадцать пять ударов по пяткам.

Селим поклонился и долго разглядывал грамотку. Вдруг он воскликнул:

– Это по-латыни, о повелитель, пусть меня повесят, если я ошибаюсь!

– Скажи, что там написано, – приказал калиф.

Селим принялся переводить:

– «Кто понюхает порошок из этой коробочки и произнесет слово «мутабор», тот превратится в любое животное и будет понимать язык животных. А если он пожелает вернуть себе человеческий облик, пусть трижды поклонится на восток и произнесет это же слово! Но если рассмеешься, то забудешь волшебное слово и навеки останешься животным».

Калиф обрадовался и велел Селиму поклясться, что никому ничего не скажет об этой тайне, подарил ему прекрасную одежду и отпустил его. А своему великому визирю сказал:

– Мне не терпится превратиться в животное! Приходи ко мне завтра с утра пораньше! Мы пойдем вместе в поле и послушаем, что говорят звери!

На следующее утро калиф приказал своей свите остаться во дворце и отправился с великим визирем на прогулку. У пруда они увидели аиста, он искал лягушек, а другой как раз подлетал к этому месту.

– Я отдам свою бороду, – сказал великий визирь, – если эти две птицы не поведут между собой любопытного разговора. Уж не стать ли нам аистами?

– Согласен! – отвечал калиф.

Калиф вынул из-за пояса коробочку, понюхал, протянул ее визирю, и оба воскликнули:

– Мутабор!

Ноги их сморщились и стали тонкими и красными, туфли превратились в лапки, руки – в крылья, шея стала в локоть длиной, борода исчезла, а тело покрыли перья.

– Славный у вас клюв, господин великий визирь, – сказал калиф.

– Покорнейше благодарю, – отвечал великий визирь, – но осмелюсь заметить, что в виде аиста ваше величество чуть ли не еще прекраснее, чем в виде калифа.

Тем временем второй аист почистил клювом лапы, пригладил перья и подошел к первому. А оба новых аиста – калиф и визирь – услышали такой разговор.

– Доброе утро, госпожа Длинные ноги, в такую рань уже на лугу?

– Благодарю вас, дорогая Острый клюв! Я устроила себе легкий завтрак. Не угодно ли вам четвертушки ящерицы?

– Покорнейше благодарю. Сегодня у меня нет аппетита. Я пришла на луг совсем по другому делу. Сегодня мне предстоит танцевать перед гостями отца, и я хочу немножко поупражняться.

И молодая аистиха зашагала по полю, выделявая диковинные колена. Калиф и Манзор изумленно глядели ей вслед. А когда она стала на одну ногу и изящно помахала при этом крыльями, оба не смогли совладать с собой: безудержный хохот вырвался из их клювов. Первым пришел в себя калиф.

– Такая потеха, – воскликнул он, – дороже всякого золота!

Но тут великий визирь вспомнил, что смеяться запрещено.

– Ах, как было бы скверно остаться аистом! – воскликнул калиф. – Это дурацкое слово вылетело у меня из головы.

– Нам нужно трижды поклониться на восток и произнести при этом...

Они повернулись к востоку и принялись кланяться. Но волшебного слова они не помнили...

Заколдованные калиф и визирь понятия не имели, как помочь своей беде. Избавиться от обличья аистов они не могли, вернуться в город не могли тоже; ведь кто поверил бы аисту, что он калиф? А если бы кто и поверил, то разве захотели бы жители Багдада, чтобы калифом у них был аист?

Так они слонялись много дней, скудно кормясь полевыми плодами, которые им, впрочем, из-за их длинных клювов было неудобно употреблять в пищу. Ящерицы же и лягушки не возбуждали у них аппетита, ибо они боялись испортить себе желудок такими лакомствами. Единственное удовольствие в этом печальном положении доставляла им возможность летать, и они часто летали на крыши Багдада, чтобы поглядеть, что там делается.

В первые дни они замечали большое беспокойство и уныние на улицах. Но день этак на четвертый после своего превращения они сели на дворец калифа, и тут они увидели внизу на улице пышное шествие. Гремели барабаны и трубы, человек в златотканом ярко-красном халате, окруженный блестящими слугами, восседал на разукрашенном коне. ПолБагдада бежало следом за ним, и все кричали: «Да здравствует Мицра, владыка Багдада!»

Тут аисты на крыше дворца переглянулись, и калиф Хасид сказал:

– Ты теперь догадался, почему меня заколдовали, великий визирь. Этот Мицра – сын моего смертельного врага, могучего волшебника Кашнура. Но я еще не теряю надежды. Мы отправимся к могиле пророка. Быть может, в священном месте чары спадут.

Они полетели в сторону Медины.

– О повелитель, – заохал через несколько часов великий визирь, – я долго не выдержу... Вы слишком быстро летите! И нужно где-то заночевать!

Калиф увидел внизу какие-то развалины, и они полетели туда. Место это было, по видимому, когда-то дворцом. Калиф и визирь стали обходить галереи в поисках сухого местечка.

– Владыка и повелитель, – прошептал аист Манзор, – здесь рядом ясно слышны вздохи и стоны.

Калиф остановился и услышал тихий плач, наводивший на мысль скорее о человеке, чем о животном. Хасид хотел пойти туда, откуда доносились эти жалобные звуки. Но визирь схватил его клювом за крыло и стал умолять не пускаться в новые, неведомые и опасные приключения. Калиф, в чьей груди билось храброе сердце, вырвался и поспешил в темный про-

ход. Вскоре он достиг двери, которая показалась незапертой. Он ключом распахнул дверь, но остановился на пороге. Он увидел на полу большую ночную сову. Густые слезы катились из ее круглых глаз. Но, увидав калифа и визиря, она вытерла слезы крылом и воскликнула на арабском языке:

– Добро пожаловать, аисты! Когда-то мне было предсказано, что благодаря аистам я обрету великое счастье!

Калиф склонил длинную шею и сказал:

– Ночная сова! Судя по твоим словам, ты наша подруга по несчастью. Но увы! Твоя надежда спастись благодаря нам напрасна. Ты сама признаешь нашу беспомощность, если услышишь нашу историю.

Сова попросила рассказать ее.

Когда калиф изложил свою историю сове, та поблагодарила его и сказала:

– Послушай и ты мою историю. Мой отец – царь Индии, меня, его единственную дочь, зовут Луза. Тот самый волшебник Кашнур, который заколдовал вас, явился некогда к моему отцу и потребовал отдать меня в жены его сыну Мицре. Но мой отец, человек вспыльчивый, велел спустить его с лестницы. Этот негодяй умудрился пробраться ко мне снова, и однажды, когда я в своем саду пожелала освежиться прохладительными напитками, он, переодетый рабом, поднес мне питье, которое превратило меня в эту мерзкую птицу. Когда я от ужаса лишилась сознания, он доставил меня сюда и страшным голосом крикнул: «Безобразная, отвратительная даже животным, ты останешься здесь до самого своего конца или до тех пор, пока кто-нибудь по доброй воле не пожелает взять тебя в жены даже в этом страшном обличье. Так отомщу я тебе и твоему гордому отцу». С тех пор одиноко и грустно живу я затворницей в этих развалинах, ненавистная миру, омерзительная даже животным. Днем я слепа, и только когда луна льет свой свет на эти развалины, с глаз моих спадает темная пелена.

– Если я не ошибаюсь, – сказал калиф, – между нашими бедами имеется тайная связь. Но где мне найти ключ к этой загадке?

– Пожалуй, я знаю, как нам спастись, – ответила сова. – Кашнур раз в месяц посещает эти развалины. Неподалеку отсюда есть зал, где он пирует со своими товарищами. Они рассказывают друг другу о своих гнусных делах. Может, тут-то он и произнесет волшебное слово, которое вы забыли.

– Скажи, когда он явится и где этот зал! – воскликнул калиф.

Помолчав, сова сказала:

– Не сердитесь, но ваше желание я могу выполнить лишь при одном условии.

– Говори! – вскричал Хасид. – Я согласен на любое условие!

– Я тоже хочу освободиться. А это возможно только в том случае, если один из вас предложит мне стать его женой.

Это условие несколько смутило аистов, и калиф сделал знак визирю выйти с ним на минутку.

– Великий визирь, – сказал калиф за дверью, – вы могли бы и жениться.

– Чтобы моя жена, когда я вернусь домой, выцарапала мне глаза? – ответил тот. – К тому же я человек старый, а вы еще молоды и не женаты, и можете предложить руку юной прекрасной принцессе.

– Кто тебе сказал, что она молода и прекрасна? – вздохнул калиф.

Они еще долго уговаривали друг друга. Наконец, убедившись, что визирь скорее останется аистом, чем женится на сове, калиф решил сделать это сам. Сова обрадовалась и призналась им, что они пришли как раз вовремя, потому что волшебники соберутся в эту же ночь.

Вместе с аистами она покинула свое помещение. Они долго шли по темному проходу. Наконец в полуразрушенной стене засиял свет. Через пролом был хорошо виден большой зал, украшенный колоннами и великолепно убранный. Множество ламп заменяло дневной свет. Посреди зала стоял круглый стол, уставленный изысканными кушаньями. Вокруг стола тянулся диван, на котором сидело восемь мужчин. В одном из них аисты узнали торговца, который продал им волшебный порошок. Он рассказывал историю калифа и его визиря.

– Какое же слово ты задал им? – спросил его другой волшебник.

– Это очень трудное латинское слово – «мутабор».

Услышав это, аисты так быстро побежали на своих длинных ногах к воротам разрушенного дворца, что сова еле поспевала за ними. Там калиф растроганно сказал ей:

– Спасительница моей жизни и жизни моего друга, в знак вечной благодарности возьми меня в мужья!

Они повернулись к востоку и трижды поклонились в сторону солнца, которое только что взошло над горами.

– Мутабор! – воскликнули они.

В тот же миг они приняли прежний вид и бросились друг другу в объятия. Когда они оглянулись, перед ними стояла прекрасная девушка. Улыбаясь, она протянула калифу руку.

– Вы уже не узнаете ночную сову? – спросила она.

В восторге от ее красоты и изящества калиф воскликнул, что превращение в аиста было его величайшим счастьем.

Они отправились в Багдад. Калиф нашел в своих одеждах не только коробочку с порошком, но и кошелек с деньгами. В ближайшей деревне он купил все необходимое для путешествия, и вскоре они достигли ворот Багдада.

Калифа уже объявили умершим, поэтому народ был очень рад, что снова обрел своего любимого повелителя.

Люди двинулись во дворец и взяли в плен старого волшебника и его сына – обманщика Мицру. Старика калиф отправил в тот самый полуразрушенный дворец, где жила, будучи совой, принцесса, и велел его там казнить. Сыну же калиф предоставил на выбор – умереть или понюхать волшебного порошка. Тот выбрал второе и превратился в аиста. Калиф велел запереть его в железную клетку и выставить в своем саду.

Долго и весело жил калиф Хасид со своей женой-принцессой. Самыми веселыми его часами были всегда те, когда его под вечер навещал великий визирь. Они часто говорили о своем приключении, и иногда калиф снисходил до того, что изображал визиря в виде аиста. Тогда он чинно шагал по комнате не сгибая ног, цокал, размахивал руками, как крыльями, и показывал, как визирь тщетно кланялся на восток, покрикивая: «Му... му... му...» Его жене и детям это доставляло большое удовольствие. Но когда калиф слишком уж долго цокал, и кланялся, и покрикивал: «Му... му... му...», визирь, улыбаясь, грозил ему, что расскажет госпоже об одной сделке, заключенной у двери принцессы-совы.

Карлик Нос

Водном большом немецком городе жил с женой один сапожник. Целый день он сидел на углу улицы, чинил башмаки и туфли и делал новые.

Жена его торговала овощами и фруктами, и покупателей у нее было много, потому что она умела лучше всех разложить и показать свой товар.

У них был сын, красивый мальчик, который обычно помогал женщинам и поварам донести овощи до дома.

Хозяевам этих поваров нравилось, когда в дом приводили такого красивого мальчика, и они всегда щедро его одаривали.

Однажды жена сапожника сидела, как обычно, на рынке. Перед ней стояло несколько корзин с овощами, травами и семенами, ранними грушами, яблоками и абрикосами. Якоб – так звали мальчика – сидел рядом с ней и выкрикивал:

– Эй, господа, поглядите, какая прекрасная капуста, как дивно пахнут эти коренья! Ранние груши, хозяйки, ранние яблоки и абрикосы! Покупайте!

Мимо проходила какая-то старуха, оборванная и обтрепанная. У нее было маленькое личико, все в морщинах, красные глаза и остроконечный, крючком, длинный нос. Она шла, опираясь на длинную палку, хромая, ковыляя, шатаясь.

Жена сапожника уже шестнадцать лет каждый день сидела на рынке, а ни разу не видела этой старухи.

– Взглянем на травки, есть ли у тебя то, что мне нужно, – сказала старуха и, роясь своими коричневыми, уродливыми руками в корзинке с травами, стала вытаскивать оттуда длинными пальцами пучки, которые были так красиво уложены, а затем подносить их один за другим к носу и обнюхивать со всех сторон.

У жены сапожника надрывалось сердце при виде того, как обходилась с ее редкими травами эта старуха. Но она не осмеливалась ничего сказать, потому что проверить товар – право покупателя, а кроме того, она почему-то боялась старухи. Перерыв всю корзину, та пробормотала:

– Дрянь товар. То ли дело пятьдесят лет назад! Дрянь товар!

– Да ты же просто бессовестная старуха! – воскликнул Якоб. – Сначала ты запускаешь свои гадкие пальцы в прекрасные травы и мнешь их, затем подносишь их к своему длинному носу, после чего никому, кто видел это, не захочется их покупать, а теперь ты еще называешь наш товар дрянью, а ведь повар самого герцога все покупает у нас!

Старуха покосилась на него, гнусно рассмеялась и сипло сказала:

– Тебе, значит, не нравится мой нос, мой красивый длинный нос? Ну что ж, и у тебя вырастет на лице такой же – до самого подбородка.

С этими словами она принялась за корзину, где лежала капуста. Беря в руку самые красивые белые кочаны, она сжимала их так, что они кряхтели, затем швыряла как попало назад в корзину и опять говорила:

– Дрянь товар!

– Не трясись так противно головой! – испуганно крикнул мальчик. – Ведь шея у тебя не толще кочерыжки, долго ли ей переломиться?

– Тебе не нравятся тонкие шеи? – пробормотала старуха со смехом. – Ну что ж, у тебя и вовсе шеи не будет; голове придется уйти в плечи, чтобы не свалиться с тельца.

– Хватит вам болтать вздор! – сказала жена сапожника. – Если вы хотите что-нибудь купить, то поторопитесь.

– Хорошо! – воскликнула старуха, метнув на нее злобный взгляд. – Я куплю у тебя эти шесть кочанов. Но позволь своему сыночку доставить мне товар на дом. Я заплачу ему.

Мальчик не хотел идти с ней и заплакал. Но мать строго приказала ему отнести капусту и не вваливать такую ношу на старую слабую женщину. Он повиновался и пошел за старухой с рынка.

В отдаленной части города она наконец остановилась у ветхой хижины.

Вынув из кармана старый ржавый крючок, она ловко вставила его в маленькую замочную скважину, и дверь со скрежетом распахнулась. Но внутри потолок и стены были мраморные, утварь – из прекраснейшего черного дерева с украшениями из золота и камней, а пол – стеклянный и такой гладкий, что мальчик поскользнулся и упал. Старуха же вынула из кармана серебряную дудочку и подула в нее. Тотчас по лестнице спустились несколько морских свинок. Ходили они прямо, на двух лапках, обутых в ореховые скорлупки, а одеты были по-человечески и даже носили модные шляпы.

– Куда вы девали мои туфли? – крикнула старуха и стала колотить их палкой. – Долго ли мне еще так стоять?

Они быстро взбежали по лестнице и вернулись с двумя скорлупами кокосового ореха, усталыми внутри кожей, которые ловко надели старухе на ноги.

Теперь ее хромоты и ковыляния как не бывало. Она отшвырнула палку и заскользила по стеклянному полу, таща за собой Якоба за руку. Наконец она остановилась в комнате, которая напоминала кухню.

– Садись, – сказала старуха, прижав мальчика к углу одного из диванов и поставив перед ним стол так, чтобы Якоб уже не мог выбраться. – Теперь я должна дать тебе что-нибудь в награду. Я сварю такого супчику, который запомнится тебе на всю жизнь.

Она снова подула в дудочку, и явилось множество морских свинок. На них были фартуки, а за поясом торчали половники и кухонные ножи. Затем прискакала целая орава белок. На них были широкие турецкие штаны и зеленые бархатные шапочки, они ходили на задних лапах. Это были, по-видимому, повара. Вот взвился огонь, вот что-то задымилось и закипело на сковородке, и приятный запах распространился по комнате.

В горшке забулькало и зашипело, из него пошел пар, и пена побежала в огонь. Старуха сняла горшок, вылила варево в серебряную миску и поставила ее перед Якобом.

Суп был отменно вкусным. Он благоухал травами и пряностями, был кисло-сладкий и очень крепкий.

Когда Якоб доедал последние капли этого чудесного супа, морские свинки зажгли арабское куренье, и по комнате поплыли синеватые клубы дыма. Запах опьянял мальчика, и наконец он уснул на диване старухи.

Ему снилось, будто старуха сняла с него одежду и напялила на него беличью шкурку. Теперь он мог, как белка, прыгать и лазить. Он дружил с прочими белками и морскими свинками и служил с ними у старухи. Сперва он должен был смазывать постным маслом и натирать до блеска кокосовые скорлупки, которые старуха носила вместо туфель.

Приблизительно через год, снилось ему, он должен был еще с несколькими белками ловить пылинки в солнечных лучах и просеивать их через тончайшее волосяное сито. Старуха считала пылинки нежнейшей вещью на свете, и хлеб для нее пекли из пылинок.

Еще через год он был переведен к слугам, которые собирали старухе воду для питья. Белки, и с ними Якоб, должны были вычерпывать скорлупками лесных орехов росу из роз, и она-то и служила старухе питьевой водой. Пила старуха очень много, поэтому работа у водоносов была тяжелая.

Через год он был поставлен обслуживать дом. Его обязанностью было содержать в чистоте полы. А так как полы были из стекла и любое пятнышко на них бросалось в глаза, работа эта была совсем нелегкая. Приходилось тереть полы щетками и, привязав к ногам старые суконки, скользить на них по комнате.

На пятый год его наконец перевели на кухню. Это было почетное место, получить которое можно было только после долгого испытания. Якоб начал там поваренком и, дослужившись до старшего паштетника, приобрел такое необыкновенное мастерство и такой опыт во всех кухонных делах, что сам себе удивлялся. Труднейшие блюда, паштеты из двухсот составных частей, супы сразу из всех растущих на земле трав – все он умел приготовить быстро и вкусно.

Так на службе у старухи прошло семь лет.

И вот однажды она приказала ему ощипать курицу, начинить ее травами и зажарить к своему приходу. Он сделал это по всем правилам искусства: свернул курице шею, ошпарил ее кипятком, ловко ощипал, затем поскоблил кожу, чтобы та стала гладкой и нежной, и выпотрошил ее. Потом он стал собирать травы для начинки. Но в кладовке, где хранились травы, он заметил на этот раз стенной шкафчик с полуоткрытой дверкой, которого никогда прежде не замечал. Он с любопытством подошел поближе, и в шкафчике оказалось много корзиночек, от которых шел сильный приятный запах. Он открыл одну из них и нашел травку какого-то особого вида и цвета. Стебли и листья были синева-зеленые, а цветок маленький, огненно-красный с желтой каемкой. Он внимательно осмотрел цветок и обнюхал его. Оказалось, что цветок этот источает тот же душистый запах, которым когда-то благоухал сваренный ему старухой суп. Но запах был такой душистый, что Якоб начал чихать, чихал все сильнее и наконец проснулся.

Лежа на диване старухи, он удивленно огляделся вокруг. «Бывают же такие яркие сны! – сказал он себе. – Готов поклясться, что я был несчастной белкой, товарищем морских свинок, но при этом великим поваром. Ну и посмеется же мать, когда я все ей расскажу! Но, наверно, она и побранит меня за то, что я уснул в чужом доме, вместо того чтобы помогать ей на рынке». С этими мыслями он поднялся, чтобы уйти. Все тело его, однако, совсем одеревенело от сна, особенно затылок, он просто не мог как следует пошевелить головой.

Когда он пришел на рынок, мать сидела на своем месте, и в корзине у нее было еще довольно много овощей, значит, спал он недолго. Но ему издали показалось, что она очень печальна: она не зазывала покупателей и сидела, подперев голову рукой.

Наконец он собрался с духом, подкрался к ней сзади, ласково положил руку ей на плечо и сказал:

– Матушка, что с тобой? Ты зла на меня?

Женщина обернулась к нему и тут же отпрянула.

– Что тебе нужно, гадкий карлик? – воскликнула она. – Иди прочь! Терпеть не могу таких шуток.

– Да что с тобой, матушка? – спросил Якоб испуганно.

– Ступай своей дорогой! – сердито ответила Ханна. – У меня ты ничего не заработаешь своим кривляньем, гадкий уродец!

«Право же, Бог отнял у нее разум!» – подумал Якоб.

– Образумься, милая матушка, я ведь твой сын, твой Якоб.

– Взгляните-ка на этого гадкого карлика! – обратилась Ханна к соседке. – Он смеется над моим горем. Бессовестный!

Тут соседки начали на чем свет стоит бранить его за то, что он смеется над горем бедной Ганны, у которой семь лет назад украли красавца мальчика, и грозить, что если он не уберется, они набросятся на него и исцарапают.

Бедный Якоб не знал, что ему обо всем этом и думать. Ведь он немножко поспал и вернулся, а мать и соседки говорят о каких-то семи годах! И называют его мерзким карликом!

Глаза его наполнились слезами, и он печально побрел к лачуге, где сапожничал его отец. Дойдя до хибары сапожника, он стал у двери. Мастер был так занят работой,

что не заметил его. Но, случайно взглянув потом на дверь, он уронил на пол башмак, дратву и шило и вскрикнул:

– Боже мой, что это?

– Добрый вечер! – сказал Якоб, входя в лавку. – Как поживаете?

– Плохо! – отвечал отец, не узнавая Якоба. – Дело у меня перестало ладиться. Я старею, а подмастерье мне не по средствам.

– Разве у вас нет сына, который мог бы помогать вам в работе? – спросил Якоб.

– Был у меня сын, звали его Якоб, сейчас это был бы парень двадцати лет, который еще как смог бы мне помогать. Уже в двенадцать лет он был услужлив и ловок и в ремесле уже смыслил, да и собой был хорош. Он приманил бы мне таких заказчиков, что я скоро перестал бы чинить старье, а тачал бы только новую обувь!

– Где же он? – дрогнувшим голосом спросил Якоб.

– Бог знает, – отвечал тот. – Семь лет назад его украли у нас на рынке. Помню, как жена пришла домой плача и крича, что прождала мальчика весь день, везде искала его и не нашла. Пришла на рынок какая-то уродливая старуха и купила столько, что ей самой не снести. Моя жена послала с ней нашего мальчика и больше его не видела. Мы объявили о пропаже, ходили по домам, расспрашивали. Все напрасно. И ту женщину тоже никто не знал. Но одна древняя старуха сказала, что это была злая фея Травознайка, которая раз в пятьдесят лет приходит в наш город за покупками.

Мальчик понял, что не сон видел, а семь лет прослужил у злой феи. Семь лет юности украли у него старуха, а что он получил взамен? Научился чистить туфли из кокосового ореха и мыть стеклянный пол! Узнал все тайны кухни! Он молчал несколько мгновений. Наконец отец спросил его:

– Не угодно ли вам заказать у меня что-нибудь? Например, пару туфель или футляр для вашего носа?

– Дался же вам мой нос, – сказал Якоб. – Зачем мне футляр для него?

– Что ж, – отвечал сапожник. – Это дело вкуса. Но будь у меня такой страшный нос, я заказал бы футляр для него из розовой лакированной кожи. Правда, понадобилось бы не меньше локтя, но зато вы были бы прекрасно защищены! А так вы наверняка ударяетесь носом о каждый дверной косяк.

Мальчик онемел от ужаса и ощупал свой нос. Нос был толстый и в добрых две пяди длиной! Значит, и облик его изменила старуха. Вот почему его не узнала мать, вот почему его ругали гадким карликом!

– Мастер, – сказал он, чуть не плача, сапожнику, – нет ли у вас поблизости зеркала, чтобы мне поглядеть на себя?

– Молодой господин, – строго отвечал отец, – не такая у вас наружность, чтобы сделать вас тщеславным, и у вас нет причины неустанно глядеться в зеркало.

– О, дайте мне все-таки взглянуть в зеркало! – воскликнул Якоб. – Тщеславие тут ни при чем.

– Оставьте меня в покое, у меня нет зеркала. У жены, правда, есть маленькое, но я не знаю, где оно. На той стороне улицы живет цирюльник, у него зеркало вдвое больше, чем ваша голова.

С этими словами отец мягко вытолкнул его за порог, запер за ним дверь и снова сел за работу. А Якоб направился к цирюльнику, которого хорошо знал по прежним временам.

– Доброе утро! – сказал он. – Будьте любезны, позвольте мне взглянуть в ваше зеркало.

– С удовольствием, вон оно, – воскликнул цирюльник. – Какой вы красавчик!

Якоб подошел к зеркалу и рассмотрел себя. У него навернулись слезы. Глаза его стали маленькими, как у свиньи, нос был огромен и нависал надо ртом и над подбородком, шея, казалось, напрочь исчезла, ибо голова его совсем ушла в плечи и лишь с превеликой болью

поворачивалась направо или налево. Роста он был все такого же, как семь лет назад, когда ему было двенадцать лет. Но он вырос в ширину, спина и грудь сильно выпятились и напоминали маленький, но туго набитый мешок. Это толстое туловище сидело на маленьких слабых ножках, которым, казалось, была не по силам такая тяжесть. Но тем длиннее казались руки, свисавшие у него с плеч. Кисти их были грубые, желтовато-коричневые, пальцы длинные, и, хорошенько вытянув их, он мог достать ими до пола не нагибаясь. Якоб превратился в уродливого карлика.

Теперь он вспомнил то утро, когда к корзинам его матери подошла эта старуха. Всем, что он тогда выругал в ней, наделила она его, и только шею совсем уничтожила.

Обезобразив его внешность, злая старуха не причинила, однако, никакого вреда его уму, но думал и чувствовал он уже не так, как семь лет назад. За это время он стал, казалось ему, мудрее, разумнее. Он горевал не о своей утраченной красоте, а только о том, что его, как собаку, прогнали от двери отца. Он решил еще раз попытать счастья у матери.

Он пошел к ней и попросил ее выслушать его спокойно. Он напомнил ей тот день, когда он ушел со старухой, всякие мелкие случаи из своего детства, затем рассказал, как семь лет служил в виде белки у феи и как та превратила его в уродца за то, что он тогда обругал ее. Жена сапожника не знала, что ей и думать. Все, что он рассказывал о своем детстве, было правдой. Глядя на него, она испытывала отвращение к безобразному карлику и не верила, что он может быть ее сыном. Наконец она решила, что самое лучшее – поговорить об этом с мужем. Она собрала корзины и велела Якобу идти с ней.

– Этот человек, – сказала она мужу, – говорит, что он наш пропавший сын Якоб. Он сказал мне, как его украли у нас семь лет назад и как его околдовала какая-то фея.

– Вот как? – прервал ее со злостью сапожник. – Все это я рассказал ему час назад, и он пошел морочить тебя! Ну, погоди, я его расколдую!

Он схватил связку ремней, которые только что нарезал, и стал стегать ими по горбатой спине и по длинным рукам Якоба, да так, что тот закричал от боли и убежал прочь.

Несчастному карлику за весь день не удалось ни поесть, ни попить, а ночевать пришлось на жестких и холодных ступенях церкви.

На следующее утро Якоб задумался о том, чем ему жить. Тут вдруг ему подумалось, что он преуспел в поварском искусстве.

Герцог, правивший этой страной, был известный обжора и лакомка. К его дворцу и направился Якоб. Он потребовал главного повара. Привратники засмеялись и повели его через передние дворы к смотрителю дворца.

Тот с трудом удержался от хохота, когда увидел маленького человечка, но взял его за руку и отвел в покои главного повара.

– Ваша милость, – сказал там карлик, низко поклонившись, – не нужен ли вам искусный повар?

Главный повар разразился громким хохотом.

– Это ты повар? – воскликнул он. – Да чтобы только взглянуть на плиту, тебе пришлось бы стать на цыпочки и хорошенько вытянуть шею!

– Разве жаль яичка-другого, сиропа и вина, муки и пряностей? – сказал Якоб. – Позвольте мне приготовить какое-нибудь вкусное блюдо!

– Ну что ж! – воскликнул главный повар. – Пойдем.

Кухней служило просторное помещение. В двадцати плитах постоянно пылал огонь, между ними текла прозрачная вода, где содержалась живая рыба, в шкафах из мрамора и драгоценного дерева были разложены припасы, а слева и справа находилось десять залов, где были собраны все лакомства запада и востока. Челядь бегала взад-вперед, громыхла котлами и сковородками. Но когда в кухню вошел главный повар, все замерли.

– Что заказал герцог на завтрак? – спросил главный повар.

– Датский суп и красные гамбургские фрикадельки!

– Ты слышал, что хочет герцог? – спросил главный повар. – Возьмешься ли ты приготовить эти трудные блюда? С фрикадельками тебе, во всяком случае, не справиться, это наш секрет.

– Нет ничего трудного! – ответил карлик, который, будучи белкой, часто готовил эти кушанья. – Для супа пусть мне дадут такие-то травы и такие-то пряности, кабаньего сала, кореньев и яиц. А для фрикаделек, – сказал он тише, – мне нужны разные виды мяса, немного вина, утиный жир, имбирь и трава, которую называют «радость желудка».

– У какого волшебника ты учился? – воскликнул с удивлением главный повар. – Ты назвал все правильно, а насчет травки «радость желудка» мы и сами не знали! Приступим, однако, к испытанию!

Все необходимое расставили на плите. Но карлик едва доставал до плиты носом. Поэтому сдвинули несколько стульев, положили на них мраморную доску и уже потом пригласили чудо-человечка начать готовить. Покончив с приготовлениями, он велел поставить оба котла на огонь и варить до тех пор, пока он не крикнет. Затем он стал считать и, досчитав до пятисот, крикнул:

– Хватит!

Котлы сняли с огня. Личный повар приказал поваренку подать золотую ложку, ополоснул ее в проточной воде и передал главному повару. Тот зачерпнул из котлов, попробовал, зажмурился, прищелкнул от удовольствия языком и сказал:

– Восхитительно! Не скушаете ли и вы ложечку, смотритель дворца?

Тот попробовал и пришел в восторг.

Повар тоже отведал, после чего почтительно пожал карлику руку и сказал:

– Ты мастер своего дела. Да, травка «радость желудка» придает кушанью особую прелесть.

Кушанья были посланы герцогу. А главный повар повел карлика в свою комнату и стал с ним беседовать. Но тут явился посыльный и позвал главного повара к герцогу. Тот быстро надел праздничное платье и последовал за посыльным.

У герцога был очень довольный вид.

– Послушай, главный повар, – сказал герцог, – кто готовил мой завтрак сегодня? Так хорош он никогда не бывал, с тех пор как я сижу на троне моих предков.

Главный повар рассказал обо всем. Герцог очень удивился, велел позвать к себе карлика и стал расспрашивать его, кто он и откуда. Тот сказал, что сейчас у него нет ни отца, ни матери и что стряпать он научился у одной старой женщины.

– Если ты останешься у меня, – сказал герцог, – я буду платить тебе пятьдесят дукатов в год, праздничное платье и сверх того две пары штанов. В моем дворце все получают имена от меня, ты будешь называться Нос.

Карлик Нос пал ниц перед герцогом и обещал служить верой и правдой.

Герцог ел теперь вместо трех раз в день пять раз, чтобы как следует насладиться искусством своего маленького слуги, и никогда не выражал неудовольствия. Иные из самых знатных мужей добивались у герцога разрешения, чтобы их слуги брали уроки у карлика на кухне, что приносило немалые деньги, ибо каждый платил за день по полдуката.

Так прожил Нос почти два года, и только мысль о родителях огорчала его. Однажды утром он отправился поискать тяжелых жирных гусей. Разглядывая товар, он уже несколько раз прошелся взад и вперед. Его вид не только не вызывал здесь хохота и насмешек, но и внушал всем почтение. Ведь в нем узнавали знаменитого личного повара герцога.

И вот он увидел женщину, сидевшую в самом конце ряда, в углу. Она тоже продавала гусей, но не расхваливала своего товара и не зазывала покупателей. Он подошел к ней и купил трех гусей вместе с клеткой, взвалил ее на свои широкие плечи и пустился в обрат-

ный путь. Но тут ему показалось странным, что один из гусей сидел тихонько, вздыхая и постанывая, как человек.

– Гусыня прихворнула, – сказал себе под нос карлик, – надо поскорее прикончить ее и разделать.

Но гусыня ответила очень четко и громко:

– Не убивай меня, я тебе еще пригожусь.

– Вот это да! – воскликнул Нос. – Она умеет говорить? Держу пари, она не всегда носила эти перья.

– Ты прав, – ответила гусыня. – Никто не думал, что Мими, дочь великого Веттербока, закончит свои дни на герцогской кухне!

– Успокойтесь, милая Мими, – утешил ее карлик. – Я отведу вам птичник в собственных покоях. Кухонной прислуге я скажу, что откармливаю гусыню для герцога особыми травами. И как только представится случай, я выпущу вас на свободу.

Гусыня со слезами поблагодарила его. Карлик зарезал двух других гусей, а для Мими построил отдельный птичник под тем предлогом, что готовит ее для герцога особым образом. Как только у него выдавалось свободное время, он ходил побеседовать с ней и утешить ее. Гусыня была дочерью волшебника Веттербока. Он поссорился с одной старой феей, которая в отместку превратила его дочь в гусыню и перенесла сюда. Когда карлик Нос поведал ей свою историю, она сказала:

– Все говорит о том, что ты околдован с помощью трав, а это значит, что ты можешь снять с себя чары, если отыщешь ту траву, которую выбрала фея, когда тебя околдовывала.

Это было для него слабым утешением: где мог он отыскать эту траву? Но он поблагодарил Мими и несколько ободрился.

В это время в гости к герцогу приехал соседний князь, его друг. Поэтому герцог призвал к себе своего карлика Носа и сказал ему:

– Ты должен показать, верный ли ты слуга мне и мастер ли ты своего дела. Этот князь, как известно, великий знаток тонкой кухни. Позаботься о том, чтобы на моем столе каждый день появлялись такие кушанья, которым он удивлялся бы все больше и больше. Не смей ни одно блюдо, пока он здесь, подавать дважды.

– Пусть будет по-твоему, господин! – ответил с поклоном карлик. – Князь останется доволен.

Карлик Нос пустил в ход все свое умение. Чужеземный князь гостил у герцога уже две недели. Они питались не меньше пяти раз в день, и герцог был доволен искусством карлика. На пятнадцатый день герцог велел призвать карлика к столу, представил его своему гостю и спросил того, доволен ли он карликом.

– Ты замечательный повар, – отвечал князь. – Но почему ты до сих пор не подаешь к столу поистине королевское кушанье – паштет «Сюзерен»?

Карлик очень испугался: он никогда не слыхал об этом паштете. Но он ответил:

– О господин! Я надеялся, что ты еще долго пробудешь в нашей столице, потому и не спешил с этим блюдом. Ведь чем повару и почтить тебя на прощанье, как не царем паштетов?

– Вот как? – со смехом сказал герцог. – А что касается меня, то ты, видно, хотел дожидаться моей смерти, чтобы уж тогда меня и почтить.

Ведь и мне ты ни разу не предлагал этого паштета. Завтра ты должен будешь подать на стол этот паштет.

– Пусть будет по-твоему, господин! – ответил карлик.

Карлик не знал, как приготовить этот паштет. Он пошел в свою комнатку и заплакал. Гусыня Мими подошла к нему и спросила о причине его слез.

– Не плачь, – сказала она, услышав о паштете «Сюзерен». – Это блюдо часто подавалось у моего отца, и я приблизительно знаю, что для него нужно. Ты возьмешь то-то и то-то, столько-то и столько-то, и хотя это не совсем все, что для него нужно по-настоящему, у твоих господ, наверно, не такой тонкий вкус.

Карлик подпрыгнул от радости и принялся готовить паштет. Сначала он сделал немножко на пробу, получилось превкусно, и главный начальник кухни, которому он дал отведасть, снова начал хвалить его великое мастерство.

На следующий день он запек паштет в большой форме и теплым, прямо с огня, послал его к столу, украсив блюдо гирляндами из цветов. А сам надел свое лучшее праздничное платье и пошел в столовую. Когда он вошел, главный разрезыватель как раз разрезал паштет и подавал его на серебряной лопаточке герцогу и его гостю. Герцог откусил изрядный кусок, возвел глаза к потолку и сказал, проглотив:

– Мой карлик – царь поваров! Не так ли, дорогой друг?

Гость откусил несколько маленьких кусочков и насмешливо улыбнулся.

– Приготовлено довольно сносно, – сказал он, отставляя тарелку, – но все-таки это не настоящий «Сюзерен».

Герцог наморщил лоб и покраснел от стыда и негодования.

– Ах ты, собака-карлик! – воскликнул он. – Как смеешь ты так поступать со своим господином? Не отрубить ли тебе голову в наказание за плохую стряпню?

– Сжальтесь! – воскликнул карлик, падая на колени. – Скажите, чего не хватает в этом блюде? Не обрекайте меня на смерть из-за какой-то там горсточки мяса или муки.

– От этого тебе будет мало проку, дорогой Нос, – отвечал чужеземец со смехом. – Не хватает травки, которой здесь и не знают, и называется она «чих-перечих». Без нее в паштете нет остроты, и твоему господину никогда не есть его в таком виде, как ем я.

– И все же я буду его есть! – воскликнул герцог, яростно сверкая глазами. – Клянусь своей честью, завтра я покажу вам либо паштет, либо голову этого малого, приколотенную к воротам моего дворца! Ступай, даю тебе сутки сроку!

Карлик с плачем пошел в свою комнатку и пожаловался гусыне на судьбу, говоря, что ему не миновать смерти.

– Если дело только в этом, – сказала Мими, – то я тебе помогу. Мой отец научил меня распознавать все травы. В другое время ты, может быть, и не избежал бы смерти, но сейчас полнолуние, а травка «чих-перечих» цветет именно в это время. Но скажи мне, есть ли вблизи дворца старые каштановые деревья?

– Да! – с облегчением отвечал Нос. – У озера, в двухстах шагах от дворца, их очень много.

– Только возле старых каштанов цветет эта травка, – сказала Ми-ми. – Не будем терять время и пойдем искать то, что тебе нужно.

Он взял ее на руки и пошел с ней к воротам дворца. Но привратник преградил ему дорогу и сказал:

– Милый мой Нос, выпускать тебя из дворца запрещено. Я получил строжайший приказ.

– Но в сад-то мне можно выйти? – спросил карлик. – Пошли кого-нибудь из своих помощников к смотрителю дворца и спроси, нельзя ли мне поискать всяких трав.

Привратник так и сделал, и разрешение было дано. Сад был обнесен высокой стеной, и о том, чтобы сбежать оттуда, не могло быть и речи. Выйдя наружу, Нос опустил гусыню на землю, и она быстро пошла впереди него к озеру, где росли каштаны. Гусыня все обшарила под всеми каштанами, перевернула клювом каждую травинку, но ничего не нашла. Уже смеркалось, и различать окружающие предметы стало труднее.

Тут взгляд карлика упал на другой берег озера, и он воскликнул:

– Погляди, там, за озером, есть еще одно большое старое дерево. Пойдем туда и поищем!

Каштановое дерево отбрасывало большую тень, кругом было темно, и почти ничего нельзя было уже разглядеть. Но вдруг гусыня остановилась, захлопала от радости крыльями, затем быстро забралась головой в высокую траву и, что-то сорвав, изящно подала это клювом изумленному Носу со словами:

– Это та самая травка, и здесь ее много, так что у тебя никогда не будет в ней недостатка.

Карлик задумчиво разглядывал травку. Она источала сладкий аромат, невольно напавший на его сцену его превращения. Стебли и листья были синевато-зеленые, а цветков – огненно-красный с желтыми краями.

– Какое чудо! – воскликнул он наконец. – Я думаю, это та самая трава, что превратила меня в уродца. Не попытаться ли мне счастья?

– Не сейчас, – попросила гусыня. – Возьми с собой пучок этой травы, мы пойдем в твою комнату, соберем твои деньги и все твоё добро, а уж потом проверим действие этой травы!

Они пошли в его комнату, и сердце карлика громко стучало от нетерпения. Связав в узел пятьдесят или шестьдесят дукатов, накопленных им, а также немного одежды и обуви, он засунул нос глубоко в траву и вдохнул ее аромат.

Тут все его суставы стали вытягиваться и трещать, он почувствовал, как голова его вылезает из плеч, он скосил глаза на свой нос и увидел, что тот делается все меньше и меньше, его спина и грудь начали выравниваться, а ноги стали длиннее.

– Какой ты рослый, какой красивый! – воскликнула гусыня.

Якоб очень обрадовался, но и радость не позволила ему забыть, как он обязан Мими. Хотя ему не терпелось отправиться к родителям, он преодолел это желание и сказал:

– Кого, как не тебя, благодарить мне за это? Без тебя я не нашел бы этой травы и сохранил бы уродливый облик, а то и умер бы под топором палача. Я не останусь перед тобой в долгу – доставлю тебя к твоему отцу. Он, волшебник, расколдует тебя в два счета.

Гусыня заплакала от радости. Якоб благополучно вышел из дворца с гусыней неузнанным и отправился на родину Мими.

Веттербок расколдовал свою дочь и отпустил Якоба с богатыми подарками. Юноша вернулся в свой родной город, и его родители узнали в нем своего пропавшего сына, а на подарки, полученные от Веттербока, он купил себе лавку, разбогател и был счастлив.

А во дворце герцога поднялся переполох. Ведь на следующий день, когда герцог пожелал сдержать свою клятву и отрубить голову карлику, оказалось, что тот как в воду канул. Тогда князь заявил, что герцог тайком, чтобы не лишиться своего лучшего повара, помог карлику скрыться, и обвинил герцога в том, что он не держит своего слова. Из-за этого между обоими владыками вспыхнула жестокая война, известная под названием «Травяной». Когда наконец был заключен мир, его назвали «Паштетным», потому что в честь примирения повар князя приготовил «Сюзерен», и блюдо очень понравилось герцогу.

Принц-самозванец

Один скромный подмастерье по имени Лабакан учился ремеслу в Александрии у умелого портного.

Бывало, что он часами шил без передышки, а иной раз – и случалось это часто – он сидел в глубокой задумчивости, глядя в одну точку.

– Лабакан снова принял вид знатной особы, – говорили тогда о нем портной и другие подмастерья.

А по пятницам, когда люди спокойно шли с молитвы, Лабакан выходил из мечети в нарядной одежде и медленно шагал по городу, величественно кивая знакомым. И когда портной говорил ему в шутку: «В тебе пропадает принц, Лабакан», он очень радовался и отвечал: «Я уже давно об этом думал!»

Но портной мирился с таким поведением, потому что Лабакан был, в общем-то, хороший человек и умелый работник.

Но вот однажды Селим, брат султана, послал мастеру свою праздничную одежду для небольшой переделки, и мастер дал ее Лабакану, потому что тот всегда выполнял тончайшую работу. Вечером Лабакан долго стоял перед этой одеждой в задумчивости, любуясь великолепием вышивки и переливчатыми красками бархата и шелка. Он не мог ничего поделать с собой, надел ее, и она пришлась ему впору. Он тут же вообразил себя неизвестным царским сыном и решил отправиться в мир. Поэтому Лабакан, взяв свои скудные пожитки, вышел ночью из городских ворот.

Повсюду новый принц вызывал изумление: его великолепная одежда и величавость не подходили обыкновенному пешеходу. Когда его спрашивали об этом, он с таинственным видом отвечал, что на то есть особые причины. Но, заметив, что передвижение пешком делает его смешным, он купил по дешевке старого коня.

Однажды к нему присоединился какой-то всадник, веселый молодой человек, и завел разговор о том, откуда и куда тот едет. Оказалось, что и он тоже пустился в мир наудачу. Он сказал, что его зовут Омар и что он слоняется по миру для того, чтобы исполнить наказ, который дал ему на смертном одре его дядя.

Лабакан дал лишь понять, что происхождения он высокого и путешествует для своего удовольствия.

На второй день их совместного пути Лабакан спросил Омара о наказе, который тот должен исполнить, и вот что тот рассказал.

Дядя, каирский паша, воспитывал Омара с раннего детства, и родителей своих тот не знал. Но когда на пашу напали враги и пришлось бежать, он открыл Омару, что тот не его племянник, а сын одного могущественного властителя, который из страха перед пророчествами своих звездочетов удалил юного принца от своего двора и поклялся, что снова увидит его лишь в день его двадцатидвухлетия. Паша не назвал имени отца, но наказал прибыть на пятый день будущего месяца рамадана, когда ему как раз и исполнится двадцать два года, к знаменитой колонне Эль-Серуйя. Там он должен передать людям, которые будут стоять у колонны, кинжал и сказать: «Вот он я, которого вы ищете». Когда они ответят: «Хвала пророку, тебя хранившему!», он должен последовать за ними, и они отведут его к отцу.

Лабакан смотрел теперь на принца с завистью. А на следующее утро у него возникла мысль добыть себе хитростью или силой то, в чем ему отказала судьба. Кинжал торчал из-за пояса спавшего принца. Лабакан тихонько вытащил кинжал, заткнул себе за пояс и пустился вскачь на более резвой лошади принца. Когда Омар проснулся, его вероломный спутник был уже далеко.

...У подножия колонны шестеро мужчин стояли вокруг царственно-величавого старика. Лабакан подошел к нему, низко поклонился и сказал, протягивая кинжал:

– Вот он я, которого вы ищете.

– Хвала пророку, тебя хранившему! – ответил старик со слезами радости. – Обними своего старого отца, любимый мой сын Омар!

Портной бросился в объятия старому князю со смесью радости и стыда.

Но лишь миг суждено было ему наслаждаться своим новым положением. Он увидел торопливо приближающегося всадника. Из упрямства или от усталости конь, казалось, не хотел идти вперед. Он ковылял странным аллюром, а всадник всячески подгонял его руками и ногами. Лабакан узнал своего коня и настоящего принца Омара. Но в него уже вселился злой дух лжи, и он решил упорно отстаивать присвоенные права.

– Остановитесь! – закричал всадник, спрыгнув с коня. – Не дайте вас одурачить!

Стоявшие вокруг были изумлены. Особенно был потрясен старик. С напуском спокойствием Лабакан сказал:

– Милостивый господин и отец, не дайте этому человеку ввести вас в заблуждение! Это бесноватый портняжка из Александрии, его зовут Лабакан.

Слова эти привели принца в неистовство. Кипя от негодования, он хотел кинуться на Лабакана, но стоявшие рядом схватили его, а старик сказал:

– И правда, дорогой мой сын, этот бедняга сошел с ума! Пусть его свяжут!

– Мое сердце говорит мне, что вы мой отец, – сказал принц старику, рыдая. – Заклинаю вас памятью моей матери: выслушайте меня!

– Он опять начинает бредить, – ответил тот. – Как только может прийти такое в голову!

Старик взял Лабакана под руку и сошел с его помощью с холма. Оба сели на прекрасных лошадей и поехали по равнине во главе каравана. А несчастному принцу связали руки, привязали его к верблюду, и рядом с ним ехали два всадника, следя за каждым его движением.

Царственный старик был не кто иной, как султан. У него долго не было детей, но в конце концов родился принц. Звездочеты, однако, предсказали: «До двадцати двух лет ему грозит опасность, что его вытеснит враг». Поэтому султан отдал сына на воспитание своему другу и двадцать два года ждал встречи с ним.

Наконец караван достиг столицы. Жена султана ждала их со всем своим двором в самом великолепном зале дворца. Вещие сны показывали ей долгожданного сына так явственно, что она узнала бы его из тысячи. Наконец двери зала распахнулись и султан рука об руку со своим мнимым сыном поспешил к трону жены.

– Это не мой сын! – воскликнула она. – Это не те черты, которые показал мне во сне пророк!

Как раз в этот миг дверь зала открылась и вбежал принц Омар, преследуемый своими стражами, из чьих рук он вырвался с величайшими усилиями. Задышавшись, он припал к трону.

– Вели убить меня, жестокий отец!

Подоспевшие стражи хотели уже схватить его, но тут жена султана вскочила.

– Стойте! – закричала она. – Этот – настоящий! Он тот, кого мои глаза не видели, но сердце знало!

Стражи отпустили Омара. Но султан, пылая гневом, приказал им связать безумца.

– Здесь распоряжаюсь я, – сказал он властно, – и здесь судят не по снам, а по совершенно точным признакам. Этот, – он указал на Лабакана, – представил мне знак моего друга – кинжал.

– Он украл его! – вскричал Омар. – Он предал меня!

Но султан не слушал. Он велел вытащить несчастного Омара из зала силой, а сам удалился с Лабаканом в свои покои.

Жена султана была убеждена, что сердцем супруга завладел обманщик, и стала думать, как убедить в этом султана. Наконец она отправилась к мужу и сделала вид, что готова уступить и признать сына, но попросила только об одном условии. Султан согласился, и она сказала:

– Я хочу дать им задачу, требующую находчивости. Пусть каждый сошьет по кафтану и по паре штанов, а мы посмотрим, у кого выйдет лучше.

Султан уступил, пошел к Лабакану и попросил его исполнить каприз матери. У простодушного портного сердце взыграло от счастья.

Каждому из юношей отвели по комнате и дали достаточно шелка, ножницы, иглу и нитки.

На третий день султан послал за обоими кафтанами и за их мастерами.

Лабакан торжествующе развернул свой кафтан перед изумленным султаном.

– Взгляните, отец и мать, – сказал он. – Готов поспорить с самым искусным придворным портным, что такого ему не сшить!

Султанша усмехнулась и повернулась к Омару:

– Ну, а у тебя, сын мой, что получилось?

Тот яростно швырнул на пол шелк и ножницы.

– Меня учили укрощать коней и держать в руке саблю, и мое копье попадает в цель на расстоянии шестидесяти шагов, – но искусство иглы мне чуждо и недостойно меня!

– О истинный сын моего господина! – воскликнула султанша. – Ах, как хочется мне обнять тебя, назвать своим сыном! Супруг мой и повелитель, – обратилась она к султану, – разве вы все еще не видите, кто принц и кто портной?

Султан сидел в глубокой задумчивости, недоверчиво поглядывая то на свою жену, то на Лабакана.

– Этого доказательства мало, – сказал султан. – Но я знаю способ выяснить, обманут я или нет.

Он приказал оседлать самого быстрого коня и поскакал в лес, где жила добрая фея, которая часто помогала советом султанам из его династии.

Прибыв туда, султан привязал коня к дереву, стал посреди поляны и громко сказал:

– Не отвергни просьбы внука моих предков и посоветуй мне, как решить дело!

Едва он произнес последние слова, один из кедров отворился и оттуда вышла закутанная в длинные белые одежды женщина.

– Я знаю, почему ты пришел ко мне, султан. Возьми эти две шкатулки! Пускай те двое, что хотят быть твоими сыновьями, сделают выбор! Твой настоящий сын выберет то, что нужно.

Сказав это, фея протянула ему две маленькие шкатулки из слоновой кости, украшенные золотом и жемчугами. На крышках были надписи из алмазов.

Шкатулки, сколько султан ни старался, открыть не удалось. На одной крышке значилось: «Честь и слава», на другой – «Счастье и богатство». Султан подумал, что и ему был бы труден выбор.

Вернувшись во дворец, он позвал жену и сообщил обо всем.

Перед троном султана установили два стола. Султан поставил на них обе шкатулки, сел на трон и знаком велел одному из рабов открыть двери. Созванные султаном эмиры и паши со всей державы опустились на роскошные подушки, положенные вдоль стен.

Король дал знак, и ввели Лабакана. Он гордо прошел через зал, пал ниц перед троном и сказал:

– Что прикажет мой господин и отец?

– Сын мой! – сказал султан. – Одна из этих шкатулок содержит подтверждение истинного твоего происхождения. Выбирай!

Лабакан поднялся и подошел к шкатулке. Он долго думал и наконец сказал:

– Что может быть выше, чем счастье быть твоим сыном, что благороднее, чем богатство благоволения? Я выбираю шкатулку, на которой написано: «Счастье и богатство».

– Мы потом узнаем, верен ли твой выбор. А пока что сядь вон туда, на подушку, – сказал султан.

Ввели Омара. Взгляд его был мрачен, лицо печально. Он пал ниц перед тронем и спросил, какова воля султана.

Султан объяснил Омару, что он должен выбрать одну из шкатулок. Тот встал и подошел к столам.

Он внимательно прочел обе надписи и сказал:

– Последние дни научили меня, сколь хрупко счастье и ничтожно богатство, но честь – нерушимое благо и звезда славы не исчезает вместе с богатством. Честь и слава, я выбираю вас!

Он положил руку на шкатулку, но султан приказал подождать. Он знаком приказал Лабакану подойти к столу, и тот тоже положил руку на свою шкатулку.

Шкатулки открылись сами собой.

В шкатулке, выбранной Омаром, лежали маленькая золотая корона и скипетр, а в шкатулке Лабакана – большая игла и нитки. Султан велел обоим подойти со своими шкатулками к нему. Он снял с подушки коронку, и в его руке она стала расти, пока не достигла размеров настоящей короны! Он надел ее на голову своему сыну Омару, поцеловал его в лоб и велел ему сесть по правую руку от себя. А повернувшись к Лабакану, он сказал:

– Ты и не заслужил моей милости, но я дарю тебе твою жалкую жизнь. Однако поспеши убраться из моей страны!

Лабакан не мог ответить. Он пал ниц перед принцем.

– Вы можете простить меня? – сказал он.

– Верность другу, великодушие к врагу – вот гордое правило Абассидов, – ответил принц, поднимая его. – Ступай с миром.

– О истинный сын мой! – воскликнул старый султан и припал к груди Омара.

Эмиры и паши встали со своих мест и воскликнули:

– Ура сыну султана!

Лабакан же со своей шкатулкой под мышкой вышмыгнул из зала.

Он взнуздal своего коня и выехал за ворота. Прибыв в Александрию, он продал ювелиру свою шкатулку, купил дом и устроил там мастерскую. Повесив над окном вывеску с надписью: «Лабакан, портной», он принялся той иглой и теми нитками, что нашел в шкатулке, чинить кафтан. Кто-то оторвал его от этого занятия, куда-то позвав, и, когда он снова сел за работу, глазам его предстала удивительная картина: игла усердно шила, хотя ее никто не держал, и делала такие изящные стежки, каких Лабакан не делал даже в минуты удачи! Впоследствии выяснилось, что моток ниток никогда не переводился.

Лабакан вскоре стал самым знаменитым портным в Александрии. Он кроил одежды и делал своей иглой первый стежок, а дальше игла шила сама, не останавливаясь, пока одежда не была готова.

Так сбылось обещание шкатулки, сулившей счастье и богатство. Часто Лабакан слышал о славе молодого султана Омара, имя которого было у всех на устах и который стал гордостью и любимцем народа и грозой врагов. Лабакан жил, уважаемый всеми, а игла и сегодня шьет вечными нитками доброй феи.

Шарль Перро

Золушка

Давным-давно жил богатый и знатный человек. Они с женой очень любили друг друга. У них была единственная дочка.

Но когда девочке было шестнадцать лет, ее мать тяжело заболела и через несколько дней умерла. В дом пришло горе.

Спустя какое-то время отец девочки познакомился с вдовой, у которой были две дочери, и вскоре женился на ней.

Но мачеха оказалась бессердечной гордячкой. С первого же дня она возненавидела падчерицу. Она заставляла ее делать всю черную работу, и у бедной девушки не было ни минуты покоя. Только и слышалось:

– А ну-ка, принеси воды!

– Бездельница, подмети пол!

– Подкинь наконец дров в камин!

Девушка была добрая и кроткая, вся в покойную мать, и никогда не перечила мачехе. Она работала дни и ночи напролет и потому постоянно была запачкана золой и пылью. Вскоре все, даже отец, стали называть ее Золушкой, а потом и вовсе позабыли ее имя.

Мачехины дочери были такие же злые и ворчливые, как их мать. Они завидовали красоте сводной сестры и потому все время придирались к ней.

Как-то по стране разнесся слух, что молодой принц собирается устроить бал, который будет длиться несколько дней.

– Милые доченьки, – сказала мачеха, – наконец-то вам улыбнулась удача. Мы поедем на бал. Одна из вас обязательно понравится принцу и выйдет за него замуж.

– А другая? – в один голос спросили сестры.

– А для другой мы уж найдем какого-нибудь министра.

С того дня сестры ни на шаг не отходили от зеркала, примеряли новые наряды.

Они заказали платья лучшей мастерице, купили самые дорогие украшения и ленты. И во всем спрашивали совета у Золушки, потому что у нее был очень хороший вкус. Она старалась помочь сестрам и даже предложила их причесать. Они радостно согласились.

Пока Золушка причесывала их, они спрашивали:

– Признайся, Золушка, тебе очень хотелось бы попасть на бал?

– Ах, не смейтесь надо мной! Разве меня туда пустят?

– Да, ты права! Все бы покатались со смеху, если бы увидели такую замарашку на балу.

Другая бы за это нарочно причесала их похуже, но добрая Золушка постаралась сделать прически как можно лучше.

Наконец настал день, когда, разряженные, они сели в карету и поехали во дворец. Перед отъездом мачеха строго сказала Золушке:

– Даже не думай, что станешь бездельничать, пока нас не будет дома.

На столе стояли две миски: одна с просом, другая с маком. Мачеха высыпала просо в миску с маком и перемешала.

– Вот тебе и работа: отдели за ночь просо от мака.

Все уехали на бал, и Золушка осталась одна. Впервые она заплакала от обиды. Как же отделить просо от мака? И как не плакать, когда она сидит здесь, в лохмотьях, одна-одинешенька?

Вдруг комнату залил яркий свет и появилась красавица в белом платье и с хрустальной палочкой в руке. Это была Золушкина крестная – самая настоящая фея!

– Не плачь, Золушка, – сказала она. – Я могу помочь твоей беде.

Фея дотронулась палочкой до миски, и в одно мгновение просо отделилось от мака. Потом она коснулась волшебной палочкой лохмотьев Золушки, и они превратились в роскошное бальное платье, расшитое золотом и серебром, а на ногах появились хрустальные туфельки.

Фея огляделась и дотронулась палочкой до тыквы, которая лежала на столе, и до мышек, с любопытством выглянувших из норки. Во дворе послышалось лошадиное ржание. Золушка выглянула в окно и не поверила глазам. Перед домом стояла великолепная золотая карета, запряженная четверкой белых лошадей, а на облучке сидел кучер в бархатной ливрее.

– Поезжай на бал, моя милая Золушка! Ты это заслужила! – воскликнула фея. – Но помни, ровно в полночь твое платье снова превратится в лохмотья, а карета – в тыкву!

Золушка обещала уехать из дворца до полуночи и отправилась на бал.

Когда она вошла в главный зал дворца, музыка смолкла, разговоры стихли и все повернулись, чтобы посмотреть на незнакомую красавицу.

– Кто это? – спрашивали удивленные гости друг у друга.

– Это еще кто такая? – недовольно спрашивали и Золушкины сводные сестры.

Молодой принц подошел к девушке, поклонился и подал ей руку. Весь вечер он ни на шаг не отходил от Золушки и ни на минуту не сводил с нее глаз. Золушка и принц все танцевали и танцевали, а мачеха и ее дочери скрипели зубами от зависти.

Но Золушка все время поглядывала на часы. Без пяти двенадцать она улыбнулась принцу, освободила руку из его руки и выбежала из главного зала. Принц бросился за ней, но у крыльца девушку уже ждала золотая карета, лошади радостно заржали и повезли Золушку домой.

Мачеха и сестры вернулись мрачные.

– Он только на нее и смотрел!

– Он только с ней и танцевал!

– О ком вы говорите, сестры? – спросила Золушка.

– Не твое дело, замарашка! Ты сделала то, что было велено? – сурово спросила мачеха.

Еще больше разозлились мачеха и ее дочери, когда увидели, что в доме необыкновенная чистота, а мак отделен от проса!

Назавтра мачеха с дочерьми снова собралась на бал.

– Вчера у тебя было мало работы, – сказала мачеха, – но сегодня все будет по-другому. Вот мешок гороха, перемешанного с фасолью. К утру отдели горох от фасоли, иначе плохо тебе придется!

Мачеха и сестры уехали, и Золушка осталась одна. Но комната вновь озарилась чудесным светом.

– Не будем терять время, Золушка, – сказала добрая фея. – Нужно собираться на бал. – Одним взмахом волшебной палочки фея отделила горох от фасоли.

Золушка приехала на бал, и снова музыка смолкла и все замерло при ее появлении – так она была прекрасна. Красавец принц опять весь вечер танцевал только с ней. Но на этот раз девушка совсем забыла о времени.

Она опомнилась, только когда часы пробили двенадцать раз.

Золушка поспешила из дворца. Хрустальные туфельки так и мелькали по ступеням широкой дворцовой лестницы. Принц бросился догонять девушку, но услышал только, как заскрипели колеса отъезжавшей кареты.

Опечаленный и растерянный, он стоял наверху лестницы и вдруг заметил внизу туфельку, которую в спешке потеряла прекрасная незнакомка.

Юноша осторожно, словно драгоценность, поднял хрустальную туфельку и прижал к груди. В эту минуту он поклялся, что найдет таинственную красавицу, даже если придется искать ее всю жизнь!

Когда Золушка вернулась, мачеха и сводные сестры уже были дома.

– Опять бездельничала?! – зло крикнула мачеха.

Но тут в углу кухни она увидела два мешка – один с горохом, другой с фасолью, – и ее лицо еще больше перекосилось от злости.

Прошло некоторое время. Принц больше не давал балы во дворце, и разнесся слух, что он ищет ту самую таинственную красавицу, которая дважды появлялась на балу, но исчезала ровно в полночь. Говорили, что принц не может забыть эту девушку и женится только на той, кому придется впору хрустальная туфелька. Скоро принц прибыл и в дом, где жила Золушка. Мачехины дочери бросились примерять туфельку, только она никак не налезала на их большие ноги. Принц уже собирался уходить, но вдруг отец Золушки сказал:

– Подождите, ваше высочество, у нас есть еще одна дочка!

– Не слушайте его, ваше высочество, – вмешалась мачеха. – Разве это дочка? Это просто замарашка.

Принц грустно взглянул на грязную, одетую в лохмотья Золушку и вздохнул.

– Что ж, каждая девушка в моем королевстве должна примерить туфельку.

Золушка сняла грубый башмак и без труда надела туфельку на свою изящную ножку. Сестры застыли от изумления. А Золушка достала такую же туфельку и надела ее на другую ножку! Принц посмотрел в глаза девушке – и узнал ее.

– Это ты, моя прекрасная незнакомка!

Мачеха и ее дочери оцепенели, а в последующие дни у них было еще больше поводов для зависти. Принц женился на Золушке, и во дворце был дан великолепный бал, на котором Золушка была еще красивее, чем всегда, и, одетая в восхитительный наряд, танцевала с принцем до самого утра.

Принц и Золушка жили долго и счастливо. А мачеха и ее дочери так и не смирились со счастьем Золушки, от зависти тяжело заболели и вскоре умерли.

Мальчик-с-пальчик

Давным-давно в небольшом домике на опушке леса жил дровосек с женой и семьёю сыновьями. Шестеро сыновей были высокими и крепкими, только седьмой не вышел ростом. Он был такой маленький, что его прозвали Мальчик-с-пальчик. Он действительно был ненамного больше пальца, но зато умом во сто крат превосходил любого здоровяка. Братья и даже отец часто обращались к нему за советом.

Семья была очень бедна. Особенно тяжело приходилось зимой, когда в лесу не было ни грибов, ни ягод. А тут еще выдался неурожайный год, и в стране наступил страшный голод. Так что нашим беднякам пришлось совсем туго.

Как-то братья отправились в лес за хворостом. Но хвороста попадалось мало, они шли все дальше и дальше в чащу и в конце концов заблудились.

Наступила ночь, и в лесу совсем стемнело. У братьев зуб на зуб не попадал от холода. Было очень тихо, только иногда издали доносился волчий вой. Детям стало страшно. Они еле держались на ногах от холода и усталости. Им чудилось, что со всех сторон воют волки, что сейчас они набросятся на них и съедят. Бедные ребятишки боялись произнести хоть слово, боялись оглянуться. А тут еще хлынул дождь и промочил их до костей. Они спотыкались, падали в грязь, поднимались и снова падали, но шли все дальше.

– Что же делать? – спросил старший брат.

Мальчик-с-пальчик огляделся вокруг.

– Надо забраться на высокое дерево. Там нас не достанут голодные волки, а мы сможем увидеть, в какой стороне наш дом.

Мальчик-с-пальчик забрался на самую верхушку сосны и крикнул:

– Жилье!

Далеко в лесу слабо мерцал огонек.

– Мы наверняка сможем там переночевать, – сказал Мальчик-с-пальчик. – Пойдемте скорее, пока мы совсем не окоченели.

Долго шли братья по глубокому снегу туда, где виднелся огонек.

Наконец они вышли к большому каменному дому. В одном из окон горел свет. Мальчик-с-пальчик постучал в тяжелую дубовую дверь.

– Кто там? – спросил женский голос.

– Мы сыновья дровосека, пошли за хворостом и заблудились. Впустите нас, пожалуйста. Мы замерзли и голодны.

Дверь отворилась, на пороге появилась женщина и спросила, что им нужно.

– Позвольте нам погреться у огня и съесть немного горячей еды, – обратился к ней Мальчик-с-пальчик.

– Тс-с! – шикнула женщина. – Тише! Мой муж скоро вернется с охоты. Если он увидит вас, тут же съест. Он людоед и особенно любит маленьких детей.

Братья замерли от ужаса.

– Может, господин людоед нас и не заметит, – сказал Мальчик-с-пальчик. – А далеко ли он охотится?

– Ровно в семидесяти милях, – ответила женщина. – Но это всего лишь десять шагов для него. Он носит семимильные сапоги. Он делает один шаг и проходит семь миль. Уходите, пока не поздно. Вам нужно бежать!

– Как же нам быть? Если вы нас прогоните, нас все равно этой же ночью съедят в лесу волки, – сказал Мальчик-с-пальчик. – Пусть уж лучше мы достанемся Людоеду. Может, он сжалится над нами, если вы, сударыня, заступитесь за нас.

Женщина тяжело вздохнула, нопустила братьев в дом.

Они едва успели немного отогреться, как раздался громкий стук.

– Это он! – в ужасе прошептала хозяйка. – Прячьтесь скорее!

Все братья быстро спрятались – кто под стол, кто под лавку. Хозяйка пошла открывать мужу дверь.

Людоед был огромного роста, самый настоящий великан. Его семимильные сапоги на первый взгляд ничем не отличались от обычных сапог, разве что были очень большими.

– Жена, дай мне поесть! – еще с порога рявкнул Людоед. – Я проголодался!

Жена подала ему на стол целого, даже еще не дожаренного барана и большущий кувшин с вином. Людоед жадно набросился на еду и вино.

После ужина Людоед снял сапоги и развалился на лавке.

– Чую запах человеческого мяса, – сказал он.

– Это, должно быть, пахнет телянкой, с которой я только что сняла шкуру, – ответила ему жена.

– Нет, это пахнет свежим человеческим мясом! – закричал Людоед. – Кто это?! – И он вытащил из-под стола перепуганного Мальчика-с-пальчик.

– Это сынишки дровосека, – сказала побледневшая хозяйка дрожащим голосом.

– Ах, сынишки! – зарычал Людоед. – Значит, он тут не один! А ну, вылезайте! Жена, ты хотела меня надуть! За такой обман и тебя следовало бы съесть!

И он вытащил одного за другим всех братишек из-под кровати.

Бедные дети упали перед ним на колени. Они умоляли Людоеда пощадить их. Но он их не слушал. Великан схватил одного из мальчуганов за ногу и хотел было тут же с ним расправиться.

– Подождите, сударь! – воскликнул Мальчик-с-пальчик. – Ваша жена нашла нас в лесу и оставила для завтрака. Но мы сильно замерзли. А мясо, как известно, лучше сначала разморозить, чтобы оно стало нежнее.

– Это верно, – согласился Людоед и сказал жене: – Ты покорми ребят получше, чтобы они не похудели, да уложи их спать.

Женщина кивнула и отвела братьев в кладовку.

– А ты сообразительный, – шепнула она Мальчику-с-пальчик. – Я вам помогу. Сейчас напою мужа вином, а когда он уснет, приоткрою дверь, и вы сможете убежать.

– Договорились, – ответил Мальчик-с-пальчик.

Хозяйка с трудом вкатила в комнату огромную пузатую бочку.

– Выпей вина, дорогой, – предложила она.

Людоед одну за другой осушил несколько огромных кружек вина, и скоро его сморил сон.

– Скорее, – подгоняла братьев его жена. – Он уснул крепко, и все-таки бегите быстрее ветра, если вам дорога жизнь.

Братья выбежали в приоткрытую дверь и пустились бегом через лес.

Утром людоед проснулся и сразу почувствовал ужасный голод. Конечно, он тут же вспомнил о семерых мальчиках, которые уже наверняка разморозились. Людоед встал с лавки и заглянул в кладовку.

– Где они?! – зарычал он в ярости. – Неужели удрали? Жена, дай мне семимильные сапоги, от меня убежал завтрак!

Людоед бросился из дому. Огромными семимильными шагами он в мгновение ока пробежал через леса, поля, реки, озера, горы, даже деревни и города.

Наконец людоед устал, остановился, присел на скалу и задумался. Куда могли подеваться негодные, непослушные мальчишки? Вдруг на дороге появилась королевская карета. В окне ее показалась принцесса и с любопытством взглянула на Людоеда.

– Настоящий людоед! – воскликнула она и даже захлопала в ладоши от восторга.

Людоед, которому это польстило, галантно поклонился.

– Ваше высочество, не видели ли вы семерых мальчишек, удравших от меня?

– За пять дней, что я путешествую, мне не встретился никто, кроме вас, – ответила принцесса, хотя она и видела, как Мальчик-с-пальчик и его братья пробирались через лес по сугробам.

Людоед молча поклонился и отправился домой. «Нужно делать шаги поменьше, – решил он. – Они не могли далеко убежать. Poiшу-ка я их поближе к дому».

Наконец Людоед добрался до леса, по которому, выбиваясь из последних сил, брели мальчики.

Но ведь и Людоед, не позавтракав и проделав в семимильных сапогах такой путь, очень устал. Ноги у него болели, и хотелось немного отдохнуть. Несмотря на мороз, он улегся под деревом, надвинул на глаза шляпу и задремал.

Тем временем братья вышли из чащи как раз в том месте, где спал великан. Они застыли как вкопанные, увидев своего преследователя, похрапывающего под деревом.

– Это людоед... Мы пропали! – прошептали братья.

– Как бы не так! – сказал Мальчик-с-пальчик. – Спрячьтесь в кустах, сидите тихо и ждите меня. А если людоед меня схватит, бегите домой.

Мальчик-с-пальчик подкрался к Людоеду, осторожно стащил с него семимильные сапоги и вернулся к спрятавшимся в кустах братьям. Людоед по-прежнему спал.

– А теперь, – сказал Мальчик-с-пальчик, – бежим скорее!

Собрав последние силы, братья бросились через лес и вскоре прибежали к своему домику, где их ждали родители.

Людоед проснулся и, увидев, что кто-то украл его сапоги, закричал так громко, что с деревьев осыпался снег.

– Воры! Ограбили! – кричал он, размахивая огромными ручищами.

Без семимильных сапог ему трудно было догнать даже замерзшего, голодного зайца. Пришел конец его владычеству. С тех пор Людоед затосковал, однажды ушел из дому, и больше его никто не видел.

А семья дровосека по-прежнему жила бедно, впроголодь. Часто братья ложились спать без ужина, но все равно росли и мужали не по дням, а по часам. Даже Мальчик-с-пальчик немного подрос, хотя, как и раньше, рядом с высокими и крепкими братьями выглядел маленьким и слабым. Ну и что, зато он стал еще смысленнее и все чаще задумывался над тем, как бы заработать денег для родителей.

Однажды Мальчик-с-пальчик достал из старого сундука пару сапог с золотыми пряжками, которые он стащил у злого людоеда. Все-таки это были семимильные сапоги, так почему же не извлечь из них пользу?

– Я пойду в королевский дворец, – сказал родителям Мальчик-с-пальчик, – и поступлю на службу к королю. Буду гонцом: стану разносить королевские письма и указы.

– Это очень нелегко, – вздохнул отец.

– Что ты, отец! У меня же есть семимильные сапоги!

Мальчик-с-пальчик обулся и пустился в путь.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как был уже во дворце. Король, королева и все придворные выглядели очень печальными.

– Что случилось, ваше величество? – спросил Мальчик-с-пальчик.

– Беда! – ответил король. – Враг наступает, а мои войска стоят за сто миль отсюда и ничего не подозревают. Ни один гонец, даже на самом быстром коне, не успеет доставить им сообщение.

– Поручите это мне, ваше величество, – сказал Мальчик-с-пальчик, – и я вмиг доставлю послание!

– Отправляйся скорее! – воскликнул король. – Если исполнишь приказ, я осыплю тебя золотом!

Мальчик-с-пальчик мигом очутился в военном лагере и отдал письмо королевскому генералу, а потом так же быстро вернулся во дворец.

– Вот чудеса! – закричал радостно король, прочитав письмо от генерала. – Благодарю тебя за добрые вести и назначаю королевским гонцом. За каждое принесенное письмо ты будешь получать тысячу золотых.

Так и стал Мальчик-с-пальчик носиться по свету с королевскими письмами и поручениями. Когда же он стер до дыр семимильные сапоги и скопил достаточно денег, то вернулся в родной маленький домик на опушке леса.

Теперь семья дровосека не знала нужды. Мальчик-с-пальчик и его братья стали всеми уважаемыми людьми. Правда, Мальчик-с-пальчик так и остался самым маленьким среди братьев, зато все, и даже сам король, всегда спрашивают у него совета.

Спящая красавица

Давным-давно жили на свете король с королевой. Детей у них не было, а им очень хотелось иметь наследника. И вот наконец родилась у них дочка. Родители были так счастливы, что устроили пышные крестины и пригласили в гости семь фей.

Веселье было в разгаре, когда по залу вдруг пролетел холодный ветер и огонь в камине заметался. Шум и музыка стихли. У дверей неожиданно появилась восьмая фея, одетая во все черное. Ее почему-то забыли пригласить на крестины.

Королю было очень неловко и стыдно за свою забывчивость, и он попытался исправить положение: вел себя с феей очень любезно и оказывал ей всяческие знаки внимания.

Когда пир закончился, семь фей подошли к колыбельке принцессы. Первая фея одарила ее красотой, вторая – добрым сердцем, третья – обаянием, четвертая – умом, пятая – остроумием, шестая – ловкостью, а седьмая – прелестным голосом.

Наконец настал черед последней, восьмой феи. Она подошла к колыбельке, достала волшебную палочку, коснулась ею маленькой принцессы и зловеще прошептала:

– Когда принцессе исполнится пятнадцать лет, она уколется веретеном палец и заснет навеки!

– Значит, так ты отблагодарила нас за гостеприимство? – воскликнул король. – Стража, схватить ее!

Стражники бросились выполнять приказ, но алебарды выпали у них из рук, а ноги одеревенели. Злая фея громко расхохоталась:

– Против меня вы бессильны!

Она снова взмахнула волшебной палочкой и сказала:

– Когда принцесса уколется о веретено, весь дворец, каждый человек и каждое живое существо заснут навеки!

С этими словами злая фея исчезла.

Заговорила одна из оставшихся фей:

– Друзья мои, не бойтесь! Принцесса не будет спать вечно. Явится прекрасный принц, снимет заклятие, и она проснется!

– Когда же, когда это случится? – наперебой спрашивали фею.

– Этого никто не знает. Может, через сто лет, а может, и раньше.

– О горе нам, о горе! – запричитали король с королевой, а с ними придворные и гости.

На следующее утро король проснулся угрюмый и молчаливый. Во дворце стояла гнетущая тишина.

– Глашатаи, ко мне! – крикнул король. – Объявите повсюду мой приказ: все жители королевства должны срочно принести на главную площадь свои веретена, которые будут там сожжены, а пепел развеян по ветру. Каждому, кто ослушается приказа, отрубят голову!

И глашатаи отправились в путь.

Повинуясь королевскому приказу, перепуганные подданные несли свои веретена на главную площадь. Казалось, уже нигде не было ни одного веретена, которым бы королевская дочка могла уколоться. Но король никому не доверял, и нанятые им сыщики постоянно рыскали по домам в поисках спрятанных веретен.

Шли годы. Принцесса выросла и превратилась в красивую и умную девушку. В день, когда принцессе исполнилось пятнадцать лет, она, как всегда, побежала в сад поиграть со своей любимой собачкой. Принцесса зашла в самый дальний, всеми давно забытый уголок сада, где никогда раньше не бывала, и вдруг увидела за деревьями высокую мрачную башню. Охваченная любопытством, девушка поднялась по крутым ступеням и толк-

нула тяжелую дубовую дверь. В маленькой комнатке у какого-то странного приспособления сидела сухонькая сгорбленная старушка.

– Здравствуйте, бабушка! Что это такое? – спросила девушка.

– Здравствуй, милая. Это прялка и веретено, – ответила старушка.

– А что вы делаете? – не унималась принцесса.

– Я пряду, – ответила старушка. – Хочешь, и тебя научу?

– Как интересно! Конечно, хочу! – воскликнула принцесса и коснулась веретена.

Вдруг острая боль пронзила ей руку. На безымянном пальце заблестела капля крови.

В ту же секунду молния пронзила небо и раздался гром.

Принцесса расплакалась, выбежала из башни и бросилась во дворец.

Навстречу ей уже спешили король с королевой. Увидев кровь на пальце дочери, королева упала в обморок, а король смертельно побледнел.

Ничто не помогло! Сбылось проклятие злой феи! В тот же миг все обитатели замка заснули, прямо там, где стояли. Отовсюду раздавался мерный храп.

Теперь оставалось только ждать прекрасного и смелого принца...

Прошло сто лет. Густые кроны деревьев скрыли заснувший дворец от человеческих глаз, дороги к нему заросли колючим кустарником.

В одном дальнем королевстве был юный принц. Ему очень нравились таинственные истории, и он мечтал найти клад или спасти прекрасную принцессу. Услышав легенду о заколдованном дворце, он тут же воскликнул:

– Эй, слуги, седлайте коней! Мы отправляемся в путь!

Они долго ехали по разбитым дорогам и темным чащам и всех встречных расспрашивали о заколдованном дворце. Но никто не мог сказать, где его найти. Лишь через много дней принц и его свита с вершины высокого холма, откуда все окрестные поля, леса и горы были как на ладони, разглядели поросший мхом дворец, похожий на спящего каменного великана.

Пришпорив коня, принц поскакал вперед.

И вот он въехал во двор. Стояла мертвая тишина. По обе стороны от ржавых ворот похрапывали два стражника. Даже собаки спали во дворе рядом с фонтаном. Значит, люди говорили правду!

Распахнув высокие двери в королевские покои, принц увидел спящую принцессу.

Она так безмятежно спала и была так прекрасна, что принц застыл на месте, не в силах шевельнуться. Он подошел к ее ложу и опустился на колени. Потом наклонился и с замирающим сердцем поцеловал ее. В тот же миг девушка открыла глаза.

– Это вы, мой принц! – воскликнула она.

Вместе с принцессой проснулся весь дворец. Стражники, кряхтя, поднялись с земли, собаки весело залаяли, а в кухне впервые за сто лет опять загремели кастрюлями.

В дверях стояли король, королева и придворные. Все сияли от счастья.

– Да здравствует наш спаситель! – воскликнул король. – Такого прекрасного молодого человека стоило ждать целых сто лет! За то, что вы сняли с моего королевства страшное заклятие, я выполню любое ваше желание!

Принц склонил голову.

– Только одно смею я просить у вас, ваше величество, – руку вашей прекрасной дочери. Король и королева переглянулись.

– Я с радостью отдам ее тебе, – ответил король.

Счастливый принц взял свою невесту за руку, а королева улыбнулась.

– Добро пожаловать на пир, ваше высочество, – пригласил король, смеясь. – Я уже сто лет ничего не ел!

– Да, да, – подтвердили проголодавшиеся придворные.

В камине главного зала уже полыхал огонь. Зазвучали молчавшие сто лет инструменты музыкантов. Жаркое аппетитно пахло, вино лилось рекой. Принцесса сидела рядом с прекрасным принцем, и они были очень счастливы.

На следующий день сыграли пышную свадьбу. Принцесса получила в приданое пол-королевства, и принц правил им мудро и справедливо. Веретена уже никто не запрещал, и в каждом доме снова зазвучал забытый стук прялки.

Ослиная шкура

У одного богатого и могущественного короля жена была самой красивой и умной женщиной на свете. Супруги жили дружно и счастливо, но у них не было детей. Один из друзей короля умер, и сиротой осталась его дочь, молодая принцесса. Но король с королевой тотчас перевезли ее к себе во дворец и стали воспитывать как родную. Вскоре королева опасно заболела. Она все слабела и слабела, и доктора в один голос сказали, что королева уже не встанет с постели. Чувствуя приближение смерти, она подозвала короля и сказала ему слабым голосом:

– Я знаю, что скоро умру. Я хочу попросить только об одном: если вы захотите жениться во второй раз, то женитесь только на той женщине, которая будет красивее и лучше меня.

Король, громко рыдая, обещал королеве исполнить ее желание, и она умерла.

Похоронив жену, король не находил себе места от горя. Однажды к нему явились министры и стали просить его, чтобы он перестал горевать и поскорее женился. Король даже и слышать не хотел об этом.

– Я обещал покойной королеве жениться во второй раз, если найду женщину, которая будет красивее и лучше ее, но такой женщины нет во всем свете. Поэтому я никогда не женюсь, – сказал он.

Тогда министры стали каждый день показывать ему портреты самых замечательных красавиц, чтобы король выбрал себе жену, но король говорил, что умершая королева была лучше, и министры уходили ни с чем.

Наконец главный министр сказал королю:

– Ваше величество, неужели ваша воспитанница кажется вам и по уму и по красоте хуже покойной королевы? Она так умна и красива, что лучшей жены вам не найти!

Королю показалось, что его молодая воспитанница-принцесса и в самом деле лучше и красивее королевы, и, не отказываясь более, он согласился жениться на воспитаннице.

Министры и все придворные были довольны, но принцессе это показалось ужасным. Ей вовсе не хотелось стать женой старого короля. Однако тот не слушал ее возражений и приказал ей как можно скорее готовиться к свадьбе.

Принцесса вспомнила о своей тетке, волшебнице, и решила посоветоваться с ней. В ту же ночь она отправилась к волшебнице.

– Потребуй у короля платье, голубое, как небо. Такого платья он не сможет тебе достать, – сказала волшебница.

Принцесса поблагодарила волшебницу за совет и вернулась домой. На следующее утро она сказала королю, что до тех пор не согласится выйти за него замуж, пока не получит от него платья, голубого, как небо.

Король немедленно созвал самых лучших мастеров и приказал им сшить платье, голубое, как небо.

На другой же день мастера принесли заказанное платье, и в сравнении с ним сам голубой небесный свод, окруженный золотыми облаками, показался не таким красивым.

Получив платье, принцесса испугалась. Она опять поехала к волшебнице и спросила, что ей теперь делать. Волшебница была очень раздосадована, что замысел ее не удался, и велела принцессе потребовать у короля платье лунного цвета.

Король послал за самыми искусными мастерами и таким грозным голосом отдал им приказание, что не прошло и суток, как мастера уже принесли платье.

При виде этого прекрасного наряда принцесса загоревала еще сильнее.

Волшебница явилась к принцессе и, узнав о второй неудаче, сказала ей:

– Ив тот, и в другой раз королю удалось исполнить твою просьбу. Потребуй у него платье, блестящее, как солнце.

Принцесса согласилась и потребовала от короля такое платье. Король отдал все бриллианты и рубины из своей короны, лишь бы платье блесло, как солнце. Поэтому, когда платье принесли и развернули, все сейчас же зажмурились: оно и вправду блесло, как настоящее солнце.

Не радовалась одна принцесса. Волшебница была очень опечалена тем, что все ее советы ни к чему не привели.

– Ну, теперь, дитя мое, – сказала она принцессе, – потребуй у короля шкуру его любимого осла. Уж ее-то он наверняка не даст тебе!

А надо сказать, что осел, шкуру которого волшебница велела потребовать у короля, был не обыкновенный. Каждое утро он вместо навоза покрывал свою подстилку блестящими золотыми монетами.

Принцесса обрадовалась. Она весело побежала к королю и потребовала ослиную шкуру.

Король хотя и удивился, но, не раздумывая, исполнил ее желание. Осла убили и его шкуру торжественно принесли принцессе. Теперь-то уж она совсем не знала, что ей делать.

– Не горюй так сильно, милая! – сказала волшебница. – Завернись в ослиную шкуру и поскорее уходи из дворца. С собой ничего не бери: сундук с твоими платьями будет следовать за тобой под землей. Вот тебе моя волшебная палочка. Когда понадобится сундук, ударь палочкой по земле, и он явится перед тобой.

Принцесса поцеловала волшебницу, натянула на себя мерзкую ослиную шкуру, вымала лицо сажей, чтобы ее никто не узнал, и вышла из дворца.

Исчезновение принцессы произвело большой переполох. Король разослал в погоню за принцессой тысячу всадников. Но волшебница сделала принцессу невидимой для глаз королевских слуг, и королю пришлось отказаться от напрасных поисков.

А принцесса между тем заходила во многие дома и просила взять ее хоть служанкой. Но никто не хотел брать принцессу к себе, потому что в ослиной шкуре она казалась необыкновенно безобразной.

Наконец она дошла до какого-то большого дома. Хозяйка этого дома согласилась принять бедную принцессу к себе в работницы. Принцесса поблагодарила хозяйку и спросила, что она должна делать. Хозяйка велела ей стирать белье, смотреть за индюшками, пасти овец и чистить свиные корыта.

С первого же дня прислуга стала грубо насмехаться над девушкой, однако понемногу к ней привыкли. К тому же работала она очень усердно, и хозяйка не позволяла ее обижать.

Однажды в доме был праздник и принцессу не заставляли работать. Она воспользовалась этим и решила нарядиться в одно из своих богатых платьев.

Принцесса ударила по земле волшебной палочкой, и сундук с нарядами явился перед ней. Принцесса достала голубое платье, которое получила от короля, ушла в свою комнатушку и стала наряжаться.

Она посмотрела на себя в зеркало, полюбовалась чудесным нарядом и с тех пор каждый праздник наряжалась в свои богатые платья. Но, кроме овец да индюшек, никто об этом не знал. Все видели ее в гадкой ослиной шкуре и даже прозвали Ослиной Шкурой.

Как-то молодой королевич возвращался с охоты и заехал в дом, где служила Ослиная Шкура. Он отдохнул немного, а потом принялся бродить по дому и по двору. Случайно он забрел в темный коридор, в конце которого находилась запертая дверь. Королевич был очень любопытен, и ему захотелось узнать, кто живет за этой дверью. Он заглянул в щелку. Каково же было его удивление, когда он увидел в маленькой тесной комнатухе прекрасную нарядную принцессу! Он побежал к хозяйке узнать, кто эта девушка.

Ему сказали, что там живет служанка, которую взяли в дом пасти овец да чистить свиные корыта.

Больше королевич ничего не узнал. Он возвратился во дворец, но не мог забыть красавицу, которую случайно увидел в дверную щелку. Он жалел, что не зашел тогда в комнату и не познакомился с ней.

Беспрерывно думая о чудесной красавице, королевич тяжело заболел. Король и королева, его родители, были в отчаянии. Они призвали докторов, но доктора ничего не могли сделать. Наконец они сказали королеве: наверное, ее сын заболел от какого-то большого горя. Королева стала расспрашивать сына, что с ним случилось.

– Я хочу, чтобы Ослиная Шкура испекла пирог и принесла его, как только он будет готов, – сказал королевич.

Королева удивилась, позвала придворных и спросила, кто такая Ослиная Шкура.

– Ах, это гадкая грязнушка! – объяснил один придворный. – Она живет недалеко отсюда и пасет овец и индюшек.

– Ну, кто бы ни была эта Ослиная Шкура, – сказала королева, – пусть она сейчас же испечет пирог для королевича!

Придворные побежали к Ослиной Шкуре и передали ей приказание королевы. Принцесса заперлась в своей комнатухе, сбросила ослиную шкуру, вымыла лицо и руки, надела чистое платье и принялась готовить пирог. Муку она взяла самую лучшую, а масло и яйца – самые свежие.

Замешивая тесто, нарочно или нечаянно, она уронила с пальца колечко. Оно упало в тесто и осталось там. Когда пирог испекся, принцесса надела противную шкуру, вышла из комнаты, подала пирог придворному и спросила его, идти ли ей с ним к королевичу. Но придворный даже не захотел отвечать ей и побежал с пирогом во дворец.

Королевич выхватил пирог из рук придворного и принялся есть его так поспешно, что все доктора качали головами и разводили руками.

Королевич чуть не подавился кольцом, которое оказалось в одном из кусков пирога. Но юноша быстро вынул колечко изо рта и после того стал есть пирог уже не так поспешно. Он долго рассматривал колечко. Оно было такое маленькое, что могло прийтись впору только самому хорошенькому пальчику на свете. Королевич то и дело целовал колечко, потом спрятал его под подушку и доставал оттуда всякий раз, когда думал, что на него никто не смотрит.

Все это время он думал об Ослиной Шкуре, но вслух говорить о ней боялся. Поэтому болезнь его усиливалась, и доктора не знали, что и подумать. Наконец они объявили королеве, что сын ее болен от любви.

– Сын мой, – сказал опечаленный король, – назови нам девушку, которую ты любишь. Обещаем, что женим тебя на ней, будь она даже самая последняя служанка!

– Дорогие отец и мать! – сказал растроганный королевич. – Я и сам не знаю, кто та девушка, которую я так горячо полюбил. Я женюсь на той, которой это колечко будет впору, кто бы она ни была.

Он вынул из-под подушки колечко Ослиной Шкуры и показал его королю и королеве.

Король с королевой взяли колечко, с любопытством рассмотрели его и, решив, что такое колечко может прийтись впору только самой прекрасной девушке, согласились с королевичем.

Король приказал немедленно разослать по всему городу скороходов, чтобы они созывали во дворец всех девушек примерять колечко.

Скороходы бегали по улицам и возглашали, что девушка, которой колечко придется впору, выйдет замуж за молодого королевича.

Сначала во дворец явились принцессы, затем придворные дамы, но ни одна не могла надеть его. Пришлось пригласить швеек. Они были хорошенькие, но пальцы их оказались слишком толсты и не пролезали в колечко.

Наконец очередь дошла до служанок, но и их постигла неудача. Тогда королевич приказал призвать кухарок, судомоек, свинопасок. Однако их огрубевшие от работы пальцы не могли пролезть в колечко дальше ногтя.

– А приводили Ослиную Шкуру, которая недавно испекла пирог? – спросил королевич.

– Ослиную Шкуру не позвали во дворец, потому что она слишком грязная и противная! – захохотали придворные.

– Сейчас же послать за ней! – приказал королевич.

И придворные, посмеиваясь, побежали за Ослиной Шкурой.

Принцесса слышала бой барабанов, крики скороходов и догадалась, что вся эта суматоха – из-за ее колечка. Она очень обрадовалась, когда увидела, что идут за ней. Она поскорее причесалась и нарядилась в платье лунного цвета. Как только принцесса услышала, что ее зовут к королевичу, она поспешно накинула поверх платья ослиную шкуру и отворила дверь.

Придворные с насмешками объявили Ослиной Шкуре, что король хочет женить на ней своего сына, и повели ее во дворец.

Удивленный необычным видом Ослиной Шкуры, королевич не мог поверить, что это та самая девушка, которую он видел сквозь дверную щелку. Опечаленный и смущенный, королевич спросил:

– Это вы живете в конце темного коридора, в том большом доме, куда я недавно заезжал с охоты?

– Да, – ответила она.

– Покажите мне свою руку, – продолжал королевич.

Каково же было изумление короля и королевы и всех придворных, когда из-под ослиной шкуры показалась маленькая нежная ручка и кольцо пришлось девушке впору. Тут принцесса сбросила с себя ослиную шкуру. Королевич, пораженный ее красотой, бросился к ее ногам, не помня себя от радости.

Вдруг потолок раскрылся и в зал на колеснице из сиреневых цветов и веток спустилась волшебница и рассказала всем историю принцессы.

Король и королева, выслушав этот рассказ, сразу полюбили принцессу и выдали ее замуж за своего сына.

На свадьбу съехались короли разных стран. Ее отпраздновали с роскошью и пышностью. Но королевич и его молодая жена смотрели только друг на друга и только друг друга и видели.

Пряничный домик

Давным-давно в старом бедном домике на опушке леса жили брат и сестра, Жан и Мари. Отец их был дровосеком. Очень часто у них даже поужинать было нечем, и тогда вся семья ложилась спать голодной.

Единственным лакомством детей были ягоды. В воскресные дни Жан и Мари брали корзинки и отправлялись за ними в лес.

Как-то дети, собирая грибы и ягоды, очень увлеклись и не заметили, как наступил вечер. Солнце скрылось за темными тучами, а ветки деревьев зловеще зашумели. Мари и Жан в страхе огляделись вокруг.

– Похоже, мы заблудились, – сказала Мари.

– Я боюсь, – пролепетал Жан.

Стало совсем темно. Мари обняла брата, и дрожащие от холода дети прижались друг к другу. Где-то ухала сова, а издалека доносился вой голодного волка.

Дети, прислушиваясь к зловещим голосам, всю ночь так и не сомкнули глаз. Наконец блеснуло солнце, и постепенно лес перестал быть мрачным и страшным. Жан и Мари поднялись и пошли искать дорогу домой.

Они шли по незнакомым местам. Кругом росли громадные грибы и ягоды, намного больше тех, что они обычно собирали. Все было каким-то необычным и странным.

Наконец Жан и Мари вышли на поляну, посреди которой стоял домик. Крыша у него была сделана из шоколадных пряников, стены – из розового марципана, а забор – из больших миндальных орехов. Вокруг него был сад, в котором росли разноцветные конфеты, а на маленьких деревцах висел изюм. Жан не поверил своим глазам.

– Пряничный домик! – радостно воскликнул он.

– Садик из конфет! – воскликнула и Мари.

Голодные дети бросились к чудесному домику. Жан тут же отломил от крыши кусок пряника и принялся за еду. Мари стала лакомиться марципановыми кирпичиками, миндалем с забора и изюмом с деревьев.

Когда дети наелись, им захотелось пить. Посреди садика был фонтан, в котором, переливаясь всеми цветами, журчала вода. Жан отхлебнул из фонтана и удивленно воскликнул:

– Да это же лимонад!

Но вдруг в саду появилась старушка.

– Вкусный домик, не правда ли, детишки? – спросила она.

– Мы потерялись в лесу... мы так проголодались... – пролепетала Мари.

Но старушка совсем не рассердилась.

– Входите в дом, дети, и получите кое-что повкуснее.

Однако, стоило двери домика захлопнуться за детьми, старушка из доброй и приветливой превратилась в злую ведьму.

– Вот вы и попались! – прохрипела она.

Не успели дети глазом моргнуть, как ведьма схватила Жана, втокнула его в темный чулан и заперла за ним тяжелую дубовую дверь.

– Мари! – кричал бедный мальчик. – Мне страшно!

– Сиди тихо! – прикрикнула ведьма. – Ты ел мой дом, а теперь я съем тебя! Но сначала немножко откормлю – ты слишком худенький.

Жан и Мари громко заплакали. Родители были далеко, и никто не мог прийти к ним на помощь.

Злая ведьма подошла к чулану.

– Просунь-ка палец в щелку! – приказала она Жану.

Мальчик послушно просунул в щелку пальчик. Ведьма пощупала его и недовольно сказала:

– Одни кости. Ничего, через недельку ты у меня будешь толстеньким-претолстеньким.

И ведьма начала откармливать Жана. Каждый день она готовила ему что-нибудь вкусное, приносила много меда, марципанов, горы шоколада и изюма, а вечером приказывала просовывать в щелку пальчик и ощупывала его.

– Мой золотой, – говорила она, сладко улыбаясь, – ты толстеешь на глазах!

И правда, Жан быстро толстел. Мари не знала, что делать, но однажды придумала.

– Жан, в следующий раз покажи ей вот это, – сказала она и просунула в чулан тоненькую палочку.

Вечером ведьма велела Жану:

– Покажи пальчик, мой сладенький.

Жан просунул в щелку палочку, которую дала ему сестра. Старуха потрогала ее и закричала:

– Что такое? Опять одни кости!

На следующий день, когда Жан снова просунул в щелку палочку, ведьма не на шутку разозлилась.

– Не верю! Не может быть, чтобы ты был такой худой! Покажи-ка еще раз палец.

Жан снова просунул в щель палочку, но старуха вдруг дернула ее изо всей силы.

Палочка осталась у нее в руке.

– Ах ты, обманщик! – крикнула она в ярости.

Ведьма открыла чулан и вытащила оттуда перепуганного Жана.

– Из тебя получится отличное жаркое! – кричала она.

Дети оцепенели от ужаса. А ведьма затопила печь, и через минуту она уже разгорелась.

Ведьма посадила Жана на большую деревянную лопату, на которой обычно кладут в печь хлеб, и попыталась сунуть в огонь. Но мальчик так растолстел, что не пролезал в печку.

– А ну, слезай! – приказала старуха. – Ложись-ка на лопату.

– Но я не знаю, как лечь, – захныкал Жан.

– Вот дурень! – буркнула ведьма. – Отойди! Я тебе покажу!

И она легла на лопату. В тот же миг Мари схватила лопату и сунула ведьму прямо в печь. Потом быстро закрыла железную дверцу и, схватив брата за руку, крикнула:

– Бежим скорее!

Дети выбежали из пряничного домика и со всех ног помчались прочь.

Не разбирая дороги, они долго бежали по лесу и замедлили шаг только тогда, когда на небе появились первые звезды.

Вдруг они заметили вдали слабый мерцающий огонек.

– Мари, это наш дом! – радостно крикнул запыхавшийся Жан.

Действительно, это был их старый, бедный, покосившийся домик.

На пороге стояли их мать и отец, с тревогой и надеждой вглядываясь в темноту.

Как же они обрадовались, когда увидели бегущих к ним детей!

А о злой ведьме, жившей в глухом лесу, никто больше никогда не слышал. Она так сгорела в собственной печи, а ее пряничный домик развалился на тысячи крошек, которые склевывали лесные птицы.

Смешные желания

Жил да был дровосек. Сказать по правде, он был неудачник. Ему постоянно не везло, то дерево повалит на чужую кобылу, то лес запалит. Одним словом – неудачник. И сжалились над ним небеса. Прилетел однажды к нему ангел и сказал:

– Я выполню любые твои три желания.

Дровосек опешил и растерялся. Он попросил ангела обождать с желаниями и поспешил домой к жене. Она у дровосека была весьма сварлива, поэтому самолично принимать важные решения он не мог.

Придя домой и рассказав жене обо всем, что с ним произошло, дровосек поел и лег отдыхать, решив, что желания он станет загадывать завтра.

– Мы сможем стать самыми богатыми людьми на земле, – мечтала жена, – мы станем королями, и все нынешние правители будут присягать нам в верности.

– Да успокойся ты, – бурчал дровосек, – зачем тебе это?

– Как зачем? – удивилась жена. – Мне надоело жить в этой халупе, хочу жить в замке и чтобы за мной ходила свита фрейлин.

– А я бы хотел сейчас колбаски, – сладко зевнув, промолвил дровосек.

Не успел он это сказать, как из-за плиты вылезла большая палка колбасы и упала на стол. От удивления и неожиданности дровосек потерял дар речи. Он понял, что это было его первое желание. Но на его беду, это поняла и жена, которая также была свидетелем этого «чуда».

– Ты на что потратил свое желание, дуралей? – взвилась она. – Вместо того чтобы стать королем и купаться в алмазах, ты загадал палку колбасы, которую и я бы смогла тебе состряпать!

Понимание правоты жены расстроило дровосека.

– Ты права, дурак я дурак, – вздохнул он.

Но супруга не унималась, ее гнев был столь велик, что заткнуть фонтан ругани, извергавшийся из ее рта, было просто невозможно, равно как и продолжать его слушать. Тогда дровосек смекнул и потратил второе свое желание:

– Господи, если это в твоих силах, сделай так, чтобы моя жена замолчала, – взмолился дровосек под неумолкающую ругань жены.

А дальше произошло еще одно «чудо»: от палки колбасы, которая лежала на столе, отделился один кругляшок и прирос к носу жены дровосека. От неожиданности произошедшего она замолчала.

– Экий у тебя стал носик красивый, – с издевкой промолвил дровосек. Он ожидал, что его женушка разразится новым приступом брани, но она, пораженная ужасной переменой в своем облике, крутилась перед зеркалом, разглядывая свой нос.

Осталось одно желание, и дровосек решил, что надо отдать право им воспользоваться своей жене.

– Теперь, дорогая, у нас есть только одно желание, и сейчас ты можешь выбрать – или быть царицей с колбасным носом и купаться в бриллиантах, или остаться все той же женой дровосека, но вернуть себе свой нормальный нос, – ехидно подытожил он.

Нетрудно догадаться, что выбрала жена дровосека, она так и осталась в своей лачуге и так и не стала королевной.

Вот так часто бывает, что человек совершенно не ценит то, что у него есть, а только и делает, что мечтает о несбыточном.

Зеленая змея

Жили-были король и королева, у которых родились однажды дочки-близнецы. Родители пригласили на крестины фей. А в те далекие времена, если феи приходили крестить ребенка, они приносили ему в дар множество подарков. Они могли превратить обычного ребенка в красивейшего и умнейшего в мире. Но изредка феи, обидевшись на что-либо, могли пожелать младенцу много плохого, поэтому все родители старались всячески угодить феям.

И вот во дворце был устроен шикарный бал в честь крестин, ну и для того, чтобы феи остались довольны. Не успели феи приняться за еду, как появилась старая-старая фея, которую уже много лет никто не видел и которую никто на пригласил на бал. Королева затряслась от страшного предчувствия.

Старая карга подошла к кровати первого ребенка и сказала:

– Я желаю тебе быть самой отвратительной и ужасной на всем белом свете.

Она подошла уже было к другой кровати, но тут к ней подскочила молоденькая смелая фея, оставшаяся в тронном зале, и схватила ее за горб. Старуха от злости вспыхнула и сгорела. Вернувшиеся феи постарались наградить бедную пострадавшую малышку самыми лучшими своими дарами. Но королева была безутешна, видя, что с каждой минутой ее дочь становится все уродливей и уродливей.

Феи подумали, как можно помочь бедняжке, и сказали:

– Ваше величество, не печальтесь. Мы обещаем вам, что в один прекрасный день ваша дочь станет счастливейшей девушкой на свете.

– А будет ли она красивой? – спросила безутешная королева.

– Мы не можем всего объяснить, – ответили феи. – Но верьте нам – она будет счастливой.

Королева поблагодарила их. Первую дочь она назвала Дорагли, а вторую – Дорабелла. Дорагли с годами становилась все уродливее, а Дорабелла – все прекрасней. Когда Дорагли исполнилось 12 лет, она стала такой ужасной, что никто без брезгливости не мог даже смотреть на нее. Поэтому король купил самый отдаленный замок в королевстве и поселил ее туда жить в одиночестве. Она поехала туда со своей старой нянькой и несколькими слугами. Старый замок стоял на берегу моря. Здесь и жила Дорагли долгих два года.

Она занималась музыкой и живописью и даже сочинила целую книгу стихов. Но она очень скучала по родителям и однажды решила навестить их. Дорагли приехала как раз в то время, когда ее сестра выходила замуж за принца из соседнего королевства. Родственники были совсем не рады ей. Им было неприятно смотреть на ее уродство, и они боялись, что принц, увидев ее, откажется жениться на ее сестре, Дорабелле.

Бедная Дорагли сквозь слезы сказала им:

– Я приехала только, чтобы на минуточку увидеть вас. Я так скучала! Но вы не желаете меня видеть, и я сейчас же уезжаю обратно!

Она хотела было напомнить им, что ее уродство – это не ее вина, а их, но у нее было очень доброе сердце, и она не стала этого делать, а лишь в слезах покинула дворец.

Однажды, гуляя по лесу, она увидела огромную зеленую змею, которая, приподняв голову, сказала ей человеческим голосом:

– Доброе утро, Дорагли. Не грусти. Посмотри на меня. Я гораздо уродливей тебя. А когда-то я была привлекательной.

Дорагли очень испугалась и побежала домой. Пару дней она боялась выходить из дома, но однажды вечером, устав от однообразности дворцовых комнат, она вышла прогуляться на берег. Подойдя к берегу, она увидела роскошную маленькую золотую лодочку, всю усы-

панную драгоценными камнями и сияющую в лучах заходящего солнца. Ее весла были сделаны из чистого золота. Лодочка потихоньку качалась на волнах, и Дорагли подошла посмотреть ее поближе. Она вошла в лодочку и спустилась в маленькую кабину, обшитую зеленым бархатом. Пока она рассматривала убранство каюты, подул ветер, и лодочка быстро поплыла в открытое море. Дорагли сначала пыталась остановить лодочку, но потом подумала:

– Я скорее всего погибну, и тогда мои страдания закончатся. Я такая уродина, что все ненавидят меня. Моя сестра стала королевой, а я осталась страшной уродиной. Только гадкие змеи хотят говорить со мной.

Вдруг среди волн появилась зеленая змея, которая сказала человеческим голосом:

– Дорагли, если ты не отвергнешь помощь гадкой змеи, я смогу спасти тебе жизнь и вернуть красоту.

– Лучше я умру, – сказала Дорагли, так как всю жизнь боялась змей.

Ни слова не сказав, змея исчезла в волнах.

«Это зеленое чудовище наводит на меня ужас. Я просто трясусь от страха, когда вижу эти глаза и жало, которое торчит из ее ужасной пасти. Лучше я погибну, чем доверю ей свою жизнь. Но почему она преследует меня? И как она научилась говорить?» – подумала Дорагли.

Вдруг ветер донес до нее слова:

– Принцесса, не будь жестока с зеленой змеей. Она может тебе помочь даже в том, в чем ты не предполагаешь. Позволь ей сделать это.

Тут налетел вихрь, он погнал лодку на рифы и, разбив ее вдребезги, стих. Дорагли схватилась за обломок лодки, едва уместаясь на нем. Вдруг она с ужасом поняла, что держится не за обломок лодки, а на зеленой змее. Через какое-то время они подплыли к скале, и змея, высадив Дорагли на берег, исчезла в волнах. Дорагли, в одиночестве сидя на скале, плакала, приговаривая: «Я спаслась от бури, но здесь я точно умру».

Приближался вечер. Вскрабавшись на верхушку скалы, Дорагли прилегла и вскоре заснула. Во сне ей слышалась самая чудесная музыка, которую она когда-либо могла слышать. «Какой дивный сон», – подумалось Дорагли, и, потянувшись, она открыла глаза. Но как же она удивилась, когда неожиданно увидела вокруг себя не море и не скалу под собою, а кровать резного дерева в прекрасном золотом зале.

– Что это со мной и где я нахожусь? – удивилась Дорагли.

Неожиданно она услышала легкий стук в дверь. Подойдя и открыв ее, она обнаружила на пороге много маленьких куколок, живых, как обычные люди. Они были величиной не больше ладони, но хохотали и болтали, как люди. Куколки поздоровались с Дорагли и выразили надежду, что ей пришлось по вкусу в их чудесном королевстве.

– Наша дорогая гостья, – сказала самая маленькая куколка, – наш великий король приказал, чтобы мы сделали ваше пребывание здесь как можно счастливее. Поэтому мы в вашем распоряжении.

Они повели Дорагли в сад, где показали ей роскошный бассейн. Рядом с бассейном она увидела два больших стула.

– Чьи это? – спросила она.

– Один короля, – сказали куколки, – а второй – ваш.

– Но где же сам король? Я его не вижу, – сказала Дорагли.

– Он сейчас сражается на войне, – ответила одна из куколок.

– А у него есть жена? – поинтересовалась Дорагли.

– Нет, – ответила куколка. – Он еще не встретил свою мечту.

Искупавшись в бассейне, Дорагли надела роскошные одежды, которые принесли ей куколки. Они расчесали ее и украсили прическу драгоценными самоцветами. Дорагли была счастлива. Впервые в жизни она почувствовала себя принцессой.

Незаметно пролетела неделя. Дорагли была счастлива, куколки тоже. Они полюбили ее за доброе сердце. Однажды ночью, лежа в своей постели, она размышляла, что же будет дальше. Она чувствовала себя почему-то все равно одиноко.

«Это потому, что не знаешь любви, – ответил ее мыслям голос сверху. – Настоящее счастье приходит только к любящим людям».

– Кто из куколок разговаривает со мной? – поинтересовалась Дорагли.

– Это не куколка. Это я, владыка всех этих земель, моя дорогая. И я люблю вас всем своим сердцем.

– Король любит меня? – спросила пораженная Дорагли. – Вы, наверное, слепы. Я уродливее всех на свете.

– Нет, я прекрасно вижу вас и все же настаиваю, что вы самая прекрасная девушка на свете.

– Вы очень великодушны, – сказала Дорагли. – У меня нет слов.

Невидимый король больше не вымолвил ни слова в эту ночь. На следующий день Дорагли спросила куколок, не вернулся ли с полей сражений король, и их ответ: «Нет еще», очень ее удивил.

– Молод ли и хорош ли он собой? – спросила она.

– Да, – ответили куколки. – И еще он очень внимателен. Он сообщает нам новости о себе каждый день.

– Но знает ли он, что я здесь?

– Да, он знает о вас все. Каждый час скороходы доставляют ему подробный отчет о вашем пребывании в его королевстве.

С тех пор, почувствовав себя одиноко, Дорагли тут же слышала голос невидимого короля. Он всегда говорил ей приятные и нежные слова. Однажды ночью, проснувшись, она увидела рядом со своей кроватью туманный силуэт. Она решила, что это одна из куколок охраняет ее сон, и протянула руку, пытаясь дотронуться до фигурки. Вдруг кто-то начал целовать ее руку, и несколько капель слез пролилось на нее.

Дорагли вдруг поняла, что это невидимый король.

– Чего ты хочешь от меня? – спросила она. – Как я могу полюбить тебя, если никогда не видела твоего лица?

– Моя возлюбленная принцесса, – ответил невидимый король. – Дело в том, что я не могу показать тебе свое лицо. Злая старая колдунья, которая так жестоко поступила с тобой, наложила на меня семилетнее заклятье. Пять лет уже минуло, осталось лишь два года. И если ты сейчас согласишься выйти за меня замуж, они будут самыми счастливыми в моей жизни.

Тронутая добротой и благородством невидимого короля, Дорагли сразу же полюбила его и дала согласие выйти за него замуж. При этом она обещала, что не будет стараться увидеть его, пока не пройдут эти злополучные два года.

– Все дело в том, моя любимая, – сказал невидимый король, – что если ты нарушишь свой обет, то с этого момента семь лет заклятья начнутся вновь. А если ты сдержишь свое обещание, то я через два года предстану пред тобой самым красивым мужчиной на свете, и ты тоже станешь прекраснейшей из королев, поскольку и к тебе вернется твоя красота, отобранная злой колдуньей.

Дорагли пообещала ему быть терпеливой и нелюбопытной, и вскоре они поженились. Но однажды ночью она поставила у своей кровати лампу, и когда король подошел к ее кровати, она осветила его лицо. О ужас! Это был вовсе не король, а огромная зеленая змея.

– О боже! – вскричал, заливаясь слезами, король. – За что ты так поступила со мной, ведь я так сильно люблю тебя!

Дорагли в ответ только молча тряслась от страха. Зеленая змея исчезла. Утром явились куколки, очень грустные, поскольку только что получили новости, что злая колдунья наслала на их королевство врагов – марионеток. Куколки храбро сражались и победили их. Тогда колдунья закружила вихрь из пыли и грязи на все королевство невидимого короля. Уцелела только Дорагли. Марионетки взяли ее в плен и привели к старой колдунье.

– Здравствуй, дорогуша, – сказала старуха. – Мне кажется, что мы раньше встречались с тобой. – Она захохотала. – Я как-то раз преотличненько погуляла на твоих крестинах.

– Неужели, – взмолилась Дорагли, – ты тогда недостаточно наказала меня, сделав отвратительной уродиной? Зачем же сейчас ты продолжаешь делать мне больно?

– Ты слишком много болтаешь, – сказала старуха. – Эй, слуги, принесите железные башмаки и наденьте их на эту... королеву.

Слуги натянули узкие и тяжелые башмаки на королеву. Потом старуха дала ей ужасное веретено, колющее пальцы до крови, и спутанный клубок паутины.

– Распутай ее в течение двух часов и спряди в красивую пряжу.

– Я не умею прясть, но постараюсь, – ответила Дорагли.

Ее отвели в темную-претемную маленькую каморку и закрыли на замок. Дорагли несколько раз пыталась распутать паутину, но у нее ничего не получалось. Она до крови исколола себе пальцы.

Уронив голову на грудь, она горько зарыдала, вспомнив свою безмятежно-счастливую жизнь во дворце, которую она потеряла по собственной глупости.

Вдруг она услышала знакомый голос.

– Моя возлюбленная, зачем ты заставила меня так страдать? Но я люблю тебя и хочу, чтобы ты спаслась. У меня остался один друг – Фея Покровительница, и я попросил ее помочь тебе.

Тут кто-то три раза хлопнул в ладоши, и паутина Дорагли превратилась в прелестную пряжу.

Через два часа явилась колдунья, предвкушая расправу.

– Ну что же ты не напряла, гадкая ленивая девка? – еще с порога завопила она.

– Я сделала все, что смогла, – ответила Дорагли, протягивая ей моток красивой пряжи.

– Ты думаешь, что ты можешь перехитрить меня, – затряслась от злости ведьма. – Ну так вот, мое второе задание. Сплети из этой пряжи сеть, причем такую, чтобы ею можно было ловить рыбу.

– Но, бабуля, – отвечала ей Дорагли, – даже мухи иногда прорывают сеть из паутины.

– Я испепелю тебя, если ты не выполнишь мое задание, – злобно зашипела старуха.

Как только она покинула комнатку, Дорагли горько заплакала и, воздев к небу руки, сказала:

– Фея Покровительница, умоляю тебя, помоги мне.

Не успела она договорить, как сеть была готова. Дорагли воздала хвалы фее и добавила:

– Мой любимый король! Только теперь я поняла, как не ценила твою любовь и причинила тебе столько страданий. Прости меня, если можешь.

Когда ведьма увидела сеть, она пришла в бешенство.

– Я заберу тебя к себе во дворец, и там уже никто не сможет тебе помочь! – вскричала она.

Она схватила Дорагли и велела слугам увезти ее на корабле к себе в замок. Ночью, сидя на палубе, Дорагли смотрела на звезды и оплакивала свою несчастную судьбу. Вдруг она услышала знакомый голос.

– Не беспокойся, любовь моя. Я спасу тебя.

Дорагли посмотрела на воду и увидела зеленую змею. Вдруг откуда ни возьмись появилась злая колдунья. Она никогда не спала и слышала голос невидимого короля.

– Зеленая змея! – закричала она страшным голосом. – Я приказываю тебе уплыть отсюда на самый край света и больше здесь не появляться. Ты же, Дорагли, увидишь, что я сделаю с тобой, когда мы прибудем на место.

Зеленая змея уплыла к месту своего заключения. Наутро корабль прибыл на место. Колдунья взяла Дорагли, привязала ей на шею огромный камень и дала в руки дырявое ведро.

– Взберись на скалу, – приказала она ей, – на вершине скалы растет лес, полный злобных зверей, которые охраняют колодец Знаний и Терпения. Иди туда и принеси мне ведро, полное воды, из этого колодца. И поспеши, я даю тебе на это три года.

– Но как я могу взобраться на эту скалу? – взмолилась Дорагли. – Как я могу принести воды в дырявом ведре?

– Меня не интересует, как ты исполнишь мой приказ, – захохотала ведьма, – сделай это, или я убью зеленую змею.

Дорагли пообещала себе, что зеленая змея больше никогда не пострадает из-за нее, и принялась за дело. Фея Покровительница помогала ей как могла. Поднявшийся сильный ветер забросил Дорагли на самую верхушку скалы. Фея уладила диких зверей своим волшебством. После еще одного взмаха волшебной палочкой появилась колесница, запряженная двумя соколами. Дорагли начала горячо благодарить фею, но та, улыбнувшись, сказала:

– Зеленая змея попросила меня помогать тебе. Соколы вмиг доставят тебя до колодца Знаний и Терпения. Они также наполнят доверху водой твоё ведро. Когда ты получишь воду из колодца, омойся ею, и к тебе вернется твоя красота.

– Как это чудесно! – воскликнула Дорагли.

– Но ты должна поторопиться и сделать то, что я тебе скажу, прежде чем вернуться к колдунье. Твое заклятье сделало тебя рабыней ровно на семь лет. Птицы домчат тебя до леса. Пережди срок своего заклятья там.

Дорагли горячо поблагодарила фею и сказала:

– Все твои подарки и даже красота, которая должна вернуться ко мне, не принесут мне удовлетворения. Я не могу быть счастливой, пока страдает зеленая змея.

– Если ты будешь храброй все оставшиеся годы твоего заклятья, ты будешь свободна и зеленая змея тоже, – пообещала фея.

– Неужели такое долгое время я не увижу и не услышу его? – спросила Дорагли.

– К сожалению, нет, – ответила фея. – Твое заклятье не позволяет тебе получать от него вести.

Слезы брызнули из глаз Дорагли при этих словах. Она села в колесницу, и соколы помчали ее к колодцу Знаний и Терпения. Когда они наполнили ее ведро водой так, что не пролилось ни капельки, Дорагли подумала: «Эта вода может сделать меня мудрее. Я, пожалуй, выпью глоток и стану разумнее. А уж потом умоюсь, чтобы быть красивой». Она сначала выпила глоток волшебной воды. Потом умылась. Она стала такой привлекательной, что все птицы вокруг сразу же запели, глядя на ее красоту.

Тут же появилась добрая фея и сказала:

– Твое желание стать мудрее, чем красивее, радует меня. И я сокращу твоё заклятье на три года. Но посмотри на себя. Какой прекрасной ты стала, ты не можешь называться больше Дорагли. Я дала тебе новое имя – королева Дискрит.

Перед тем как исчезнуть, фея коснулась ног королевы, и тесные уродливые железные башмаки превратились в пару золотых туфелек. Птицы примчали королеву Дискрит в лес. Как прекрасно там было. Райские птицы пели на райских деревьях, а звери вокруг говорили человеческими голосами.

– Фея прислала нам гостью, – оповестили соколы всех вокруг. – Это королева Дискрит.

– О, как она прекрасна! – зашумели звери. – Стань, пожалуйста, нашей повелительницей!

– С удовольствием, – сказала Дискрит. – Но скажите мне сначала, что это за место, где мы сейчас находимся?

Старый и мудрый крот ответил ей:

– Много-много лет назад феи устали бороться с людской ленью, ложью и бездельем. Сначала они пытались образумить людей, но потом рассердились на них и превратили хамов в свиней, болтливые сплетницы стали попугаями или курицами, а лгуны – обезьянами. Этот лес стал их домом. Они будут здесь находиться до тех пор, пока феи не посчитают, что они достаточно проучены.

Звери очень полюбили добрую и мудрую Дискрит. Они собирали для нее орехи, кормили ее ягодами и развлекали сказками. Поистине, любой бы обрел счастье в этом раю. Но Дискрит постоянно мучилась мыслями о том, какое несчастье она принесла зеленой змее. Быстро пролетели три года.

Королева Дискрит опять надела свои железные башмаки, взяла ведро с водой мудрости, надела на шею цепь с камнем и попросила соколов отправить ее к старой ведьме.

Старуха очень удивилась, когда увидела ее. Она думала, что Дискрит уже давно умерла, или ее растерзали дикие звери в лесу. Но вот перед ней стояла живая и здоровая Дискрит и протягивала ей ведро с волшебной водой. Увидев ее лицо, ведьма впала в неописуемую ярость.

– Что сделало тебя такой красивой? – зарычала она диким от злобы голосом.

– Я умылась водой мудрости, – сказала королева.

– Ты посмела послушаться меня, – закричала колдунья, в ярости топая ногами. – Я накажу тебя. Отправляйся в своих железных башмаках на край света. Там в глубокой яме лежит бутылка с эликсиром долголетия. Принеси ее мне. Я запрещаю тебе открывать бутылку. Если ты ослушаешься меня, твое заклятие будет длиться вечно.

Слезы навернулись на глаза Дискрит. Увидев их, колдунья злорадно засмеялась.

– Беги быстрее, – зашипела она. – И попробуй не выполнить мой приказ!

Принцесса побрела, даже не зная, где находится этот конец света. Она шла много-много дней и ночей, но однажды ее израненные и кровоточащие ноги подкосились от усталости. Она упала на землю и подумала, что умирает и сожалеет только о том, что больше не увидит зеленой змеи. Вдруг перед ней появилась добрая фея и сказала ей:

– Дискрит, знаешь ли ты, что ты сможешь расколдовать зеленую змею только в том случае, если принесешь колдунье эликсир долголетия?

– Я обязательно дойду туда, – пообещала Дискрит. – Но как мне узнать, где находится край света?

– Возьми эту волшебную ветвь, – сказала фея, – и воткни ее в землю.

Поблагодарив фею, королева все исполнила, как она велела. Со страшным гулом перед ней раздвинулась земля, и королева увидела глубокую темную яму. И хотя она очень боялась, смело спустилась на ее дно. Отвага была заслуженно вознаграждена. Внизу ее ждал красивейший юноша на свете, и Дискрит поняла, что это зеленая змея. Увидев ее, король лишился дара речи, пораженный ее красотой.

Долгое время они сидели, обнявшись и плача от счастья. Затем появилась колдунья, охраняющая эликсир, и вручила Дискрит бутылку. Как будто чтобы испытать ее, бутылка была открыта. Но Дискрит хорошо помнила уроки судьбы и преодолела искушение отпить из бутылки.

Король и королева принесли эликсир старой ведьме. Выпив его за один глоток, она стала такой красивой и доброй, что сразу же забыла про все те гадости, которые она делала в жизни. Взмахнув своей палочкой, она превратила разрушенное королевство зеленой змеи в еще более прекрасное, чем прежде. Затем она отослала прекрасного короля и мудрую королеву домой к своим любимым куколкам.

Там они и прожили долго и счастливо много-много лет.

Хрустальный мост

Жили-были однажды дед со старухой. Как-то раз, убираясь в сарае, дед нашел медную монетку.

– Что мы будем с ней делать? – спросил дед.

– Поедем завтра на базар и купим курицу, – ответила старуха.

Утром они отправились на базар и купили курицу. Она снесла им много яиц, старуха их удачно продала на базаре, и зажили они с дедом припеваючи.

Через некоторое время, убираясь в сарае, дед опять нашел медную монетку.

– Что мы будем с ней делать теперь? – спросил он.

– Поедем на базар и купим петуха, – ответила жена.

Они отправились на базар и купили петушка. Курочка с петушком привели цыплят, которых старуха продала на базаре, и зажили они лучше прежнего.

Через несколько дней старик опять нашел монетку в сарае. На нее была куплена коза. Старуха доила много молока и продавала его. Их семья стала еще богаче. Прошло еще немного времени, и во все том же сарае дед нашел еще одну монетку. На нее старуха купила на базаре козла. Козел с козой наплодили козлят, которых дед с бабкой продали на базаре, еще больше пополнив свою копилку. Спустя несколько дней в сарае опять была найдена монетка, но уже золотая. На нее старики купили себе корову, а на следующую монетку, которая не замедлила с появлением, купили быка. Так их хозяйство разрослось, а копилка стала наполняться быстрее.

Однажды, убираясь в сарае, бабка опять нашла монетку и купила большого пушистого кота. Кот тут же переловил в доме всех мышей, которые портили хозяйское добро, и дед со старухой не могли на него нарадоваться.

Когда в сарае была найдена еще одна монетка, то старики стали думать, что бы на нее купить.

– Теперь мы достаточно богаты, – сказала бабка. – Давай построим хрустальный мост.

И мост был построен, но вот насколько крепок он получился? Решили дед да бабка проверить и пустили по нему курочку. Она прошла по мосту туда-сюда – мост выдержал. Следом за курочкой, гордо звеня шпорами, прошелся петушок, и опять-таки мост устоял. Потом по нему пускали козу и козла, корову и даже быка. Мост даже не треснул. И вот пришла очередь кота. Как только кот дошел до середины моста – раздался треск и мост развалился.

Так кто же был всех тяжелее? Кот! А почему? Потому что он пил много молока!

Братья Гримм

Белоснежка

Однажды зимой королева сидела у окна и шила. Она загляделась на кружащиеся в воздухе снежинки и уколола иглой палец. На снег упали капельки крови.

«Пусть у меня родится дочка с кожей, белой как снег, щеками, румяными как кровь, и волосами, черными как дерево», – подумала королева.

Вскоре королева родила дочку, белую как снег и румяную как кровь, а волосы у нее были как черное дерево. Прозвали девочку Белоснежкой. Но когда она родилась, королева умерла.

Через год король женился на другой. Она была очень красива, но горда и высокомерна и не терпела, если кто-то превосходил ее красотой. У нее было волшебное зеркальце, она часто спрашивала его:

– Кто под солнцем и луной
Затмевает всех красой?

А зеркальце ей отвечало:

– Краше вас я не встречало.

Белоснежка тем временем росла и хорошела. Когда ей исполнилось семь лет, королева опять спросила у зеркальца:

– Кто под солнцем и луной
Затмевает всех красой?

А зеркальце промолвило с усмешкой:

– Прекраснее вас Белоснежка.

Королева позеленела от злости и зависти и с того дня возненавидела падчерицу.

Позвала она как-то одного из своих егерей и приказала:

– Заведи Белоснежку подальше в лес, убей и принеси мне ее сердце.

Егеря повел девочку в лес, но когда он вытащил охотничий нож и хотел уже пронзить сердце Белоснежки, она заплакала и стала просить:

– Милый егеря, сжался, оставь меня в живых! Я уйду в дремучий лес и никогда не вернусь домой.

Сжалился егеря и сказал:

– Так и быть, бедная девочка, беги!

Белоснежка убежала без оглядки. А егеря заколол молодого оленя, вырезал у него сердце и принес королеве в знак доказательства, что ее приказание исполнено. Повару было велено сварить сердце в соленой воде, и злая королева съела его, думая, что это сердце Белоснежки.

А девочка осталась в лесу одна-одинешенька. Она в страхе озиралась по сторонам, не зная, куда идти. Она брела по острым камням, пробиралась через колючие заросли, пря-

талась от диких зверей. Она уже совсем выбилась из сил, но тут увидела маленький нарядный домик под черепичной крышей. Белоснежка вошла внутрь. Домик был чисто прибран, все в нем было крошечное и красивое. На покрытом белой скатертью столике стояло семь тарелочек, возле каждой тарелочки лежали ложечка, вилочка, ножичек и стояли семь маленьких кубков. У стены стояли в ряд семь кроваток, а на них были белоснежные покрывала.

Белоснежка была очень голодна, поэтому взяла из каждой тарелочки немного еды и кусочек хлеба и выпила из каждого кубка по капле вина. Девочка очень хотела спать, она легла в одну из кроваток и тут же заснула.

Когда стемнело, пришли хозяева – семеро гномов, которые в горах добывали руду. Они зажгли семь лампочек, и, когда в домике стало светло, гномы заметили, что у них в гостях кто-то побывал.

– Кто-то ел из моей тарелочки! – закричал самый маленький гном.

– И из моей! – почти хором ответили другие гномы.

– Кто-то пил из моего кубка! – опять закричал он.

– И из наших! – отозвались гномы.

Огляделись гномы и увидели в одной из кроваток спящую девочку. Они закричали все разом от удивления, принесли свои лампы и осветили Белоснежку.

– Какая красивая девочка! – воскликнули гномы.

Они так обрадовались, что не стали ее будить. А седьмой гном спал у каждого из своих товарищей по часу – так и ночь прошла.

Утром Белоснежка проснулась, увидела семерых гномов и очень испугалась. Но они ласково спросили ее:

– Как тебя зовут, девочка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.